
Моя история началась задолго до сегодняшнего дня. Она началась за несколько лет до моего рождения, когда мужчина, которого я вынуждена называть отцом, впервые задумался, как защитить свою любимую драгоценную шкурку от собственной глупости. И ему не пришло в голову ничего лучше, как зачать меня на стороне.

– Анита! – позвала меня приемная мать, и я поспешила выйти из своей комнаты, чтобы проводить ее на работу. Не успела я подойти, как она налетела на меня, обняла, поцеловала в щеку и попросила. – Сделай вчерашние коктейли. Сегодня ко мне придут девочки работы. Я закажу еду. Себе тоже можешь что-нибудь заказать. – Она посмотрела на часы, еще раз чмокнула меня в щеку и, прежде чем упорхнуть, закончила. – Я полетела. Не скучай, дорогая!

Дверь за Мариной Васильевной захлопнулась, и мне не пришлось даже закрывать. Благодаря летним каникулам, я была совершенно свободна и никуда не спешила. Так что для меня не было проблемой заняться подготовкой к выполнению небольшой просьбы, тем более, что Марина Васильевна ответственно выполняла взятые на себя материнские обязательства.

Мне было уже восемнадцать, но она не выгнала меня из квартиры и не отказалась содержать, пока я не окончу университет и не найду работу. И я все равно не могла называть ее мамой. Марина Васильевна взяла меня из детского дома сразу после развода ради материнского капитала, который вложила в первый взнос на ипотеку, и мы с моим сводным братом получили каждый по личной комнате.

Счастье было недолгим, и спустя всего несколько месяцев мы с Мариной Васильевной остались вдвоем. Ее бывший муж, шантажируя сыном, проиграл в суде на определение места проживания ребенка. А еще через полгода проиграл второй суд по обвинению в его убийстве. Проблемы с алкоголем начались и закончились в один нехороший субботний день, а в воскресенье началась ремонтная эпопея длительностью в шесть лет.

Именно по столь великому событию, как завершение ремонта в теперь уже двухкомнатной квартире со студийной кухней-гостиной, были приглашены две подруги с работы. Мне приглашать было некого. В школе я умудрилась ни с кем не подружиться и ни в какие кружки не ходить. Большим минусом для адаптации в коллективе был мой возраст. Я старше одноклассников на два года из-за некоторых проблем, поэтому в следующем году я пойду в одиннадцатый класс, а не на третий курс.

Развернувшись, я потопала на кухню, где меня уже ждали бутылка белого рома, два килограмма свежей садовой клубники и пакет с лаймами и киви. Видимо, в магазине была акция, и фрукты шли по одной цене. Марина Васильевна специально забежала на обед в магазин и домой, чтобы принести ингредиенты для коктейля. Смешивала и варила я словно профессиональный бармен или повар! Врожденный талант!

Готовить сами коктейли до прихода гостей я не видела смысла, поэтому озаботилась только варкой клубнично-имбирного сиропа. Остальное я буквально в считанные минуты приготовлю перед подачей. Главное, что все ингредиенты аккуратно лежали в холодильнике в быстром доступе. Клубника, сироп, ром, лаймовый сок, свежая мята и в морозилке порционный лед в кубиках.

Мне нравилось жить с Мариной Васильевной, и меня нисколько не заботило, что она удочерила меня ради материнского капитала. Я была ей благодарна за все и со страхом ждала окончания школы, когда придется выбирать будущую профессию. Любая официальная работа сопряжена с общением, а общаться с людьми я была все еще не готова. Я могла только отсрочку получить на пять-шесть лет, пока университет не окончу. Пойти на бюджет с моими знаниями не составит труда.

Помимо смешивания коктейлей и других съедобных вкусняшек, я любила книги. На виртуальной книжной полке моего ридера, подаренного на пятнадцатый день рождения (еще во время бракоразводного процесса), стояли если не сотни, то многие десятки купленных книг. Я немного подрабатывала на фрилансе написанием рефератов, и мне хватало на чтение впритык.

С удовольствием устроившись на кровати и подоткнув подушку повыше, я залипла в ридер на несколько часов, пока меня не отвлек звонок в дверь. Хотя время было уже «то самое», когда рабочий день уже закончился, но все еще рано для возвращения домой. Это, должно быть, курьер, – вспомнила я слова Марины Васильевны, а также то, что для себя ничего не заказала. Не хотелось.

Отложив ридер, я вышла из комнаты и пересекла коридор. В глазке я увидела двух мужчин в униформе управляющей компании и задумалась. Что случилось? Вроде бы все в порядке. Тогда я посмотрела еще раз, и один из мужчин как раз позвонил в звонок снова. Но больше всего меня смутила вторая нашивка «служба газа», ведь в нашем районе не было газифицированных плит. Мы не платили за газ, и никто его в наш дом не подводил.

Третий звонок я благоразумно проигнорировала, быстро-быстро набирая смс «К нам в дверь ломятся странные дядьки. Из газовой службы». Четвертого звонка уже не было. Мне показалось это большой странностью, и я еще раз посмотрела в глазок. На площадке никого не было. А из-под двери в мою квартиру валил сизый дым. Пожар? Дымовая граната, чтобы выманить меня из квартиры? Что мне делать?!

Какой еще пожар, если мы с Мариной Васильевной только-только шестилетний ремонт завершили? Я не на шутку перепугалась и снова посмотрела в глазок. В подъезде никакого задымления не было, а у меня уже весь коридор провонял! Значит, либо газовщики какую-то трубку под дверью просунули (кусок железной двери откусили что ли?), либо у меня поехала крыша – утром батарею в кухне докрашивала краской с ужасным запахом. Еще и сироп готовила в кухне. Могла надыхаться. Я к запахам крайне чувствительна.

Через полторы минуты все окна в квартире были открыты (на восьмой этаж, я надеялась, лже-газовщики подняться не смогут, если не умеют летать). Дым проникал в другие комнаты, но не выдувался. Я включила напольный вентилятор, но сизому (точнее уже синему) дыму хоть бы хны. Тогда я пошла в кухню проверять бутылку с ромом для коктейлей Марине Васильевне и ее подругам с работы. Вдруг она «опустела», а я и не заметила, пока готовила сироп?

Вроде бы бутылка как была полной, так и осталась. Даже не открывалась ни разу. И почему я сомневаюсь в чистоте собственного рассудка? Потому что дыма стало еще больше, и из коридора доносится грохот. Словно дверь выломали. Я уже не знала, за что мне хвататься и как защищаться. Я даже не знала, хотела ли я, чтобы Марина Васильевна поскорее пришла, или ей лучше здесь не появляться?

Из доступных средств самообороны – бутылка рома. На новую сковороду не хватило денег, а старую я не то что одной, двумя руками не подниму. За нож хвататься тоже страшно. Сама же пострадаю за «превышение самообороны». Не хотелось бы оказаться «самадуравинчатой» в ситуации, где я вроде изначально ни в чем не виновна.

В синем с сиреневым оттенком дыму заиграли золотые звездочки, и я поняла, что у меня совершенно точно поехала крыша. Хотелось вскрыть бутылку и выхлебать столько рома, сколько смогу, чтобы уж точно отключиться. Наутро будет болеть голова, зато все галлюцинации высплю. Останавливало чувство вины перед Мариной Васильевной. Она ведь для себя и своих подруг ром покупала, а не для меня.

С телефоном в обнимку я прячусь в шкафчик кухонного гарнитура. Я достаточно маленького роста и толщины, чтобы влезть в широкий шкафчик тумбочки под кофеварку. В полной темноте я выключила звук у смартфона и стала писать всем, чьи номера у меня были, что ко мне в квартиру вломилась газовщица. Пусть уж лучше на обследования отправят, чем я останусь одна. Тем более что номеров у меня раз-два и обчелся.

Первой написала Марина Васильевна, что она будет через несколько минут. Я надеялась, что мирного соседа, постоянно выпивающего на лавочке во дворе, потому что жена дома не разрешает, Марина Васильевна позовет с собой. Несмотря на покорный нрав, выглядел сосед впечатляюще и уже который год гонял малолетнюю шпану, чтобы не мусорили рядом с его лавочкой.

Я старалась не дрожать и не издавать ни звука. Не могла у меня так знатно поехать крыша без причины! Я ведь не пью, не курю и всякую дурь не принимаю. Никакие наследственные психические расстройства не были выявлены за двадцать лет моей жизни. Никаких трагедий в последнее время не случилось и никаких триггеров не активировалось. Разве что завершение ремонта, который на шесть лет поглотил меня с Мариной Васильевной, могло спровоцировать возвращение страха быть убитой ее бывшим мужем, как их общий сын и мой сводный брат.

Если мне покажется, что в дыму шнырял силуэт тощего, как глист, бытового инвалида мужского пола, ревнующего даже к микроволновке и дивану, то у меня точно поехала крыша по старым тревогам. Марина Васильевна спивалась недельку, эмоции выводила с естественной нуждой, а я их, по всей видимости, копила. А с последним штрихом в ремонте мою эмоциональную копилку разорвало.

Тем не менее, мне казалось, что я слышала мужские голоса. Это не был пропитый с хрипотцой

голосочек внушительного соседа и не командирский тон маменькиного сыночки-детоубийцы. Я не знала этих голосов. Возможно это были соседи, ведь я никогда не интересовалась, с кем жила по соседству. Но что соседи могли забыть в моей квартире, предварительно выбив железную дверь? Это ж какую силищу надо иметь!

Минуты тянулись невероятно долго, а экран смартфона неожиданно погас, а прощание подмигнув картинкой разрядившегося аккумулятора. Как не вовремя! Ну, ничего. Мне всего лишь нужно чуть-чуть подождать. Марина Васильевна не дура и обязательно позовет с собой соседа. Я видела его на лавочке, когда открывала окна. Нужно всего лишь немножко подождать. Немножко. Подождать.

Я прислушалась к голосам и поняла, что язык, на котором разговаривали незнакомцы, мне точно также незнаком, как и они сами. Появление иностранцев-газовщиков в нашей с Мариной Васильевной провинциальной квартире сводилось к нулю, значит у меня точно крыша поехала. Значит, все хорошо. По крайней мере, моим жизни и здоровью никто не угрожал. А голову... а голову всегда можно вылечить, если только не шизофрения.

Маленькая золотая звездочка, какие я видела в дыму в коридоре, ярким всполохом протиснулась между дверцами тумбочки, и нокаутировала меня прямо в лоб.

Голова перманентно болела, словно я несколько часов провисела ногами вверх. Может оно так и было, ведь я не чувствовала под ногами твердую опору. Я чувствовала прохладу окружающей среды, полное безветрие и небольшую влажность. Мои глаза оставались закрытыми, и я не спешила показывать, что я очнулась.

Место, где я находилось, точно не было нашей с Мариной Васильевной квартирой. Наша квартира пахла свежим ремонтом и радиаторной краской, не успевшей выветриться за несколько часов. Я предполагало, что оно также не было отделением скорой помощи. Здесь было тихо и не было резких запахов, как то было в любом медучреждении.

Снова незнакомые мужские голоса. Мне казалось, что они были теми же самыми, какие чудились мне в квартире. Я с небольшими трудностями разбирала слова, хотя язык мне был совершенно незнаком. Кто они такие? Куда они меня принесли? Зачем похитили? Почему им понадобилась именно я?

Моя одежда все еще была на мне, судя по ощущениям. Было бы хуже, если бы меня схватили в короткой пижаме, а не в джинсах с футболкой. Хотя лучше бы меня вообще не похищали. Марина Васильевна с ума сойдет, когда увидит выбитую дверь и не найдет меня. Мне за себя страшно, но ее жальче. Она столько для меня сделала. Мы друг другу самые близкие люди.

Что-то заскрипело. Этот звук напомнил мне звук открывания железной двери кабинета ОБЖ, расположенного в подвале. В мыслях пролетали самые ужасные предположения, зачем меня могли похитить. Порнография? Работоторговля? Насилие, не связанное с сексуальными девиациями?

Меня усадили на что-то крепкое и с высокой спинкой. Кажется, это был деревянный стул. Только сейчас я поняла, что все это время меня кто-то нес на плече. Тело до того онемело, что я совершенно не ориентировалась в пространстве. И тем не менее я вполне могла осознавать, что одежда на мне та же самая, хотя глаз не открывала. Чудеса, да и только.

Меня хлестнуло по лицу водным потоком, и тогда я дернулась и открыла глаза. Но ничего не увидела. Глаза словно заволочла темная пелена. Меня же не ослепили? Я не чувствовала боли и боялась, что мое тело могло быть таким нечувствительным из-за обезболивающих медикаментов. Меня похитили, чтобы поделить на органы и продать на черном рынке?

Последнего предположения я боялась сильнее всего. Если меня похитили, чтобы разобрать на органы и продать их, то мои шансы спастись стремительно падали до нуля с каждой последующей минутой. Меня не связали, но я чувствовала, что мои похитители все еще присутствовали где-то рядом.

Я слышала шарканье их шагов и негромкие, мерзкие голоса, пока они переговаривались между собой. С моего лица и волос на вымоченные футболку на груди и джинсы все еще стекали капли воды, которой меня «разбудили».

На какое-то время я даже забыла, что ослепла. Так сильно меня охватил страх приближающейся смерти. Но я не хотела умирать. Я хотела жить. Услышав шаги походки, не принадлежащей ни одному из моих похитителей, я вздрогнула и подняла голову.

Новый мужчина задал какой-то вопрос. Я поняла это по интонации, но не могла перевести на русский язык. Лингвистика никогда не была моим сильным местом, но то, что я даже близко не могла предположить, на каком языке переговаривались похитители, говорило о многом.

Меня ощутимо стукнули по лбу так, что я откинулась на жесткую спинку стула. Зато зрение стало понемногу проясняться, что порадовало и напугало меня одновременно. Что со мной сделали такого, что я не могла видеть? Накачали какими-то веществами?

В пустом темном помещении нас было двое. Возможно еще кто-то стоял сбоку или у меня за спиной, но я их уже не видела. Зато передо мной в нескольких шагах возвышался статный мужчина, чем-то отдаленно похожий на политика или бизнесмена. Выбритый, красиво одетый и хорошо пахнущий. Он резко контрастировал с окружающей обстановкой.

Мужчина вынул из кармана мой смартфон и что-то невероятно медленно набирал на виртуальной клавиатуре. Мне казалось, что это мой смартфон, ведь он невероятно похож на него. Затем мужчина подsunул мне смартфон буквально под нос с гугл-переводчиком на экране. Здесь есть интернет? Хорошо. По крайней мере, меня не вывезли за пределы зон

доступа.

«На каком языке ты понимаешь?» – значилось в поле для перевода. Мне, судя по всему, предлагали выбрать язык для взаимодействия. Хорошо ли это или плохо? Почему-то я не могла сказать наверняка.

Я кивнула. Язык онемел, и я словно потеряла дар речи. Немудрено. Из-за испытанного шока я могла бы не только зрения и голоса лишиться. Хотя сам факт, что со мной вошли «в контакт» возрождал надежду, что меня похитили все-таки не торговцы органов с черного рынка. Только бы не сутенеры, переправляющие ни о чем не подозревающих девушек для «работы» за границу. Я по телевизору видела!

Мужчина подмахнул смартфоном, как бы говоря, чтобы я ответила ему, раз не могла вымолвить ни слова. И я написала самый главный вопрос, который следовало задать в моей ситуации: «Зачем я вам нужна?» Все остальное: и «кто вы такие?» и «когда вы меня отпустите?» не имели никакого значения.

Стоило только подумать, чтобы протянуть смартфон с ответом, как у меня выдернули его из рук и с минуту набирали всего три буквы: ж, д, и. Русский язык иностранцу был чужим, но знакомым. Возможно, хорошо знакомым. Точно сутенер какой-нибудь. Я ведь симпатичная. Красивая даже. И слабая. В драке даже против одного бугая не выстою.

Смартфон снова отобрали и возвращать не собирались еще долго. Мужчина, так и не соизволив представиться и объяснить, кто он такой, отошел немного в сторону, чтобы без моего пристального взгляда набрать очередную реплику. Встать за ним я не смогла. Я была настолько обессилена, что мне казалось, будто я была связана невидимыми веревками. В существование «невидимых веревок» я не верила.

Я совершенно точно не видела его раньше. Никогда в жизни. Мог бы это быть один из дружков бывшего мужа Марины Васильевны? Тогда откуда у мерзавца друг-иностранец? Или интернет любых уродов вынесет? Еще познакомиться и встретиться поможет. Это была единственная разумная идея, но... почему спустя шесть лет? Со дня вынесения приговора прошло уже больше шести лет!

Ожидание продолжалось. Я изнервничалась вся, в уме прикидывая, как далеко меня успели увезти, пока я находилась без сознания, и есть ли у меня хоть какие-то шансы успешно сбежать. Если предположение о сутенере окажется правдой, то мне нужно сбежать до того, как меня переправят через границу. Так что о «решаться» даже вопроса не стояло. Для меня все было решено.

Для начала нужно выбраться из этой комнаты. Для начала нужно встать со стула и не упасть на пол. Я вроде бы хорошо себя чувствовала, так почему я не могла пошевелиться? Я вроде бы не ощущала сильной слабости, которую не смогу преодолеть. Что же со мной происходило такое странное?

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем мужчина наконец закончил набирать одним пальчиком довольно коротенький текст и облегченно выдохнул. Сколько ему лет, что он не в состоянии написать сообщение, словно впервые увидел смартфон? Вроде бы он умел им пользоваться, а с клавиатурой никогда раньше не работал.

Дрожащая рука приняла смартфон, и с первых строк объяснения я ахнула, чуть было не выпустив телефон из рук. Можно сказать, шутка удалась. Ничего глупее и ничего страшнее я себе представить не могла. Разве эти объяснения могли хотя бы отдаленно быть похожими на правду? Я не верила. Не верила и перечитывала объяснения, надеясь в следующий раз прочитав что-то другое. Хотя это было невозможно.

Показавшийся мне солидным мужчина признался, что он – мой кровный отец. Уже на этой фразе я могла рассмеяться. Я, конечно, не знала, кем был мой биологический отец. Зато знала, кем была мать, прежде чем погибнуть через несколько дней после моего рождения. Она заразилась чем-то в роддоме от иногородней соседки по палате, скрывшей факт болезни от врачей.

Конечно, я не могла в это поверить. Я не хотела верить в объяснения мужчины, потому что они мне совершенно не нравились. К тому же не были похожи на счастливое воссоединение отца и дочери. Разве он хотел познакомиться со мной и начать поддерживать общение, раз похитил и притащил меня в это странное место без окон?

Я была абсолютно уверена, что мне пытаются заткнуть рот, чтобы не выкобенивалась и не

отсвечивала, пока чужие дяденьки проворачивали свои незаконные делишки. Вот только я «не отсвечивать» была согласна только для того, чтобы усыпить бдительность похитителей и сбежать.

Марина Васильевна, наверное, уже вся испереживалась, вернувшись домой и увидев выбитую дверь и мое отсутствие. Узнать бы, куда меня занесло чужими делами, тогда я бы смогла хотя бы сориентироваться и придумать план. Побег из каких-нибудь гаражей и на пересеченной местности явно будут отличаться друг от друга.

Мужчина, прикинувшийся моим отцом, протянул руку к моему лицу ладонью вверх и подвигал пальцами, словно приказывал пошевелиться и встать. И чудо – мои ноги подчинились его приказу, и тело встало со стула даже без моего на то желания. Он случаем не гипнотизер? Я сейчас в таком состоянии, что любой шарлатан без малейших трудностей убедит меня в своих сверхъестественных мистических способностях.

Мы вышли из темной комнаты с деревянным стулом. Ноги несли меня за мужчиной, и я не могла сопротивляться его приказу. Что за черт? Меня и вправду загипнотизировали? А ведь я не верила в эти глупости. Я была стопроцентно уверена, что шарлатан может обвести вокруг пальца только слабую личность с полным отсутствием силы воли. Я что ли такая же сейчас?

Я не могла даже вертеть головой. Только смотреть прямо. Зато я сразу почувствовала, что скоро закончится бесконечный подъем по лестнице (его начало я даже почувствовать не смогла). Легкий свежий ветерок коснулся волос и лица. Я с упоением вдохнула его, прежде чем услышала скрежет тяжелой старой двери с давно не смазанными петлями, и меня ослепило яркое полуденное солнце.

Временная слепота освободила меня от приказа, и я, сделав еще несколько шагов вперед, упала на колени. Инстинктивно я за что-то схватилась, и этим чем-то оказался высокий поребрик-ограждение из темного красно-коричневого камня.

Открыв глаза, я не поверила тому, что видела. Передо мной простирались зеленые поля, а подо мной красно-коричневый камень. Я встала на ноги, придерживаясь за ограждение, и посмотрела вниз. Где-то там, на двенадцать-пятнадцать этажей ниже прогуливались люди в странных то ли белых, то ли бежевых хламидах. А здание, в которое меня приволокли, было ничем иным как настоящим средневековым замком.

На многие километры вокруг простиралась зеленеющая долина, а я даже примерно не могла представить, где могло находиться место, в которое меня насильно притащили. Таких мест в нашем городе просто-напросто не существовало.

Во все глаза я рассматривала людей в белых хламидах, находящихся где-то далеко внизу и даже пискнуть не смела. Куча разновозрастного народа одеты в похожие светлые одежды. Если я не на съезде врачей со всего мира, то в секте. Даже не знаю хорошо это или плохо. Сектанты сразу не убьют. Сначала будут травить, так что мне нельзя ничего есть и пить. Или будут готовить к жертвоприношению...

Тут меня схватили за шкурку и вынудили встать с согретого жарким солнцем камня и повернули в нужном направлении. Мне в руки отдают смартфон с новым информационным сообщением и толкают в спину. Не подозревая подвоха, я падаю... на кровать почему-то. Еще мгновение назад я была на улице, а сейчас на кровати, которой здесь не было еще секунду назад.

Переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок. Он такой же темный, как в комнате, в которой меня держали до этого. Из щелей между плотными шторами пробивалось несколько солнечных лучиков, и только благодаря им я могла видеть окружающую обстановку. Она была очень бедной. Кроме кровати предлагался стол, покошенный стул и набор свечей. Притом ни зажигалки, ни спичек не предлагалось.

Смартфона рядом не было. Я не знала где он точно также, как даже смутно не представляла способ появления в комнате. Еще и проблемы с памятью. Великолепно! Нет, не с памятью проблемы. Меня скорее всего ударили по голове, и я на какое-то время потеряла сознание. Вот только голова не болела. Странно.

Избегая резких движений, я встала и медленно подошла к окну. За шторами не было ничего нового: я опять увидела спящих туда-сюда сектантов, но по ощущениям находилась к ним немного ближе. То есть этажом ниже. Или даже парочкой. Поэтому я дернула штору в сторону и попыталась открыть окно. Первое получилось замечательно, а со вторым ничего не вышло. Окно оказалось заколочено, а выбить его сил не было.

Зато теперь, когда комнату полноценно освещал льющийся из окна солнечный свет, я увидела на противоположной стороне маленькую узенькую дверь с железным кольцом вместо ручки. В таком ужасном месте, похожем на средневековый замок, могли жить только сектанты. А я все-таки предпочту вернуться в городскую квартиру.

Дверь, как и окно, оказалась заперта. Этого следовало ожидать. Что же мне делать? Ждать свершения своей участи я не была намерена. Хотелось бы немного определенности... и чуть больше информации. Пока ясно одно: мне нужно где-то раздобыть местной одежды, чтобы во время побега слиться с толпой. Людей здесь много. Как-нибудь затеряюсь.

– О! Телефон! – я наконец нашла его на полу рядом с кроватью. Всего-то стоило обернуться и посмотреть вниз. – Посмотрим, что мне там еще насочиняли.

Открыв сохраненную записку, я села. Тупо села на стул, потому что он ближе всех находился. Не будь он рядом, то села бы прямо на пол. Покосившийся стул, что удивительно, подо мной не развалился. А со стороны не выглядел таким надежным. Удивил и порадовал. Хотя чему-то в сложившейся ситуации можно было порадоваться.

Второе «информационное письмо» было гораздо больше похоже на правду, чем первое про «отца». По крайней мере теперь становилось понятно, почему организатор похищения избрал для себя роль отца. А еще стоило признать, что записка была написана великолепно с точки зрения психологического давления. Марина Васильевна бы ужаснулась, если бы нечто подобное попало к ней в руки.

В сообщении несколько раз повторялось, что меня увезли очень далеко, и у меня нет ни одного (даже в мечтах) шанса сбежать и вернуться домой. Раза три написано разными словами, что я должна быть хорошей девочкой и слушаться папочку, чтобы не доставлять ему неприятностей. Если предположить, что мы все-таки кровно связаны, то я... как там обычно в сериалах... лишняя наследница? Еще и самая старшая наверняка.

Что-то со мной «папашка» планировал сделать, и у меня складывалось впечатление, что это что-то мне очень не понравится. Если бы избавлялся от внебрачной наследницы, то я была бы уже мертва. Значит, не то. Что же тогда ему от меня нужно на самом деле? Если бы все-таки органы больному родственнику, то меня поселили бы в комнату получше. Наверное.

Последний вариант, пришедший в голову, что меня хотели продать. Будет ли это красивое взамуж или некрасивый бартер, для меня в любом случае все очень и очень плохо. Я не позволю нагреться на мне чужому дяденьке.

Думая, я мерила шагами предоставленную комнату туда-сюда и слабо представляла, что мне делать дальше. Дверь слишком тяжелая и толстая. Моих сил не хватит, чтобы ее выбить. Окно тоже не поддавалось. Я не могла его разбить! Казавшийся простеньким витраж судя по всему имел толщину не меньше двух-трех сантиметров, потому что выбить его у меня не получалось совсем.

Изнывая от ожидания неизвестности, я сидела на покосившемся стуле и думала. Думала до тех пор, пока мозг не вскипел и не отключился. Я все еще находилась в сознании, могла делать элементарные движения, но думать больше не могла. Голова опустела. Похожее состояние было у меня во время последнего заседания суда над бывшим мужем Марины Васильевны, зарезавшего собственного сына «только бы он этой не достался».

Помню, шансы на победу и справедливое наказание были невелики. Этот урод ревел, что: «Она меня довела», «Эта *** мне изменяла», «Я и так алень терпел ради сына»... На самом деле единственное, что он терпел – «недостаточное» бытовое обслуживание. Просто в один момент перегоревшая на работе и дома (в комнате коммуналки) Марина Васильевна сказала себе «Хватит!» и съехала вместе с сыном в съемную однушку, прекратив кормить недалекого кабана-мужа на свою зарплату. Вдвоем с сыном им жилось гораздо легче, чем с альфонсом.

Примерно через неделю его побили за кражу еды из общего холодильника, и он призадумался: «А жрать-то что?» и «Почему срач дома?» С этого все и началось. Если бы не решение суда о сроках примирения супругов и своевременной помощи, сводный брат мог бы остаться живым. Но я стараюсь даже его имя не вспоминать, чтобы Марине Васильевне не напомнить и не навредить.

Обо мне-таки вспомнили спустя несколько часов. Дверь приоткрылась, и в нее шмыгнул молоденький парнишка примерно моих лет с подносом в руках. Он был одет как многие люди внизу в бежевые одежды. Я бы даже сказала в бежевый халат, из под которого выглядывала белая майка с глубоким U-образным вырезом. На голове золотой венок, как у Цезаря.

Парень что-то сказал мне, и я закономерно не поняла его тарабарской речи. Я смогла только мимолетно взглянуть в приоткрытый дверной проем, не увидеть ровным счетом ничего и вздохнуть. Я попала в ловушку, из которой нет видимого выхода. Вообще. Парень наконец поставил поднос с едой на стол, покрутил пальцем у виска и ушел, закрыв за собой дверь. Я проверяла. Сразу же метнулась к двери, а она уже была заперта.

– Черт! – я со злости долбанула рукой по двери, и рука прошла сквозь дверь. В первые мгновения я запаниковала и сразу же вытащила руку из дверного полотна, прижав к груди. – Что за чертовщина здесь творится?

Тогда я опасливо протянула руку к двери и коснулась дерева кончиками пальцев. Никакого волшебства не произошло. Я ладонями пролапала всю дверь, каждый ее сантиметр площади, но никакого фокуса не нашла. У меня точно крыша поехала на фоне стресса! Нужно сесть, глубоко вдохнуть и успокоиться.

Старая кровать подошла для этого лучше всего. Я не села, а легла, закрыла глаза и глубоко вдохнула. Спать не боялась. Раз уж мне даже еду принесли, то в ближайшие часы ничего плохого делать со мной не собирались. А мне нужно было собраться с мыслями, с силами и наконец придумать план побега.

– Что это? – поинтересовалась я, нащупав что-то лежащее под подушкой. Из-за некоторого предмета она лежала криво и мешала мне уснуть хотя бы на полчаса. Немного вздремнуть и восстановиться мне не помешало бы.

Под подушкой оказался молочно-белый халат с кружевным белоснежным бельем, которое явно полагалось надевать под халат. Выходит один вопрос уже решили за меня. В этой одежде я смогу слиться с толпой и спрятаться. А пока меня будут искать за пределами замка, я подготовлюсь к побегу из замка на волю. Сколько там можно протянуть без еды и воды? Я не рискну есть и пить здесь. Одиннадцать дней точно. Есть ведь методики...

Вырез у халата огромный, V-образный. Доходит до нижней пары ребер, а ниже до пола застегивался на клепки. Стремно так. Еще и металлические украшения десять сантиметров шириной по всей длине выреза. Без футболки с нормальным вырезом до ключиц я бы по собственной воле такой халатик не одела.

Под подушкой не лежало золотого венка, и что-то мне подсказывало, что он тоже часть местной униформы. Я не могла быть до конца уверенной, но кажется у людей на улице такие венки были. Без него меня сразу опознают как беженку. У парня отобрать не получится. Он хоть и выглядит шпалой, но явно не так слаб, как кажется. Иначе его бы не отправили ко мне, если бы сомневались в способности справиться со мной, если что-то пойдет не так.

К принесенной еде я так и не притронулась. Даже не посмотрела в ее сторону, чтобы лишний раз себя не проверять на прочность. Не то чтобы я была обжорой, но кто ж не любит вкусно покушать? Потому что кормили вкусно. Овощной салат, мясо с гарниром и цитрусовый сок. Обед выглядел очень вкусно и медленно остывал, пока я старательно игнорировала поднос.

В местную униформу я быстро переоделась, а из футболки сделала узелок. В него я сложила свою одежду. Еще бы я на момент похищения была бы в кроссовках, а не в домашних тапочках (под подолом халата до пола все равно обувь не видно). В кроссах было бы гораздо удобнее убегать.

Не выдержав, выбросила еду под кровать, вернув пустой поднос на стол, и села ждать возвращения парня. Я хотя бы попытаюсь сбежать, когда он откроет дверь. Первый раз на его появление я отреагировала спокойно, значит во второй раз он не будет ожидать подвоха. Тогда у меня будет замечательный шанс оглушить его и убежать. Оглушить можно подносом. Дезориентировать едой... спустя минуту я уже сидела на коленях перед кроватью и собирала ложкой выкинутую еду обратно в тарелки.

Пока не стемнело, я парня не дождалась. Так и уснула в молочно-белом халате, надетом на практически голое тело. Кружевной топик и трусики я за приличное нижнее белье не считала. Оно еще и неудобное ко всему прочему. Зато комплект! Словно меня на откуп кому-то вручить хотели. Что-то у меня неприятно засосало под ложечкой.

Из-за сна я чуть было не пропустила приход парня с очередной порцией еды. На этот раз ужин. За окном уже стемнело, обстановка в комнате практически не различалась. Зато я хорошо видела одетого в белое парня. Он как фонарь светился в полутьме. Не в прямом смысле. В переносном. Если бы светился в прямом, то меня было бы уже не спасти.

Дверь вроде бы осталась открыта, а в руках парня не было никаких ключей. Может быть дверь открывалась снаружи и захлопывалась сама собой? Тихо, не производя ни звука, я рванула вперед. Мне удалось первой схватить поднос с перемолотым в кашу обедом прежде, чем парень поставит поднос с ужином, и вывалить обед ему в лицо. А пока он секунду замешкался, я ударила его подносом по голове и кинулась в коридор.

Она действительно захлопывалась! Парень ударил кулаком по двери с той стороны, а я с довольной ухмылкой побежала дальше по коридору в поисках места, где можно было затаиться и переждать бурные поиски. Лучшим вариантом для этого мне показался подвал. Он относительно безлюден и по логике побега я должна стремиться в обратном направлении. Так что подвал подходил идеально.

В правильности решения я убедилась очень быстро: за мной никто не гнался. Точнее в сумерках в подвале вообще никого не находилось, и только мне было «заняться нечем, как разгуливать по ночам под землей». Меня немного смущало наличие тусклого освещения в подземных коридорах, значит здесь все-таки кто-то ходил. И этот кто-то не я.

Некоторое время я искала место, где можно было бы спрятаться. Хотелось найти какую-нибудь глубокую и незаметную нишу, но попадались только мелкие и заставленные глиняными статуями. Об одну такую статую я зацепилась одеждой и порвала халатик у выреза. Он и так достигал до нижней пары ребер, а теперь еще и две верхние пуговицы вырваны с корнем. Даже ремешка нет, чтобы подвязать.

Моя родная желтая футболка мало подходила к образу, но я все-таки с удовольствием надела бы ее, если бы не оставила в комнате. В подвале было немного прохладно, а возвращаться назад по собственной воле не стану. Уж лучше немного подмерзну и простужусь, чем сама сдамся в руки похитителей. Уж лучше заболею... эта мысль еще некоторое время не давала мне покоя.

Открытая дверь нашлась спустя не меньше получаса бестолковых поисков. Я уже начинала думать, что удача мне изменила, и вдруг судьба снова повернулась ко мне правильным местом и пустила на белую полосу зебры жизни. Эта дверь ничего не отличалась от десятков других, поэтому я ее даже не выделила в ряду одинаковых. И, наверное, зря. То, что находилось позади нее, не было похоже ни на что из того, что я видела прежде.

Это была настоящая химическая лаборатория. Я чуть было не завизжала от восторга. Практическая химия – мой любимый предмет! А тут... тут целый кабинет с химической посудой, уставленными книгами на стеллажах, занимающих все стены, и что-то варилось в настоящем котле в центре у дальней стены на небольшом, словно преподавательском, возвышении.

Вроде бы я отдавала себе отчет, что раз здесь что-то варилось, значит здесь кто-то был помимо меня, но мозг словно отключился от видения настоящей химической лаборатории, оформленной в стиле обиталища средневекового алхимика. Я словно в сказку попала. В настоящую сказку! И неважно уже, что меня похитили. Притом похитили с неясными, вероятнее всего нехорошими целями.

Я встала в шаг от бурлящего котла, когда за моей спиной неожиданно появился кто-то. Я отскочила прямо в его руки. Кем-то оказался высокий мужчина в белоснежном кафтане с высоким воротничком-стойкой. Все-таки есть здесь люди в нормальной одежде! Хотя по его внешнему виду и длинным белым волосам я скорее попала на какой-то аниме-фестиваль.

Мужчина что-то спокойно сказал, и я снова не поняла что. Не знаком мне их язык даже близко. Не английский. Его я кое-как изучала в школе. Не корейский и не китайский. Я смотрела дорамы, аниме, лакорны и дунхуа с субтитрами, и азиатская речь моему слуху более-менее привычна. Пока я задумалась, мужчина поднял руки, и, придерживая широкий правый рукав левой рукой, указательным пальцем правой руки ткнул в сторону зелья.

Я глупо смотрела на него, не особо понимая, чего он хотел от меня добиться. Если я должна была назвать, что за варево было в его котелке, то я этого не знала. Пахло приятно, пряно с легкой мятной ноткой. И тем не менее варево не было похоже на алкоголь. Лично я никому бы не посоветовала выпить это неопределенное нечто. Уж больно странный желтоватый оттенок имело варево.

Еще один вопрос ко мне, который я не поняла. Главное не начать возмущаться и рта не раскрывать. Меня кажется перепутали с местными неучами, раз уж я одета в такую одежду, и решили немного поспрашивать по теме. А моей главной задачей на этот момент даже не притвориться немой, а банально держать халатик максимально запахнутый, чтобы глубоким

декольте и эротическим бельем не светить.

Блондин понимающе кивнул, заметив мое смущение из-за порванной одежды, и не стал дожимать. На столе помимо котла на железной подставке лежали еще странные приспособления и коробочка с ингредиентами. Мужчина взял сухую веточку с серыми листьями, оторвал от нее две штуки и бросил в котел. Вариво практически мгновенно изменило цвет, потеряв желтизну. Получился белый-белый кисель, напоминающий манную кашу.

Новый вопрос я пропустила мимо ушей, а интуиция подсказала мне взять из коробки маленькую бордовую луковицу. Мне казалось, что она как нельзя лучше подойдет к вареву. Притом мне не нужна была сама луковица, а только ее шелуха. Я не знала, почему так. Я просто чувствовала, что нужно именно так. К тому же мужчина согласно кивал, пока я одной рукой работала с луковицей, второй придерживала халатик запахнутым и прикрывала грудь.

Перемолотая в порошок шелуха в массе нескольких грамм, отвешенных на специальных миниатюрных весах, отправилась в котелок на железной ложке с длинной ручкой. Тут уж мужчина взял работу на себя и стал медленно помешивать вариво. Оно застывало на глазах, превращаясь в мыло. Но это совершенно точно не было мылом. Оно стало кремом. Или какой-то мазью. Точно. Очень похоже на мазь. И пахло соответствующе.

Мужчина вытащил из котла ложку, очистил ее ложечкой поменьше и положил на холщовую по ощущениям ткань, но явно не менее толстую, чем обувная кожа. Сам он ненадолго отошел в сторону и с возвращением принес четыре литровых стеклянных банки сферической формы. Видимо в них мы будем перекладывать получившуюся мазь.

Мне вручили стеклянную ложку среднего размера, дали две банки и предложили помочь с перекладыванием, показывая личным примером как это надо делать. Этим я и занялась в следующие десять минут. В четыре руки дело продвигалось гораздо быстрее, чем он бы все это делал в одиночку.

Когда все четыре банки были заполнены, я почувствовала удовлетворение от проделанной работы. Может быть мне передумать пока не поздно и пойти в медицинский на фармацевта? А потом заняться наукой и созданием новых лекарств? В фармацевтике нет той адской ответственности, как например в хирургии. Думаю, я справлюсь.

Вскоре с банками пришлось попрощаться. Их убрали в темный шкаф долеживать и зреть, пока мазь не будет готова к применению. Я провожала их взглядом, чувствуя себя победительницей. О том, какие неприятности привели меня в эту лабораторию, я даже не вспоминала.

Настроение было хорошим, и о плохом я думать перестала. Может быть зря, ведь работа была сделана, и у меня не было достаточных причин, чтобы задержаться здесь подольше. Я не могла объяснить, что у меня есть серьезная причина для прятков. Но мне вдруг показалось, что блондин все понял сам. И, казалось, понял даже слишком много, попутно насочиняв всяких мерзостей.

Он сразу понял, что со мной что-то не так, когда ему не удалось спровадить меня. Мужчина встал передо мной, схватил за плечи и чуть наклонился, чтобы наши глаза были на одном уровне. Я не могла выдержать его яростного взгляда и всячески пыталась вырваться из захвата. Но его руки держали мои плечи крепко, а голос шептал что-то успокаивающее.

Меня усадили на ближайший стул и приказали сидеть и никуда не уходить. Будто бы я хотела куда-то уходить. Блондин скрылся во внутренней двери лаборатории (я так понимаю, там располагалась подсобка), откуда были принесены стеклянные банки для мази, и на некоторое время исчез там.

Минут через пять-шесть мужчина вернулся ко мне с двумя кружками, пышущими горячим паром. Мне вручили одну из них, и я боязливо подчинилась, приняв кружку из его рук. На странность она не обжигала, а мягко согревала продрогшие пальцы. В подвале было заметно холодно. От напитка пахло пряностями и травами. Больше ничем. Это всего лишь травяной чай.

В этот раз я доверилась и глотнула немного. Действительно, травяной чай. Я с легкостью выявила календулу, ромашку, солодку и корицу. Вроде бы ничего странного я не обнаружила, поэтому я кружку я опустошала до самого дна в течение нескольких минут молчания. Чай грел изнутри, и я окончательно разомлела. Даже пропустила мимо ушей предупреждение блондина. Зря.

Я грелась о все еще горячую, но уже пустую кружку, когда в химическую лабораторию влетел темноволосый мужчина в той же одежде, что и блондин, только с золотыми украшениями, клепками и пуговицами. Весь его внешний вид говорил о более высоком статусе нежели все те, с кем я сталкивалась до сих пор. Вот я и попала, причем снова в неприятности!

Новенький брюнет неслабо наехал на блондина, потрясая рукой. Я отставила в сторону кружку, предчувствуя нехорошее. Все-таки мне стоило отсюда свалить прежде, чем появился этот странный мужчина. Ему было уже лет пятьдесят, если не больше. Отношения начальник-подчиненный налицо.

Я предпочла не рассматривать нового незнакомца, а потихонечку красться к выходу из лаборатории. Не нравился мне новый персонаж в моей круто изменившейся жизни. Очень не нравился. Поэтому я поспешила удрать. И у меня это практически получилось, если бы не одно но...

...за дверью находился не коридор, а моя личная западня. Комната с уже прибранным побоищем и с узелком из моих вещей на кровати. Я шокировано обернулась и уставилась на брюнета, совершенно не понимая, что здесь происходит. Я так долго петляла по подземелью в поисках укрытия, а та комната – вот она, за дверью.

Мне кистью руки помахали, чтобы я поспешила и вернулась в клетку. Меня переполнило чувство отчаяния и предательства. На какое-то время мне показалось, что я могу довериться блондину-химику... Вот что я за дура? Должна была понимать, что здесь мне никому нельзя доверять! Здесь у меня друзей нет!

Темноволосый мужчина, со стороны выглядящий даже больше пожилым, чем просто взрослым, посмотрел на меня так жутко, что настроение протестовать и буяннить мигом сошло на нет. Мне показалось, что он меня со всей дури ударит, если я немедленно не подчинюсь. И я подчинилась, уйдя из химической лаборатории, даже не кивнув на прощание блондину. И даже не повернувшись к нему лицом.

И вот я снова оказалась в комнате, из которой с таким трудом сбежала. Дверь не прикрыла, а долбанула ею со всей мочи. Хоть успокоилась немного, спустив пар на безобидной двери. Я попала в невероятную аферу фокусников, раз они мастерски манипулировали моим сознанием и вынуждали чуть ли не верить в их паранормальные способности вроде телепорта. Сейчас меня точно по голове никто не бил.

Поверить в существование магии я никак не могла. Это было выше моего понимания. Это было просто невозможно. Смахнув проступившие злые слезы, я сделала шаг к кровати, чтобы наконец переодеться в свою старую одежду (или хотя бы надеть футболку), как дверь за моей спиной отворилась, пустив в комнату светлый луч искусственного освещения. Не люминесцентного.

А вот и те, кого не ждали. Противный папашка зазвездил подзатыльник парнишке, который носил мне обед и ужин. Может быть я нехорошо с ним поступила, но не в моей ситуации думать о мелких неприятностях моих похитителей и их иерархии. Я развернулась, и папашка встал как в копанный. Он увидел и разодранный халат, и то что под ним, потому как руки я опустила и больше не держала его. А еще он увидел слезы обиды на моих щеках. Вот только он не знал, что от обиды, а не от чего похуже плакала я.

Папашка в гневе ударил по дверному косяку, а я со страху упала на пол и поползла к изголовью кровати. Оно со стеной как раз образовывало угол, в который можно было забиться. Ноги ослабли и практически не двигались. Я никогда в жизни не видела и не участвовала ни в чем подобном.

За спинами папашки и парня я увидела хмурый профиль одетого в золото пожилого мужчины, что-то вякнувшего. И его вяк настолько раззадорил папашку, что... я отвернулась, закрыв глаза. Все произошло настолько быстро, что я успела только почувствовать вязкие капли на правой щеке.

Парень грохнулся на стол, потащив его за собой на пол. Дерево, ломаясь под его весом, скрипело. А я почему-то начала осознавать звуки, которые выдавали из себя мои похитители. Звуки складывались в слоги, а слоги в казалось бы знакомые слова. Но я все еще не могла связать эти слова воедино и получить разумные предложения.

Мне в руку ткнули смартфоном, и я боязливо открыла глаза. «Больше никаких глупостей» – было написано в новой заметке, и я нерешительно кивнула. Тем более что в шаге передом мной лежал парень с перерезанной глоткой.

- Долго еще ее держать? Мне не нужны проблемы из-за нее.
- До полнолуния. Он придет за ней, как договаривались. Я боюсь лишний раз тревожить Его.

Я прислушалась к их короткому разговору и поняла, что это не они начали говорить на русском языке. Это я начала понимать язык, на котором говорили они. Открытие поразило меня гораздо больше, чем убийство. Хотя от присутствия рядом со мной мертвого тела, которое всего полторы-две минуты назад было живым, бросало в истерическую дрожь.

- Не жалко мальчишку? - хмыкнул одетый в золото пожилой мужчина.
- Я обещал отдать Ему девственницу. Если мальчишка не понял меня с первого раза, он сам виноват.

Сделав вид, что их речь для меня все еще непонятное несвязное бормотание, я с ужасом поглядывала на тело и перекошенное от страха лицо. А ведь на его месте с разрезанным горлом могла быть я... если бы я не нужна была им, чтобы отдать кому-то неизвестному Ему. Именно так - Ему. Папашка обращался к нему с придыханием. Наверное, это кто-то особенно ужасный.

- Ему я обязан всем. И нам всем придет конец, если не выполнить Его просьбу. Он очень мстителен.
- Пусть будет по-твоему. Оставь мальчишку на ночь. Для девчонки его пример будет уроком, и она больше не будет сбегать.

Меня наконец оставили в покое. Они ушли, а я осталась наедине с телом парня, который всего лишь носил мне обед и ужин. Он мог бы продолжить носить его еще недели две. Я не особо разбиралась в календарях, но могла прикинуть, что ближайшее полнолуние не раньше, чем через две недели.

На правой щеке было влажно, и я тыльной стороной ладони стерла с лица то, что там было. Я думала, то были слезы, но я ошиблась. Это была вязкая, тягучая кровь. За несколько минут она успела немного подсохнуть и свернуться. С момента, когда кровь из раны на горле коснулась моей кожи, я начала осознавать и понимать их язык. Это было невозможно. Без магии невозможно.

Пришлось поверить в существование магии, потому как иначе мне пришлось бы признать, что теперь не в шутку, а по-настоящему у меня поехала крыша. Я не могла этого сделать. Поэтому я признала, что у моих похитителей были магические способности, и они умели телепортироваться.

Экран смартфона загорелся сам собой и заискрил. Смартфон выпал из рук и взлетел на уровень лица. Открылась программа «заметки», и на экране одна за другой стали появляться буквы, символы, пробелы. Теперь я готова была поверить в любую потустороннюю чушь, но я и подумать не могла, что я оказалась на самом деле «по ту сторону».

«Тебе никогда не вернуться в свой мир. Ты не магиня. И никогда не станешь магиней. Ты немая. Ты никогда не сможешь читать заклинания. Тобой я расплачусь за оказанную мне когда-то услугу. И ты перестанешь существовать. Ха-ха».

Ты ошибся, «папочка». Я не немая. Я замкнутая и зажатая. Я интроверт и хикикомори. Я боюсь внешнего мира. Внешний мир для меня - ад. Я не разговариваю не потому что не могу или не умею. Я не хочу разговаривать с тобой и с подобными тебе! Я могу впустить в свой маленький мирок только таких светлых и добрых людей как Марина Васильевна. Тот блондин-химик мне показался хорошим человеком. Но я ошиблась. Хорошо, что я не пыталась заговорить при нем.

Экран погас, и смартфон упал на пол. Защитное стекло покрылось сетью трещин, но сам экран вроде бы не пострадал. Я засунула смартфон под подушку и повернулась к телу парня. На моей щеке и руке все еще оставались следы его крови. Его тело еще долго будет остывать у меня на глазах. Я не знала, был ли он виноват в чем-то еще, кроме как в попадании в «плохую компанию». Он ведь ненамного старше меня.

Я пересилила себя и хотя бы закрыла его глаза. Я не смогла выдержать его стеклянного взгляда, направленного точно на меня. Я... я не знала, что мне делать дальше и снова думала, есть ли хоть какой-нибудь выход из сложившейся ситуации. Вздвогнув, я встала на ноги и подбежала к окну. Толстенный полумесяц намекал мне, что еще несколько дней до

полнолуния у меня точно было.

У меня осталась одна попытка. Если меня поймут во второй раз, то шанса сбежать в третий уже не будет. Одна попытка. Мне нельзя больше допускать ошибок. Я выйду в одиночку против враждебного мира, даже если он не мой родной, и я понятия не имела, что ожидало меня за высокими стенами средневекового замка.

Раз у моих врагов была магия, то и мне следовало начать ею пользоваться. Новичкам ведь везет, правда? Я, если подумать, один раз уже использовала магию. Значит я тоже могла магичить. Нужно было только понять как. Доступа к заклинаниям и к магическим книгам у меня не было. Зато очень много книг было в химической лаборатории. Или в кабинете зельеварения? Магия же!

Нужно подумать: как моя рука прошла сквозь дверь? Я ведь после не смогла ни пальцем пройти через нее. Я подошла к двери и проверила. Она все еще заперта. Как мне удалось просунуть руку сквозь дверное полотно? В заметке было сказано, что я не смогу стать магией, потому что нема. Значит, мне нужно какое-то заклинание. Притом какое-то заклинание я уже произнесла, раз смогла пройти сквозь один раз. Вот только какое?

Вспомнить, что говорила в тот момент, я никак не могла. Все мои действия происходили на эмоциях и не откладывались в памяти. Если бы я только поверила в происходящее сразу и немедленно попыталась повторить. Я бы точно нашла правильные слова и способ выйти отсюда. Мне нужно вернуться в лабораторию. Там очень много книг. И ингредиентов к различным зельям. Мне нужно больше информации!

Что-то такое я сказала в порыве гнева. Но что это были за слова? Я мерила ширину комнаты около двери, потому что чуть дальше от нее лежало тело парня, к которому я не хотела приближаться. О том, чтобы спать рядом с окровавленным трупом, речи быть не могло. Что же это было? Что?

– Черт! – я топнула ногой, а она взяла и прошла сквозь пол.

Я упала, но до того перепугалась, что схватилась руками о ножку кровати и вытащила себя обратно в комнату. Это же средневековый замок! Здесь потолки не меньше пяти метров. Упаду – разобьюсь. Хорошо конечно, что я тогда не достанусь ужасному Ему, и папашка получит по заслугам. Но не такой ценой! Сбежать бы хотелось, как минимум, живой. Зато я нашла слово-заклинание.

Ну, я так думала, что нашла.

Сначала я чертыхалась тихонечко, на грани слышимости. Совершенно нелогично у меня ничего не выходило. Потом я начала перебирать разные тональности и громкость, пока чуть ли не орала «черт» на весь замок. Хорошо, что меня никто не услышал. По крайней мере, никто не стал проверять меня среди ночи. Пока не сорвала глотку, не успокоилась.

Плюнув на это дело, я наконец вспомнила про футболку и надела ее и джинсы под халатик, чтобы совсем уж не замерзнуть. И как только местные не мерзнут в такой легкой одежде? Я скосила взгляд на тело парня, к присутствию которого понемногу начала привыкать. В голову пришла мысль обыскать его, как бы мерзко это не выглядело со морально-этической точки зрения. Мертвые не должны тащить за собой живых.

Его золотой венчик Цезаря откатился ближе к кровати, поэтому я начала с него. Вроде бы и не на трупе вещица находилась, так что не так уж и стремно взять ее в руки. Интересно, ношение золотого венка что-то означало, или он был просто для красоты? Я гладила листики пальцами и даже примерила. По чудесному стечению обстоятельств на нем не было ни капли крови.

Да, таким образом я успокаивалась. Я пыталась успокоиться и вернуться к душевному равновесию, что было сложно. Особенно меня бесил венчик. Он мне очень понравился, но при каждом неаккуратном движении грозился упасть с моей головы. Заколок, чтобы зафиксировать его на голове, у меня конечно не было с собой. Зато венчик красиво лег в качестве шейного украшения, как чокер.

Я больше не могла смотреть на тело. Выбрав между простыней и покрывалом простыню (покрывало толще и теплее), я накрыла простыней остывающее тело и попыталась представить, что под ней только сломанный в щепки стол и больше ничего. Самовнушение помогало плохо, но хотя бы помогало.

– Вот же черт меня втянул... – протянула я, и в полной тишине я наконец почувствовала, что

схватила удачу за хвост. Я повторила фразу, не заикливаясь на слове «черт», и поняла наконец, почему у меня ничего не получалось. Я проглатываю звук «р». Проглатываю! – Чет.

Тапочек со ступней провалились в пол, и я мигом вытащила ногу обратно. Еще и на кровать запрыгнула, чтобы нечаянно не упасть. Я нашла слово-заклинание. Оставалось только проверить его в действии и немедленно бежать в лабораторию за книгой. Мне еще предстоит найти книгу, способную вернуть меня домой!

Такого воодушевления я долго не испытывала и чуть ли не порхала на крыльях вдохновения и счастья. У меня все получится! Обязательно получится, ведь во всех сказках добро побеждает зло. Вот только побеждает обычно в битве, и до меня дошло нехорошее предположение. Если я вернусь домой, то что папашку остановит снова явиться за мной? Если только Он. Папашка боится Его, ведь Он может сделать с ним все, что угодно.

Тогда я до полнолуния подготовлю побег и сбегу незадолго до планируемой передачи меня Ему. Тогда у папашки и его сподручных не останется времени на мои поиски. Вряд ли они сразу догадаются искать меня в моем мире. Тем более, что в первую попытку побега меня нашли не они, а блондин-химик. Это он доложил обо мне...

Сердце вдруг кольнуло воспоминанием его предательства. Как я могла так сильно ошибиться в человеке? Что случилось с моей хваленой интуицией? Куда она запропастилась, если верно помогла мне с ингредиентами для варева? Это самый большой провал в моей жизни. В остальном я была великолепна!

Три «ха-ха» тому, кто считал почти все свои проблемы решенными. Да, я нашла заклинание для прохода сквозь дверь. Вот только чем больше раз я произносила заклинание, тем хуже у меня получалось. Ни о каком успешном преодолении препятствия речи не шло. Тут я почувствовала себя той еще неудачницей, не подумавшей, что магия существовала благодаря неизвестному мне внутреннему резерву сил. И я их, судя по всему, выпила до дна.

Как восстановить силы? Первое пришедшее в голову решение – хорошенько выспаться? Как уснуть в рабовладельческом плену в одной комнате с трупом, который уберут только утром? Это уже задачка посложнее. Несмотря на то что я прикрыла тело простыней, я все равно знала, что оно там, под ней! И не могла не заикливаться на этом.

За меня все решила усталость, и я легла у самого окна, утянув с кровати матрас, подушку и одеяло, которое я сначала приняла за покрывало. Покрывала в комнате не было вовсе. Видимо, «не заслужила» я покрывало. Ну и пусть! Зато место у окна было достаточно далеко от тела, чтобы мысли не сбивались.

Спала я недолго. Урывками и очень беспокойно. Вроде бы было тихо и не настолько холодно, чтобы замерзнуть, но я чувствовала себя отвратно. Настолько отвратительно я себя чувствовала... а никогда прежде такого не было! Я не помнила, а значит – не было.

В окончательно разбитом состоянии я встала с первыми лучами солнца и села впритык к стене, показавшейся мне ледяной. Я не ела уже практически сутки и не отказалась бы от горячего травяного чая блондина-химика. Даже если он урод, чай заваривать уметь по высшему разряду. Этого у него не отнимешь.

С трудом встав на ноги, я посмотрела в пыльное окно и порадовалась яркому солнышку снаружи. Мир не так плох. Это я попала в серьезные неприятности. Я до сих пор не могла понять, почему за некую услугу в прошлом расплатиться требовалось мной. Неужели я действительно связана генетически со своим похитителем, а тот, кому он задолжал – больной извращенец? И старый, раз уж договору уже больше двух десятков лет.

Это гениально! У меня словно лампочка над головой загорелась. Мне не нужно проходить сквозь дверь. Мне достаточно протянуть руку и открыть дверь снаружи. Это решение настолько простое и элементарное, насколько гениальное. И почему оно не пришло мне в голову раньше? Почему додумалась только сейчас? Великолепно! У меня должно получиться.

– Нет, – тихо сказала я самой себе и закрыла ладонью рот. Я же претворяюсь немой. Нельзя, чтобы мой обман был раскрыт. Иначе мне несдобровать. А я всего лишь хотела напомнить себе о завтраке.

Завтракать я, пожалуй, собиралась. Меня отдадут Ему в целости и сохранности, а значит травить не будут. Мне нужна энергия и силы на произнесение заклинания. Я была готова рискнуть, чтобы еще раз попробовать сбежать. Что буду делать после успешного побега я пока не знала. А еще я боялась, что мне не хватит сил на возвращение в мой мир и придется

действовать максимально жестоко.

Ждать пришлось долго, пока солнце окончательно вышло из-за горизонта и рассеялись утренние сумерки. Остывшее за ночь тело парня пропало само собой. Я даже не сразу заметила изменения. Под окровавленной простыней лежал сломанный стол и частично напоминал труп. Если не приглядываться, то и не заметишь разницы.

Третий по счету поднос с едой появился на полу у двери, и я бухнулась на колени перед ним. Желтоватого оттенка каша напоминала перловку, подана с мелко нарезанными яблоками и кусочками жареного мяса. Сытно. В качестве питья снова сок. На этот раз не цитрусовый, а ягодный.

Я рисковала. Меня могли усыпить «до востребования и предъявления», и я надеялась, что мои пессимистичные прогнозы реальны только в моем паническом воображении. Меня могли отравить волшебным зельем, которое сделает меня безвольной и послушной. Или что-нибудь другое, для здоровья неопасное. Я даже представить себе не могла, что можно было придумать!

Мне нужны магические книги. Я должна выбраться из заточения и найти их, найти способ вернуться домой. Кашу с мясом и яблоками, на свой страх и риск, я ела долго, тщательно пережевывая. Если проглочу, не заметив, то также быстро проголодаюсь. А вот сок выпила практически залпом. Вкусно!

Как только я сложила пустую посуду на поднос и отошла на шаг, она исчезла. Боятся что ли, что я снова попытаюсь сбежать, если мне откроют дверь? Именно это я собиралась сделать. А дверь я сама смогу открыть для себя. Надо попробовать прямо сейчас. Сию же минуту.

– Чет, – с придыханием произнесла я, просовывая руку рядом с дверной ручкой. У меня получилось!

С той стороны мне нужно было только потянуть, засунув руку в дверь до самого локтя, и вовремя подставить ногу в образовавшийся проем, чтобы дверь не закрылась сама собой. Я не спешила радоваться, боясь по ту сторону наткнуться на кого-нибудь, но руку вытащила обратно и прижала к груди. Не поранилась. Это хорошо.

Вроде бы по ту сторону двери было тихо. Я протиснулась в щель следом за домашним тапочком и никого не увидела. Рано радоваться, но я мысленно поставила довольную галочку на первом пункте плана побега. Успешно реализован! Теперь мне предстояло вернуться в лабораторию и желательно ни с кем не столкнуться.

Где находится вход в подземелья я помнила хорошо, а потому с легкостью прошмыгнула по полутемной лестнице в низ и вдруг услышала гомон человеческих разговоров и стремительно приближающийся топот ног не менее десяти человек. Только свидетелей моего появления здесь не хватало! Как же не вовремя.

Я спряталась за глиняной статуей, которая накануне подрала выданный мне форменный халатик. Я не знала, зачем папашик упростил мне задачу слияния с толпой. Видимо беспокоился, что ему придется экстренно выводить меня из замка через толпу. Поэтому он заранее побеспокоился об одежде для меня. Вышло излишнее планирование ему боком и огромным плюсом мне.

Толпа людей в той же одежде, что я, прошла мимо, не заметив меня в темной нише, спрятавшуюся за большой глиняной статуей крысы-воина. Уж сколько раз я крысе-воину топтала длинный толстый хвост – не сосчитать. Я мысленно извинилась перед ним и уселась на пол. Ждать, пока люди уйдут. А что мне еще оставалось делать?

– Занятие начнется через две минуты, – услышала я голос блондина-химика и сразу его узнала. – Поспешите разойтись по местам!

Он сказал занятие? Мне не послышалось? Это сектанты проводили религиозные лекции или этот замок – что-то вроде университета с обязательным ношением униформы. Я ведь вроде как поверила, что меня притащили в другой мир с магией и волшебством. И я даже планировала, как буду магичить и колдовать, чтобы благополучно вернуться обратно домой.

– Опоздавшие будут слушать лекцию в коридоре, а выполнять практическую часть на отработке! – снова говорил блондин-алхимик. Кто-то шумно грохнулся. – Ах, это вы. Заходите.

Дверь хлопнула, и до меня перестали долетать звуки. И как, по его мнению, можно было

слушать лекцию из коридора, если ничего не слышно? У меня в школе были такие же преподаватели: вроде бы вот тебе все возможности, а по факту ничего не получишь, если не будешь беспрекословно подчиняться. Ох уж эта система образования! Во всех мирах одинаковая.

Что же мне теперь делать? Ждать ночи? Тогда придется возвращаться в комнату, чтобы не засекли мое отсутствие, когда поднос вернется ломящийся от еды. Если меня не будет в комнате, то и притронуться к обеду-ужину будет некому. Печально вздохнув, я начала вставать, придерживаясь за стены ниши.

Видимо я куда-то не туда нечаянно наступила, потому что все вокруг вдруг стало таким большим, а я – такой маленькой. Паника-паника-паника. Я вертелась вокруг, не понимая, что произошло, а до слуха доносился лишь звонкий мышинный писк. И его издавала я!

Прижав неожиданно разжиревшую попу к полу, я подняла русые короткие лапки и чуть не грохнулась в обморок. Меня заколдовала статуя! Я по неосторожности так много раз топтала ее хвост, и теперь крыса-воин прокляла меня! Пожалуйста-пожалуйста, верните меня в человеческий облик, уважаемая крыса-воин! Но я издавала только мышинный писк и ничего больше.

– Не бойся, – пропищала мышка-призрак. Еще секунду назад я в нише была одна. – Ты нашла тайный ход. Поздравляю!

– Я? Нашла тайный ход? – не поверила я и завертела головой. Мышиная нора нашлась не сразу, но я все-таки ее нашла. – И правда. Куда ведет тайный ход?

– Этот в старое хранилище ненужных вещей. Пока я был жив, я частенько навещал туда. Там можно найти много полезных вещей, которые никто не будет искать!

На пару мгновений я застопорилась. Полупрозрачный, словно цветная голограмма, мыш меня не поразил скорее из-за того, что я в призраков не верила. А тут оказалось, что я действительно разговаривала с призраком. Притом с призраком погибшего в этих стенах студента во время нахождения в тайном проходе. Здесь опасно задерживаться!

– Идем. Я расскажу тебе обо всем внутри. Разговаривать в мышинном облике очень неудобно! Как только выйдем с трансформационной платформы, сразу же превратимся в людей.

Я поспешила проверить его слова и немедленно отошла поближе к коридору и вывалилась в него уже в человеческом облике. Не стоило разгоняться! На мышинных лапках далеко не убежишь, в отличие от человеческих ног.

– Я же говорил, – вздохнул призрак за моей спиной, и я обернулась. – Помнишь меня? – спросил он.

Как же не помнить?! Передо мной стоял призрак парня, убитого накануне! Я в шоке уставилась на него, беспокоясь, что он может захотеть отомстить за свою смерть. Притом отомстить мне, как самой слабой из троицы тех, кто присутствовал при его смерти. Вдруг у него память стерло, кто убийца на самом деле?

– Нам лучше поговорить в хранилище. Здесь тебя могут услышать, если кто-то будет проходить мимо. В этом коридоре находится класс зельеварения и алхимии.

– А тебя разве не услышат?

– Я призрак. Меня слышать и видеть могут только те, кто был рядом в мои последние мгновения жизни.

Ясно. Я не стала сомневаться и доверилась призраку. Все равно он не мог коснуться меня. Он наверное хотел поговорить со мной и договориться о чем-то. А взамен он мог помочь мне вернуться домой. Без помощи мне будет очень сложно найти правильную книгу, описывающую нужный ритуал возвращения в мой мир.

Кивнув, я встала, потопталась в нише в поисках платформы-точки трансформации и, превратившись в мышь, побежала в нору. Призрак превратился вместе со мной и показывал верный путь. Как оказалось, тайный ход – не просто нора, а целая подземная секретная система. Настоящий лабиринт. Без опытного проводника легко потеряться.

– Как ты знаешь, куда идти? – не сдержавшись, спросила я. Уж слишком запутанно все это.

– Мой дядя долго преподавал в академии, а ему еще во время обучения показал его наставник, – пропищал призрак и остановился. Я чуть было не врезалась в него. – Я не собирался учиться здесь. Я пришел расследовать исчезновение дяди. И нашел причину. Дядя был хорошим человеком. Он, узнав о преступлениях, не стал бы покрывать преступников. Мне кажется, именно поэтому он бесследно исчез. Его, наверное, убили. Идем! До хранилища немного осталось!

Еще несколько минут мы бежали лапка в лапку, пока я не вылетела на полной скорости вперед и уже в человеческом облике врезалась в пыльный мешок. Пыль взлетела вверх, а я раскашлялась. Призрак сидел у входа в нору и хохотал. Я смутно различала его в темноте.

– Не злись. Я в свое время въехал не в кресло, а в стену. Было больно. Считай, боевое крещение ты прошла!

Откашлявшись, я встала на ноги и отряхнулась. Мягкое кресло-мешок гораздо предпочтительнее жесткой каменной стены. Моя многострадальная головушка не выдержала бы столкновения со стеной. Уж лучше с креслом-мешком.

– Ну, спасибо. Удружил. Давай хоть познакомимся. Меня Анита зовут.

– Дакар, – призрак наклонился вперед и протянул руку. Видно по привычке, ведь сейчас он не мог меня коснуться. – Давай руку. Без тебя я не смогу зажечь свет. Здесь слишком темно! Или хочешь сначала синяков насобирать?

– Не хочу, – я протянула ему правую руку. Коснуться не смогла, но этого и не понадобилось. Когда между нашими ладонями оставалось меньше сантиметра расстояния, я почувствовала, как в меня переливалась магическая энергия. – Мне надо что-нибудь сказать? Какое-нибудь заклинание?

– Бирихану биритвали, – сказал Дакар, кивнув.

Я повторила за ним в точности, и меня ослепил яркий свет, заливший комнату. Пообвыкнув, я встала и огляделась по сторонам. Комната? Здесь целая свалка ненужных вещей!

– Етереса кетема, – поправил меня Дакар, вставая. – Иначе говоря, Забытый город. Ничего не трогай без моего разрешения. Здесь очень много опасных артефактов. Магия академии притягивает их сюда со всех уголков мира, поэтому никому не рассказывай об этом месте. Никогда.

– А почему ты мне рассказал?

– Потому что у нас с тобой одна цель. Я должен раскрыть исчезновение своего дяди и покарать своих убийц. Тебе нужно победить твоих похитителей и вернуться домой. Мои убийцы и твои похитители – это одни и те же люди.

– Скажи, а преподаватель по зельеварению и алхимии, светленький такой, он заодно с ними?

– Я не знаю, – Дакар пожал плечами. – Его наняли на место моего дяди. Очень быстро наняли. Это могло быть простым совпадением, а могло и не быть. Я бы не доверял ему. Чтобы наследничек богатенькой семейки пошел работать обычным преподавателем. Даже не магистром. Подозрительно.

Вот же!.. Как я могла так сильно ошибиться в нем? Блондин-химик мне показался нормальным человеком, и я даже прониклась к нему доверием. На интуитивном уровне я не чувствовала в нем зла... Встряхнув головой, я вернулась к начальной теме разговора. В словах Дакара был смысл. Я поэтому и собиралась сбежать в притык к полуночи, чтобы меня не успели найти и поймать прежде, чем Он разгромит должников.

– А ты знаешь, какому такому Ему мной собирались расплатиться за старую услугу? – спросила я Дакара, и по выражению его задумчивого лица все стало ясно. – Второй мужчина, русоволосый и в черном костюме. Я о нем говорю.

– Он один из спонсоров академии. Очень богатый и влиятельный человек. Я знаю только, что в молодости он вылез из самых низов. Удача словно преследовала его по пятам. За какое бы дело он не взялся, ему всегда грозил успех.

Вспомнив слова, что благодаря Ему у папашки есть все то, что он имел сейчас... С кем же он связался? И кого боялся очень богатый и влиятельный, по словам Дакара, человек? Дакару я об этом пока сообщать не стала. Что-то меня остановило. Вроде бы чего мог бояться призрак?

Он ведь уже умер. Но мне явно придется убежать от особенного, возможно крайне могущественного и опытного мага.

– Тогда слушай мою историю, – сказала я на выдохе, пнула пару раз кресло-мешок, вытряхивая с него пыль, и села в него. Рассказывать предстояло долго. – Если верить слову этого очень богатого и влиятельного, я его дочь и он планирует отдать меня какому-то мужику для собственного обогащения. Для цели запугивания он сказал, что я нема и не смогу самостоятельно вернуться домой, а живу я в другом мире. Там магия считается сказкой, так что про другой мир я неохотно, но верю...

Дакар внимательно слушал все то, что я говорила, несмотря на сюрреалистичность моего рассказа. Видимо даже в мире магии путешествия по разным мирам были диковинкой, либо поступок моего папашки был банально диким. В моей голове пазл что-то не сходился, а вот призрак увидел картину целиком.

– На пике популярности он женился на очень богатой женщине, – сообщил Дакар. – Если ему кто-то помогал подняться и за это потребовал первенца, то ты серьезно влипла. Давай объясню. Всего существует четыре типа магии: свет светлый, свет темный, тьма светлая и тьма темная. То есть магии добра и зла делятся еще на светлые и темные. Магия света официально разрешена вся. Магия светлой тьмы доступна только специально обученным людям. Например, целителям против темных заклятий. Магия темного зла запрещена под страхом смертной казни.

– То есть такие требования оплаты за услугу намекают на то, что заемщик занимается магией абсолютного зла? – спросила я, предполагая наихудший ответ.

Призрак кивнул. Мне не стоило сомневаться в его ответе. Тем более, что его уже убили у меня на глазах. Убийство – это преступление. Может быть когда-то давно не любое убийство было преступлением, но на сегодняшний день любое нанесение тяжкого вреда человеку, включая убийство, – незаконно. И я надеялась, что в этом мире было также, как в моем.

– Ты знаешь, когда тебя собираются передавать заемщику?

– В полнолуние, – немедленно ответила я. – Выбор суток и ночного времени звучит угрожающе. В моем мире. Здесь полнолуние тоже означает нечто особенное. – Призрак снова кивнул. – Тогда я права. Мне нужно вернуться в свой мир до того, как некий Он явится за мной. Думаю, Он сам разберется с нашими общими врагами. Папашка сам сказал, что Он очень мстительный и всю их компашку уничтожит.

– До полнолуния осталось двое суток, – предупредил призрак, хмурясь. Он был задумчив и со мной говорил отстраненно. – Я не знаю, что мы можем сделать за оставшееся время.

Двое суток? Я думала, что не меньше двух недель! За две недели можно было бы немного подучиться магии и хотя бы с артефактом сладить, а лучше с парочкой-троечкой артефактов. Сокращение оставшегося времени по меньшей мере в семь раз меня сбilo с ног, но не забило на смерть. Пока мы живы, был шанс все исправить. Ну, пока я жива.

– Я думала сбежать впритык к появлению, кхм, покупателя. Они считают меня немой, поэтому искать в моем мире не будут. Только в этом замке. А когда заявится Он, то все проблемы решатся сами собой.

– Хороший план, – похвалил Дакар, но почему-то с издевкой. – Могу даже книгу показать и пальчиком ткнуть в нужный раздел на правильной странице. А хватит ли тебе сил, чтобы провести ритуал? Моих сил точно не хватило бы, пока я был жив. Сейчас у меня их вполовину меньше. Через несколько дней силы могут иссякнуть вовсе, и я останусь бесполезным духом, слоняющимся туда-сюда. Я должен завершить свои дела, прежде чем упокоиться.

– А есть способ получить силу извне?

– Если только ты готова на все, – хмыкнул призрак. Магической и физической силы в тебе явно маловато, чтобы на что-то претендовать. – Призрак говорил вроде бы разумные мысли, но я не могла их привязать к делу и непонимающе смотрела на него. – Академия защищена от поглощения природных сил, поэтому единственный способ получить силу извне – совершить жертвоприношение. Готова убить ради возвращения домой?

– Не знаю, – ответила я быстро, не подумав. – Если в состоянии аффекта при самозащите, то, думаю, могу. Не уверена.

– Идем, – призрак потащил меня вглубь Етереса кетема. – Покажу, к чему можно подготовиться за два дня, если решишься сжечь душу кого-нибудь из... из них.

Вряд ли я смогу, но от новых знаний не отказалась. Может быть мы сможем придумать что-нибудь, что спасет меня от падения до уровня моих похитителей – наших общих с призраком врагов? Меня ужасало уже то, что я в принципе задумалась, что описанный призраком способ мог быть единственным спасением, и я допускала мысль использовать его. Даже если не будет другого выхода. Даже если от этого будет зависеть моя жизнь. Смогу ли я остановить их, не омывая свои руки кровью? Я ж никогда себя не прощу, если совершу подобное злодеяние.

Среди сваленного горами мусора попадались пыльные и грязные, но очень симпатичные украшения и вещицы. Я старалась не сильно глазеть и не останавливаться, чтобы не отстать от призрака. Он конечно заметит и вернется за мной, но я не хотела терять времени даром. Даже если это мой единственный шанс посмотреть на магические диковинки. Спасение моей жизни меня интересовало гораздо больше.

– Добро пожаловать в мой личный кабинет самоподготовки, – Дакар приветственно, словно слуга, поклонился и жестом руки пригласил пройти чуть вперед.

Среди свалки он устроил себе небольшой кабинетик с партой, стулом и котлом. Откуда-то даже стеллаж притащил, чтобы расставить книги. И здесь было чисто. Чуть дальше от стола был двухметровый диван ярко-красного цвета. Очень красивый, но старый. Видавший виды настолько, что во времена его молодости меня и в помине не было.

– Круто! А мне здесь очень нравится. Хоть живи! Негде только, кхм, душ принять и одежду постирать.

– Все удобства наверху, в спальном крыле. А здесь очень тихо. Идеальное место для учебы! Видишь зеркало? – Дакар ткнул пальцем в сторону. Рядом со шкафом стояло что-то, что я даже не заметила. – Зеркало тоже артефакт. Через него можно выбраться в город в обход охранных контуров и системы безопасности. Я проверял! Только... развернуть его надо. Когда я занимаюсь, меня бесит мое отражение.

Смерть Дакару не к лицу. Он так живо рассказывал о создании своего кабинета, что мне становилось его по-настоящему жаль. Если бы я могла дать ему второй шанс жить, то я бы решила на жертвоприношение кого-нибудь из преступников. Или даже всех, как минимум тех четверых, с которыми я сталкивалась. Ну, наверное. Думаю, я смогла бы пересилить себя ради нас двоих.

– Начнем, – попросила я, отвлекая Дакара от счастливого рассказа. – У нас очень мало времени. Сначала разберемся с тем, кто должен явиться в замок в полнолуние. Затем подумаем, что делать с поисками твоего дяди. Я так понимаю, ты непустишь меня, пока я не помогу тебе завершить дела.

Призрак кивнул. Все честно: он помогает мне, а взамен я помогаю ему. Даже если меня не будет дома несколько дней, думаю Марина Васильевна простит меня за это и не будет злиться. Я ведь не сбежала. Меня похитили.

– Вот. Возьми это и это, – призрак подошел к единственному стеллажу на весь Забытый город и тыкал пальцем в конкретные книги. – Дядя немного интересовался межмировыми путешествиями и оставил книги. Я все унес сюда прежде, чем его кабинет и комнату обыскали, обчистили и отдали сменщику. Кстати, парта полая. Под столешницей осталась моя канцелярия и тетради.

– Хорошо, – кивнула я на автомате и постаралась вытащить книги. Они плотно прижимались друг к другу и с трудом поддавались мне. – Рассмотрим все варианты, пока еще есть время. А жертвоприношение... это единственный способ увеличить магические силы? Может быть здесь есть какие-нибудь артефакты?

– Может быть и есть, а может быть и нет, – пожал плечами призрак. – Я не интересовался. Артефакты силы опасны. Чуть что не учтешь, и твой резерв выгорит... Точно! Ты же из немагического мира. Тебе не нужен твой резерв. Если я смогу найти что-нибудь такое, чем ты сможешь воспользоваться хотя бы один раз. Это идея! А тебя не потеряют наверху? Я не могу терять так много времени и постоянно проводить туда-сюда.

– После побега меня никто проверять не будет. Но вот еда. Если в обед поднос останется полным, они могут заподозрить неладное и порушить наши планы.

– Если это настолько важно, я могу носить еду. Так будет гораздо быстрее. Я стараюсь экономить силы, но через несколько дней они все равно меня покинут. Два дня я точно выдержу.

Предложение призрака звучало идеально. Так никто не заподозрит, что меня нет в запертой комнате. Тогда я больше не буду думать, хватит ли нам двух суток, чтобы решить насущные проблемы. Конечно хватит! Иначе быть не может. У нас все равно не было другого выхода. А заодно мне не придется голодать. Кормили меня здесь хорошо, сытно и даже не отравлено.

– Уже время обеда. Я пойду, покараулю и сразу же вернусь. Ты пока полистай книги.

Призрак развоплотился, а я взяла самую толстую и тяжелую книгу в фиолетовой велюровой обложке и села на ярко-алый диван. Диван возмущился, пропыхтел, но не сбросил. Меня только тряхнуло чуть-чуть, и я поспешила его уверить:

– Я с книгой. Без еды. Могу обувь снять!

– Не снимай уж. Вижу, подошвы чистые. Не уличная обувь и ладно.

– Домашние тапочки! – уверила я, и тут до меня дошло, что я разговаривала с говорящим диваном. Ок. Просто ок. Без комментариев.

За книгой я просидела меньше десяти минут, как на столе появился поднос с супом в глубокой тарелке и запеченной красной рыбой на второй. В кружке обнаружился компот из сухофруктов. Это должно быть вкусно! Я отложила книгу и подошла поближе к столу. Призрак появился не сразу, но появился.

– Это было сложнее, чем я думал! – признался Дакар. – Но у меня получилось. Еда из нашей столовой. Вроде бы не отравлено. И ты им живой нужна. Так что можешь есть и не беспокоиться.

Это радует. Если бы еды лишили, то я не была бы такой бодрой и готовой на подвиги. Впрочем на подвиги ради возвращения домой в уютную отремонтированную квартирку, где меня никто не будет трогать, я готова «прямо сейчас».

– Дакар, а то, что у тебя тут диван разговаривающий, это нормально? – спросила я у призрака, чем поставила его в тупик. Кажется, мебель в этом мире разговаривать не должна. Что же я тогда слышала и с кем разговаривала?

– Не слышит он меня, – вздохнул диван и с горечью в голосе добавил. – Дядька его слышал. Хороший мужик. А он не слышит. Вон, котелок тоже с душой внутри. И зеркало. Етереса кетема не просто город забытых вещей. Это город забытых душ.

– Привет, Анита! – поздоровался со мной... котелок.

– Здравствуйте, – донеслось вежливое глухое приветствие откуда-то с той же стороны. – Вы не могли бы меня развернуть? Мне очень не нравится стоять спиной к собеседнику.

– Мне кажется, ты переволновалась слегка, – предположил Дакар. – Или в еду что-то все-таки добавлено. Может быть тогда не будешь это есть?

– Еще как буду! – хмыкнула я. – Не бери в голову. Просто давай развернем зеркало. Я хоть посмотрю, какое оно.

А зеркало было очень красивым. Напольным во весь рост и с шикарной резной рамой с позолотой. Оно хрипло поблагодарило меня за помощь и показало залитую солнечным светом узенькую улицу с чередой различных магазинчиков с яркими зазывающими вывесками. Очень красиво! И чисто.

– Эй, нам сейчас не до экскурсий! – окликнул меня призрак, и я нехотя оторвалась от изображения в зеркальном полотне. – Садись, ешь. Я пойду искать энергетические артефакты. Потом посмотрим, что из найденного можно использовать.

Я подчинилась. Разве можно было не подчиниться, если перед тобой остывает картофельно-вермишелевый суп и запеченная рыбка? А как пах мой обед. Закачаешься! Настоящее объедение. В местной столовой готовили не хуже, чем Марина Васильевна дома.

Невероятно: я собиралась сражаться с опытными магами, не имея за плечами магической практики и знаний. Их выжимку мне по минимуму выдаст Дакар, и со мной будут только те

знания, которые мне еще запомнить надо. Вылетит из головы – не справлюсь.

А еще я очень боялась, что идея с использованием артефакта или нескольких провалится, и придется принести в жертву одного из преступников. Любой из них заслужил это, но... но у меня руки опускались, как только я думала об этом. Почему плохие люди так легко творили зло, а добрые и нейтральные, как я, сделать того же даже ради спасения собственной жизни не могли и боялись?

Я не считала себя доброй. Порой я даже ненавидела людей за их омерзительные поступки. Бывший муж Марины Васильевны например. Я ненавидела его за все то горе, что он причинил нашей семье. Но я вряд ли смогла бы дать ему отпор, если бы в момент убийства сводного брата находилась рядом с ним.

Я всегда была слабой. А сейчас мне нужно было быть очень сильной. Сильнее своих врагов. Гораздо сильнее.

После сытного обеда первым делом я переписала ритуал жертвоприношения, оставив его как план «Я – последняя буква в алфавите». В самом крайнем случае я воспользуюсь им, а не пожертвую собой в оплату преступной услуги многолетней давности. Мне не нравилось быть жертвой вместо совместной дитачки папашки и его богатой женушки. Но и ей я не желала той судьбы, что была приготовлена мне.

Горочка артефактов, найденных призраком, постепенно увеличивалась на диване, вздыхающем по своей нелегкой судьбинушке. Пока Дакар не видел, я извинялась и обещала почистить, как только мы закончим. Больше мест для складирования артефактов все равно не было: стол занят, на пол – не вариант.

Ритуал перехода между мирами нашелся в личном дневнике дяди Дакара. Дневник был изрядно потрепанный в черной холщовой обложке альбомного формата и практически весь исписанный не самым аккуратным почерком. Дядя Дакара был известным зельеваром, поэтому все его изыскания проводились в этой плоскости.

– Котелок здесь есть, а вот ингредиенты далеко не все. Придется обокрасть блондина-химика... – под нос пробурчала я, изучая приведенный состав ингредиентов для зелья. – Еще атамэ нужно. Что такое атамэ?

– Ритуальный кинжал, – подсказал котелок бодро. – Я помню, как Вайс экспериментировал с этим зельем.

– Так может быть его не убили, а он в другом мире застрял? – предположила я, задумавшись. – В таком же, как мой, например. Или вовсе в моем мире? Почему Дакар даже не подумал, что эксперименты его дяди могли увенчаться успехом?

– Потому что создать портал зельевару возможно только в преисподнюю, – па-старчески хихикнуло зеркало. – Шутка. Молодежь совсем шуток не понимает.

А я крепко призадумалась. Если дядя Дакара исчез в межмировом портале, то его смерть была напрасна? Конечно, будучи призраком он мог помочь мне спастись, но ему какая от этого выгода? Он свою жизнь потерял. Если он узнает, что влез в компанию преступников зазря, он будет, кхм, разочарован и очень расстроен.

Горочка артефактов все росла и росла, пока я впитывала знания о магии как губка. Я даже не заметила исчезновения Дакара, и появление передо мной ужина осознала не сразу. Съела все, даже не обращая внимания, что именно было на ужин. Уже спустя десять минут я не могла вспомнить, что именно было на подносе. Первый день подходил к концу, а мы с Дакаром не скажу чтобы сильно продвинулись в научных изысканиях.

Завтра ночью будет полнолуние. У нас остались ровно сутки, чтобы сбежать куда-нибудь. Зеркало оказалось правым: зельевару крайне сложно создать стабильный портал. В разы сложнее заранее задать координаты целевого мира, которых ни я, ни Дакар не знал! Мне либо надо спрашивать у папашки, либо искать их самостоятельно. Для поисков должно хватить... пары-тройки месяцев.

– Отсидим ночь в междумирье, чтобы ни одно поисковое заклинание не смогло найти тебя, и вернемся, – сообщил Дакар. – Ничего более серьезного мы все равно не успеем приготовить. Я нашел немало артефактов, способных поделиться магической энергией. Так мы сможем ускорить время приготовления зелья и открыть портал.

С зельем тоже оказалось не все так просто. Для его правильного приготовления требовалось больше четырех лет, что также усложняло задачу. С помощью силы артефактов мы сможем сократить время настаивания и охлаждения примерно до трех-четырёх часов. В самом приготовлении ничего сложного не было. Нужно было только вовремя подбрасывать ингредиенты в верных пропорциях. С этим уж я справлюсь!

– У нас все равно нет другого выхода, кроме как понадеяться на Его мстительность. Надеюсь, Он разберется с ними до рассвета. Тогда мы будем в безопасности в замке, и сможем закончить твои дела и подготовиться к возвращению меня домой.

– Отличный план! Только мне не нравится это «понадеемся на Его мстительность»... А если нет? Если он не разозлится и даст им еще один месяц на твое возвращение?

– Тогда все пропало. Без шансов. Мы можем действовать, пока они считают меня немой и неспособной колдовать. Если узнают правду, то меня запрут не в обычной комнате, а посадят в магическую клетку.

Я понимала и принимала сомнения Дакара, ведь сама думала о том же самом. А что если? Что если страшный и ужасный Он не разберется с ними, а даст им еще один шанс на исправление ошибки?

– Нам не хватает ингредиентов, – я перевела тему, чтобы совсем не размякнуть и не опустить руки. Нужно придерживаться плана. – Покараулишь?

– Лучше я сам все принесу. Шатрэн двадцать четыре часа в сутки живет в своей подсобке. Он даже в столовой почти не появляется. Меня он не заметит. Но, имей в виду, времени у нас будет мало. Он такой же псих, как мой дядя. Кражу обнаружит в считанные часы.

– Тогда зельем займемся завтра после обеда, – кивнула я больше самой себе, стараясь успокоиться. Не стоило обращать внимание преступников преждевременно. – Мне бы немного поспать. Завтра будет сложный день.

– Потерпи еще часа четыре. Иначе завтра ночью на ходу засыпать будешь. Потратим это время на проверку артефактов и поиск подходящего атамэ. Нельзя исключать вариант, что придется действовать в исключительном случае. Даже если не сможешь, то хотя бы будет готова к любому повороту событий.

Еще четыре часа. Или даже лучше шесть. Посплю часиков шесть после этого. Дракар как раз к моему пробуждению стащит ингредиенты и блондина-химика, единожды произнесенную призраком фамилию которого я не запомнила. А ведь у него еще имя должно быть. Я не хотела его запоминать. Именно блондина-алхимика было проще всего заманить в ловушку и принести в жертву, если до этого дойдет. Он, по словам Дракара, в академии одиночка-отшельник.

С чугунной головой и практически не передвигающимися ногами я окунулась с головой в свалку различных артефактов в поисках заветного ножичка. Я все больше и больше склонялась к мысли, что с артефактами может ничего не получиться и придется использовать план «Я – последняя буква алфавита». На план «Б» он не тянул. На «В» тоже. Но если смотреть позитивно, то пусть уж лучше это будет план «Ю». Не так пессимистично.

Перекопать целый подземный город забытых артефактов за несколько часов – да раз плюнуть! Хвалиться можно было бы сколько угодно, но в таком сраче найти что-то полезное и подходящее было сложной, фактически непосильной задачей. Много было женских украшений, одежды разного размера и назначения, предметов непонятной функциональности.

– Ай! – я случайно коснулась пальцем иголки и тут же вытащила ее. Маленькая капелька крови появилась на кончике пальца, и я ее слизала. Хорошо, что у меня высокая свертываемость крови. Только от кровопотери помереть не хватало.

Иголкой я проткнула край одежды, уткнув острый кончик внутрь одного из железных шариков-украшений. Так она мне больше не навредит и не потеряется. Очки-авиаторы с радужным покрытием на стеклах я тоже прибрала, усадив себе на макушку. Они классные. Вряд ли мне пригодятся, но они реально классные!

Нашлось также немало крайне пошлого нижнего белья, потерявшего свой цвет из-за пыли и грязи. Его я откинула подальше, даже не интересуясь волшебными свойствами.

– Тебе бы пошло, – посмеялся Дакар. Его явно притомила охота на мусорные сокровища, чем

мы уже занимались не первый час. Я тоже устала, но для меня вопрос стоял гораздо острее, чем для него. Потому что я все еще была жива и не хотела что-либо менять.

– Да пошел ты! – рявкнула я. – Лучше делом займись. Как в такой горе барахла нет ни одного ножика?

– Ножики есть. А вот атамэ ни одного. Смотри!

В меня полетел складной перочинный ножик, и я поймала его в лодочку из ладоней. Открыла. Ножик как ножик. Обыкновенный. Он резал как-то по особенному? Или влиял ментально на врага? Тогда таким будет круто защищаться в какой-нибудь темной подворотне. Наставил на грабителя-неудачника, и тот со страху развернулся и побежал куда глаза глядят.

– Влей в него немного магии. Всего капельку, – посоветовал Дакар. Я кивнула и сделала что он предложил. Лезвие вспыхнуло и равномерно покрылось пламенем. – Вот видишь.

– Круто! Зажигать ароматические свечи и огонь под котелком теперь еще проще. Надо будет положить на стол, чтобы не потерять. – Я потушила ножик, закрыла его и сунула в карман джинсов. Все-таки мусорная охота на свалке забытых артефактов приносила свои плоды. – А нет какого-нибудь заклинания для призыва подходящей вещи? Я понимаю, мне нужно силы экономить. Но мы так атамэ никогда в жизни не найдем.

– Есть идеяка, – согласился призрак. – Идем. У дяди в дневнике я видел подходящее заклинание.

Я встала с колен, отряхнула руки и колени от пыли и пошла в очищенный от грязи кабинетик без стен. И как я раньше не догадалась использовать заклинание для поиска? Столько времени потрачено зря. А ведь нам еще артефакты проверять на совместимость со мной. Если я правильно поняла, то по неосторожности я могла использовать слишком мощный артефакт и сгореть прежде, чем выполню задуманное. Так что мы будем использовать множество маломощных артефактов. Так будет безопаснее.

Пролистав личный дневник дяди Дакара, я по сигналу остановилась на одной ничем непримечательной странице. На ней даже никаких рисунков не было. Дакар ткнул указательным пальцем в строки, написанные на полях, и я развернула дневник боком. Сказать, что я даже не знала, как это прочитать, это тупо ничего не сказать.

Слов было много. Очень. Не то чтобы целое стихотворение наизусть, но и не два-три слова. Навскидку слов было всего девять, но я не могла за это ручаться. Особенно из-за того, что слова мне предстояло повторять и повторять, пока каким-либо образом не отзовется искомый объект.

– Кететеуеке бехвала зелалемави либокхи уемехони висининети висити еириуауени сима, – произнес Дакар, а я с открытым ртом даже не собиралась пытаться повторить. Это было невозможно. Вообще никак. – Давай я повторю, и ты запишешь так, как привыкла читать.

– Я в принципе такое не привыкла читать! – возмутилась я и стухла. Выбора у меня все равно не было. Ну, либо возвращаться к помойке и рыть горы магического мусора.

– Ну, извини. Если бы ты провела ритуал с кровью наследника древней империи, а не со мной, то смогла бы читать на древнем языке магии. А так... скажи спасибо, что ты вообще понимаешь хотя бы современный язык моего мира.

– То есть ритуал с кровью? Мы же с тобой никакой ритуал не проводили, а я стала понимать твой язык, как только моей кожи коснулась твоя кровь, – припомнила я, недоумевая. Если бы я уже один раз участвовала в каком-нибудь ритуале, то, думаю, я бы это запомнила.

– Получается, провели. Если так прикинуть, то похоже на ритуал «Изгнание четвертого». Я специализируюсь на светлой магии света. Если предположить, что ты предрасположена к темной магии света, то все становится на места. Все знают, что ректор – мастер светлой тьмы. Получается, что твой отец – адепт запрещенной темной тьмы.

– Папашка, – поправила я призрака. – Отец звучит слишком уважительно. Не заслужил. К тому же, это только с его слов.

– Если твой «папашка» связан магической клятвой с заемщиком, то он не врет. И если он адепт темной тьмы, то он может использовать свою кровь для твоих поисков. – С каждым словом Дакара мои глаза все сильнее и сильнее округлялись. Это страшно. Его слова звучали так, словно мы не сможем сбежать от папашки и укрыться даже в междумирье. – Придется

ставить барьер. А на него нужна прорва энергии.

– Чем это нам грозит? – эти слова я выдавила из себя с трудом, предполагая наихудшее.

– Мы не сможем поставить барьер, сколько не старайся. Я раньше особо не интересовался барьерами, так что здесь я не помощник. Раз ты у нас предрасположена к светлой тьме, то... я читал что-то такое у дяди в дневнике. Прочитай его.

Сон как рукой сняло. Какой спать, если появилась угроза срыва плана? Я судорожно листала личный дневник дяди Дакара в поисках нужной записи, но на что-то полезное наткнулась только на третьем круге. Руки дрожали. Дядя Дакара, как по всей видимости я, занимался светлой тьмой. Чем он занимался таким, раз описал способ спрятаться за энергией смерти, как за барьером?

– Мой дядя помогал дознавателям, расследующим убийства, – расторопно сообщил Дакар, но по нему было видно, что он и сам в шоке от подобной записи конкретно в этом дневнике. Насколько внимательного он читал его раньше? – Наверное, дознаватели наткнулись на что-то подобное, и он описал это у себя... – тем не менее его голос ощутимо дрожал и не было в нем ни толики уверенности.

– Я правильно понимаю, что это очередной камень в мой огород? – хмыкнула я нервно. – Я хотела сказать, что без жертвоприношения мы вообще никак не обойдемся?

– Давай все же попробуем. Пусть лучше зло само себя сожрет, – решил Дакар. – Не хотелось бы марать свои призрачные руки. Не для того я остался на этом свете. Не для того.

– Если я правильно помню, мы вообще-то собирались атамэ искать с помощью заклинания. Может быть отвлечемся и найдем его наконец?

Дела наши складывались наихудшим образом. Я бы даже сказала мои дела, а не наши. Реализовывать все то, что мы напару понапридумывали, придется в первую очередь мне моими руками. Чем дальше в лес, тем больше дров. А попытка решить наваливающиеся, как снежный ком, трудности склоняется к единственному решению – придется опуститься до уровня наших врагов и руки замарать.

– Бери перо и тетрадь. Я повторю заклинание, а ты запишешь и попробуешь произнести. Только мысленно! – предупредил призрак. Если будешь тренироваться вслух, то все колюще-режущие артефакты в округе призовешь. И некому тебя будет от стеллажа снять с ножей.

– Без летальных шуток, пожалуйста, – попросила я упаднически. И так моя жизнь в каждую секунду могла оборваться. Я буквально ходила на остром лезвии ножа. Шаг влево, шаг вправо... расстрел! – И так жизнь не сахар. Еще ты подбрасываешь на вентилятор. Ой, не проси объяснять! Это долго!

Дальше начался ад. Дакар повторял заклинание раз за разом, а я пыталась написать доступную моей чугунной голове транскрипцию. Дело шло трудно, тяжело и очень долго. Оно медленно продвигалось вперед и было завершено ближе к шести часам утра, когда я уже с ног валилась от усталости. Немного посплю и начну зелье варить. Произнесение заклинание также было оставлено на «после сна», а то мой язык уже не ворочался.

Позавтракав, я завалилась спать. Как только проснусь, начнется очень сложный и крайне ответственный день.

Дакар смог разбудить меня только к часу дня, облив молоком из обеденного меню. Это было... неожиданно. Материться я не умела и впервые почувствовала надобность сказать что-то такое, отчего его призрачные уши свернутся в трубочку. Облить! Меня! Молоком! Ему заняться совсем нечем?

Обед прошел в обиженном молчании, но через полчаса я уже забыла за что дулась на призрака и принялась за работу. За полдня предстояло призвать атамэ, сварить зелье, подготовиться к ритуалу и заманить в ловушку лектора Шатрэна, блондина-химика. Его имя все-таки отложилось в памяти после того, как Дакар рассказал мне, что нашел все ингредиенты в его подсобке и готов стащить их все при надобности.

Кажется, я решилась. Правда пока только на словах, но я приняла факт, что без жертвы мне не обойтись. Нормально ли считать, что моя жизнь дороже жизни преступника, наверняка убившего не одного и не двух человек? Моральная дилемма стояла передо мной и капала на мозг. Я или кто-то из них. Точнее я или лектор Шатрэн. Он хоть выглядел темной лошадкой, обмануть и заманить в ловушку его будет легче. А главное – его найти легче всего.

– Дакар, призываем атамэ... и я постараюсь не облажаться, – пообещала я, вставая из-за стола. – Я постараюсь. Давай. Времени осталось очень мало, а у нас еще зелье не сварено, и Шатрэн в ловушку не загнан.

– Мне нравится твой настрой! Боевой! – похвалил призрак. – Уверена, что сможешь это сделать?

– Нет! Но я постараюсь. Буду повторять про себя, что он преступник, убийца, и я не хочу становиться его очередной жертвой!

Взяв вчерашние записи, я сосредоточилась и несколько раз про себя повторила заклинание поиска. Из-за очень маленького практического опыта сил у меня мало, а потому на множество попыток рассчитывать не приходилось. Время тоже поджимало. Я должна справиться. У меня все получится. Я не должна волноваться из-за таких пустяков.

На глубоком вдохе я в первый раз прочитала заклинание чисто, без ошибок. Ничего не произошло, и я посмотрела на призрака. Он кивнул мне, как бы предлагая продолжать. Я прочитала второй раз и третий, начиная немного беспокоиться. То ли атамэ лежал где-то очень далеко от меня, либо он был погребен под завалами мусора и не мог освободиться сам.

Я мотнула головой в сторону, пристально глядя на Дакара. Он понял меня без лишних слов и побежал вглубь Забытого города в поисках локальной магической аномалии, созданной моим призывом. На четвертом повторении я сбилась со счета, страдая от пересыхающего горла из-за постоянного непрерывного говорения. Я не привыкла так долго не закрывать рот.

Наконец это свершилось. Передо мной появился острый извилистый клинок, искрящийся голубыми и желтыми звездочками. Невероятное волшебство. В моем мире без магии такое зрелище только в кино, напичканном спецэффектами, увидеть можно. Но никогда – в живую. Красота невероятная. И все равно я хочу вернуться домой. В своем мире я знаю все, а здесь я чужачка. Мне жить здесь гораздо опаснее, чем там, а я люблю безопасность.

Замолчав, я отложила тетрадку на стол и взяла атамэ за рукоять. Не ножик, а настоящее произведение искусства. Вскоре ко мне вернулся Дакар и довольно посмотрел на сокровище в моей руке.

– Не знаю, что это, но оно точно нам подойдет, – наконец отмер от созерцания Дакар. – Очень могущественный артефакт. Он впитывают силу, а не отдает. По идее он не должен тебе навредить.

– По идее или не должен? – возмутилась я двусмысленностью ответа. – Меня крайне заботит возможность использования этой штуки против наших врагов!

– Нормально все будет, – отмахнулся Дакар. – Займись лучше зельем. Разобралась с рецептом? Я запомнил, где что лежит у Шатрэна. После исчезновения дяди в подсобке практически ничего не изменилось. Так что я принесу недостающие ингредиенты, ты варишь зелье. Как только я смогаюсь за ужином...

– Выброси его, – резко сказала я, не успев отдать отчет самой себе. – То есть... я хотела сказать... сегодня ночью меня собираются потащить куда-то. Логично предположить, что в еде

будет снотворное или что-то вроде этого.

– Если еда будет отравлена, то за тобой придут максимум через полчаса. Действие снотворного как раз около тридцати минут. Успеешь сварить зелье до ужина?

Я кивнула. Дакару не раз приходилось использовать энергию артефактов для выполнения домашних работ, так что с его многоопытной помощью и с моим талантом к смешиванию различных веществ, я должна закончить вовремя.

– Можешь уже идти. У тебя пять-семь минут, пока я начну, – сообщила я призраку, а сама заткнула атамэ за пояс и вытащила из кармана волшебный перочинный нож. Наклонившись к котелку, я зажгла огонь и прошептала. – Надеюсь на твою помощь.

– Будет исполнено! – весело подхватил котелок, нагреваясь.

Часть ингредиентов уже лежала на столе передо мной, и я пересчитала их, сверяясь с рецептом. Вроде бы все точно. Остальное Дакар принесет через несколько минут. Самое тяжелое в приготовлении этого зелья – сохранять прозрачность состава от начала до самого конца. Чуть-чуть помутнеет, и придется варить заново. А на вторую попытку нет ни времени, ни ингредиентов.

Еще одна чудовищная несправедливость этого зелья в том, что все его ингредиенты жидкие. На первый взгляд жидкости проще смешивать, а по факту нет. Небольшая оплошность в пропорции, и придется получившуюся гадость выливать и варить заново. Мои руки дрожали, но котелок вроде бы помогал советами, что и как делать. Меня приободряли другие артефакты, и я чувствовала себя увереннее.

Дакар явился как раз вовремя. Мне сию же минуту нужны были четыре из семи утащенных им у лектора Шатрэна склянок. Вещества в одной из них хватало в притык, и меня чуть сердечный приступ не хватил, когда я переволновалась и «на глаз» ошиблась с объемом. Мне стало так плохо от мысли, что могло не хватить!

Артефактные драгоценные камни под котелок подкладывал Дакар, потому что я не могла отойти от зелья ни на секунду. Пока все шло хорошо. Зелье сохраняло прозрачность и на данном этапе приобретало золотой отблеск на поверхности, как то было написано в рецепте.

Зелье будет считаться готовым и правильно сваренным в том случае, если золотой отблеск уйдет, и жидкость станет прозрачной и без запаха, как обычная родниковая вода. Я поверить не могла, что у нас все получалось отлично. Я ведь второй раз в жизни варю магические составы и в первый раз – с нуля. Почти с нуля, учитывая, что все жидкие ингредиенты были уже готовы.

– Магическое сообщество не признает, что зельевар может открыть портал, – вдруг вспомнил Дакар, присев на корточки и следя за равномерностью пламени под котелком, чтобы своевременно подкладывать топливо из драгоценных камней-артефактов. – Иначе нам несдобровать. Порталы признанных природ отслеживаются специальной комиссией.

Я аж икнула от неожиданности! А не мог он это сказать, например, вчера утром? Хватит с меня того, что я – нелегальная иммигрантка-иномирянка! Я собиралась собственными руками убить человека! Пускай плохого человека, преступника, но человека! Как же мне хотелось сказать себе, что человек, способный на зверства из личной выгоды, не человек вовсе, а нелюдь...

– Анита! – вскрикнул призрак, и я очнулась. Чуть было не проворонила последний этап!

Оставалось влить фиолетовую жидкость из самой маленькой пробирки, и зелье будет закончено. Я смогу отойти на шаг и даже развалиться на диване. Все-таки четыре часа стояла у котелка, а это ужас как трудно!

Как было сказано в рецепте, я тонкой струйкой вливала фиолетовую жидкость, но что-то все равно шло не так. Зелье медленно и неотвратимо меняло не только консистенцию, но и цвет, приобретая вместо золотых розово-малиновые блики.

– Что происходит? – шуганулся Дакар. – У нас нет времени на вторую попытку!

– Как же так? – я сама испугалась не на шутку и отбросила пустую склянку. – Я же все делала точно по рецепту! В рецепте ошибка?!

– Все верно, – успокоил котелок, и у меня от сердца отлегло. – Добавь каплю своей крови. Вайс

специально не дописал, чтобы никто не смог повторить рецепт. Используй то же орудие, которое будешь использовать в ритуале.

Кровь? Беспокойно и поспешно я вынула из-за пояса атамэ и аккуратно кольнула кончик мизинца. Самый маленький пальчик практически не участвует в повседневных делах, и маленькая ранка не мешает мне. Дакар смотрел на меня, как неразумное дитя, но доверился моему чутью. Сейчас оно было не совсем мое, но ему об этом знать необязательно.

Красная капля соскользнула с кончика извилистого атамэ и упала в зелье. Оно в ту же секунду потеряло цвет, став прозрачным, и консистенция вновь стала жиже. Вот, то что мне нужно. Сейчас зелье походило на то, которое должно было получиться по описанию результата в рецепте. И что мне теперь с этим зельем делать? Надо же его во что-то перелить. Как использовать-то?

– Есть чистый сосуд? – спросила я у Дакара. Вообще странно, что ни один из нас не подумал озадачиться заранее.

– Опusti атамэ, – ответил призрак. – Должно получиться что-то вроде водных ножен. Не знаю. Я никогда ничего подобного не делал. А как ты догадалась, что нужно добавить кровь?

– Это долгий разговор, – вздохнула я, понимая что ему сложно будет объяснить существование душ в артефактах – Как-нибудь в другой раз. Это будет еще одна причина, чтобы другой раз состоялся.

Я улыбнулась и медленно миллиметр за миллиметром опустила клинок в котелок с зельем настолько низко, что над поверхностью зелья осталась лишь ручка атамэ. Интересненько, что у получится в итоге?

– Вытаскивай! – вскрикнул котелок. – Нельзя передержать, иначе начнет фонить!

Также медленно вытащив атамэ на воздух, я лыбились уже во все лицо. Клинок обволакивал прозрачный слой воды примерно в пять миллиметров и не расплескивался. Красотища! Теперь можно было не беспокоиться о том, как применить зелье. Если я все правильно понимала, то мне нужно будет влить немного энергии, и водные ножны растают. То есть зелье как бы всосется внутрь атамэ и будет действовать несколько минут, за которые мне нужно будет успеть... сделать это.

– Дакар, оставим приготовленные артефакты на отправление меня назад? – нерешительно спросила я. Изначально мы планировали использовать их, чтобы спрятаться в междумирье. Но против поискового заклинания темной тьмы на основе родственной крови любые артефакты бессильны. Зелье могло помочь только потому, что оно соткано из светлой тьмы.

– Здесь много артефактов, но я вынужден согласиться, – кивнул призрак и плюхнулся на диван, раскинув руки в стороны на спинке. – Как только ты скроешься под барьером, придем сюда. Здесь нас никто не найдет. Переждем бурю и с утра проверим жизнеспособность наших врагов. Барьер скроет тебя от любого поискового заклинания на несколько дней. Если что-то пойдет не по плану, успеем придумать новый.

Звучало разумно. А еще приближалось время ужина, и меня начинало всерьез потряхивать. Осталось совсем немного времени до часа икс. Мы с Дакаром и одушевленными артефактами уже все подготовили. Последнее – зелье, нанесенное на атамэ, было готово.

– Если подумать, тебе необязательно его убивать. – Призрак полулежал на диване и плевал в потолок. Вроде бы сейчас как раз было немного времени, чтобы расслабиться, но лично я расслабиться не могла. Я наоборот накручивала себя как могла. – Только пырнуть надо. Всего один раз. – Он пожал плечами, разминаясь, словно стряхивал с себя усталость.

– В грудь, – съехидничала я. – И желательно так, чтобы в ближайшее время его не нашли и не догадались использовать уже его кровь для моих поисков! Если он не умрет за несколько секунд и не истечет кровью насмерть в течение нескольких дней, то это будет настоящее чудо! Так что подвинься!

Я бухнулась на диван рядом с призраком и откинулась на спинку. В руках я держала атамэ в водных ножнах, и мне казалось что все происходящее было нереальным. В какой-то мере оно так и было: в моем мире вот это все было нереальным. А в другом мире с магией и волшебством это было чем-то совершенно нормальным и даже обыденным. Я до сих пор с трудом могла поверить, что все это происходило именно со мной. С обычной девчонкой, каких много.

– Спасибо, – тихо произнесла я. – Спасибо что не бросил. Я понимаю, у тебя свой интерес. Но я совершенно не понимаю, чтобы я делала без твоей помощи и помощи артефактов Забытого города. Они бы победили. Вряд ли я справилась в одиночку.

– Не бери в голову, – подмигнул Дакар. – Я рад, что помогаю именно тебе, а не какой-нибудь сумасшедшей идиотке. Ты классная. Если бы я выжил, мы бы стали хорошими друзьями. Или даже лучшими.

– Ужин через полчаса, – напомнила я. – Время скоротечно. Мы здесь уже двое суток, а такое чувство, что всего пять-шесть часов.

– Значит, у Шатрэна скоро заканчивается последнее занятие. Примерно за десять минут до ужина. Готова сразиться с ним?

– У меня нет другого выбора. С вашим ректором я точно не справлюсь. С папашкой вероятнее всего тоже. Где находятся те двое, что меня похитили, я не знаю. Я не видела их с тех пор, как меня встретил папашка. Они скорее всего наемники или кто-то вроде того.

– Надо было раньше подумать! – разозлился Дакар на самого себя. – Шатрэн хоть и выглядит миролюбиво, но у меня нет сомнений, что физически он сильнее тебя. Даже если ты наденешь артефакты против внушений и атакующих заклинаний, ударить его клинком все равно будет тяжело, если не невозможно вовсе. Хотя... есть у меня одна идея. Я знаю, как можно отвлечь его на несколько минут. Минуты через четыре или пять он поймет, в чем дело.

– Показывай! – Я приободрилась и встала с дивана. Не встала, а подпрыгнула. Мне будет чертовски сложно справиться с мужиком, который выше меня на полторы головы. Он банально шире в плечах и сильнее физически. – Если есть что-то, что увеличит мои шансы на успех, я должна... я обязана это использовать!

Воодушевленная, я вспыхнула от смущения и ужаса, что именно мне в качестве незаменимого помощника притащил призрак. Я просто в шоке пялилась на него и на артефакт и на каждого по одиночке, понимая что вот это я точно не надену ни за что на свете. Это было грязно-серое, некогда белоснежное нижнее белье, предназначенное по всей вероятности для невесты под свадебное платье.

– Ты с ума сошел!!! – закричала я, срывая голос. – Я это никогда не надену!

– Ну, в таком виде, конечно, нет, – согласился со мной Дакар, осматривая пошлый комплект белья со всех сторон. – А вот после волшебной стирки наденешь как миленькая. Мне кажется, это белье одной известной брачной мошенницы. Ее несколько лет назад арестовали и казнили за более чем сотню случаев скоростной смерти ее мужей. Громкое было дело!

– И ты думаешь, что она соблазняла своих будущих мужей вот этим? – я так театрально усомнилась в его словах, что даже сама себе не поверила.

– Ты забыла, что я тебе говорил? – хмыкнул призрак и скомкал грязную ткань в руках. – Академия притягивает к себе потерянные или оставшиеся ненужными артефакты. Если это белье здесь, значит это не обычное тряпье.

– Признайся, ты просто хочешь, чтобы я это надела?

Призрак помолчал, достав откуда-то эмалированный глубокий тазик. Он так легко и просто обращался с ним, словно стирал в нем уже не один десяток раз. Может быть оно так и было. В этой чудесной камерке было все, что нужно было для комфортной жизни «в землянке». За исключением чистоты, конечно. Я прямо чувствовала себя «рублевским бомжом».

После стирки в волшебном тазике белье сверкало белизной и было абсолютно сухим. А уж на ощупь какое приятное! Я совершенно не ожидала подобного преображение. Оно выглядело совершенно новым, словно ни разу надето не было. Какие уж сто и более случаев соблазнения? Может мне и вправду надеть его? Это только на один раз. Вернусь домой – не вылезу из ванны, пока не стану стерильной!

– Осталось всего несколько минут до окончания занятия, – сообщил Дакар. – Решайся. Ничего другого у нас все равно нет. Только жемчужный браслет против внушения не забудь. Он не привлечет внимания, а в случае чего защитит.

– Хорошо. Я надену. Но ты отвернешься! – у меня щеки вспыхнули от смущения и уши покраснели. Я остро чувствовала, как стало жарко. Никогда не думала, что надену настолько откровенное белье.

– Я вообще уйду! Ты же сама сказала, ужин выбросить! Заодно проверю, отравлен ли он? И если да, то стащу что-нибудь из столовой, чтобы ты с голоду не померла.

Таки я решилась кардинально изменить свой наряд. Я не сразу сориентировалась, как правильно надеть на себя ворох белоснежных кружев и атласных лент. Вот с пояском и чулочками проблем не возникло. Все интуитивно понятно плюс в рекламе показывали, что с ними делать надо.

Переодеваясь, я вспомнила, что оставила в форменном халатике иголочку, и не смогла найти ее. Я точно помнила, что приколола ее слева на груди в паре сантиметров от края и острый конец уткнула в железное украшение. Видимо иголочка посчитала себя ненужной и исчезла в неизвестном направлении, спрятавшись где-то в горах свалки.

Только я хотела подумать, что так тому и быть, как рваные лоскуты халатика под моими пальцами как по волшебству вернулись в первозданный вид. Не поверив своим глазам, я посмотрела на пальцы и увидела маленькую золотистую точку в месте укола иголкой. Все-таки она не сбежала от меня. Почему-то эта маленькая шалость меня порадовала, и я улыбнулась.

– Дакар? – позвала я призрака, готовая реализовывать наш план. Всю иномирную одежду я оставила на диване, а вместо домашних тапочек надела аккуратненькие белые туфельки без каблучка. Они единственные из всех найденных подходили по размеру. – Ушел! А как мне через лабиринт одной проходить?

– Зеркало попроси, – вздохнул диван. – Оно тебя в любую точку мира переправит.

– И в рабочий кабинет Вайса? – недоверчиво спросила я, подняв взгляд на старенькое зеркало. Изображение города в отражении помутнело и появился интерьер темной, но чистой кладовой, заставленной различными коробочками и баночками.

– В его подсобку, – сонно ответило зеркало. – В кабинет не могу. Там нет зеркал. А в подсобке Вайс поставил, чтобы быстро перебегать из кабинета сюда.

– В подсобку так в подсобку, – согласилась я, потуже завязывая подвязку на правом бедре. Атамэ мне нужно было куда-то засунуть. Не в руках же тащить, чтобы он сразу увидел и сразу все понял. Но халатик пришлось оставить практически расстегнутым. Только несколько пуговиц у талии выполняли свою прямую функцию. – По тайному ходу в одиночку я не смогу пройти.

– И атамэ не сможешь за собой унести, – предупредило зеркало. – Артефакты при превращении исчезают и возвращаются сюда. Будь осторожна в следующий раз.

– Спасибо за предупреждение, – я кивнула и в качестве завершающего штриха надела широкий жемчужный браслет на левую руку, чтобы на правой не мешался, и подумывала примерить серебряную сережку, защищающую от магических атак. Вторая, к сожалению, не подлежала восстановлению. – Ай, лишним не будет!

Глубоко вдохнув и шумно выдохнув, я прикоснулась к зеркальной глади и легко вошла в нее. Назад дороги не было. Уже вовсю шло время ужина, а значит у меня было времени меньше, чем полчаса, чтобы сделать это и вернуться в сокровищницу. Прятаться в заброшенной сокровищнице мне психологически нравилось гораздо больше, чем на свалке ненужных артефактов.

В подсобке приятно пахло мятным освежителем воздуха, и я в первый момент растерялась. Повторив про себя, как мантру три слова «отыскать, отвлечь, отнять». Я нашла взглядом дверь, ведущую в просторную учебную аудиторию.

С ним мы столкнулись на пороге. Передо мной открылась нужная дверь, и я лбом въехала в его белоснежный кафтан до того больно, что у меня на коже должна была отпечататься его пуговица. Лектор Шатрэн поражено воззрился на меня и отступил на шаг назад.

– Снова вы? – удивленно спросил мужчина, и я неожиданно для себя самой кивнула. – Что вы все убегаете и убегаете? Разве ректор Алгарсис недостаточно объяснил насколько опасно для вас находиться не под наблюдением?

Во мне вспыхнул гнев такой силы, как никогда не было прежде. Для меня нет более опасного места, чем там, где за мной «наблюдают». Я уяснила это еще в первые часы моего пребывания здесь. Как он посмел сказать эти слова мне прямо в лицо? Он издевался надо мной? Нет ни

совести, ни морали. Ни намек на хорошие качества и жизненные принципы!

Правое бедро жгло прикосновение стали сквозь водные ножны, а руки чесались немедленно схватить атамэ и воспользоваться им по прямому назначению. Но что-то меня удерживало от совершения непоправимой ошибки. Если нападёт сейчас, он с лёгкостью отобьёт атаку и схватит меня.

Я как бы стыдливо склонила голову и смотрела на него исподлобья пугливо и заинтересованно. Если своей игрой я не заслуживала какой-нибудь актерской премии или статуэтки, то их вообще никто не заслуживал.

Лектор Шатрэн рассмеялся легко и завораживающе. Он молод, красив и, по словам Дакара, богат к тому же. Что он забыл в академии на тухлом государственном обеспечении. Разве что он фанатически занимался наукой и проводил нелегальные эксперименты, включая эксперименты на людях. Фу-фу, чем у меня забита голова? Не о том я думала! Не о том!

– Понятно. Мне бы на вашем месте тоже было бы скучно сидеть взаперти, пока вопрос с вашим родителем не решится, – понимающе сказал лектор Шатрэн, а я из последних сил старалась сдерживать себя, чтобы не потерять контроль над собой и не взорваться. Он специально доводил меня?

Мы вышли в залитую светом учебную аудиторию, и я поняла, что не вывожу. Меня накрывало то паникой, то страхом, то ощущением свершившегося поражения и надвигающегося плачевного будущего в рабстве у старого мага-извращенца. Мне было физически плохо от досаждавших мне мыслей, перекрывающих выработанную за двое суток решительность.

Я думала, что смогу пойти до конца, но в ответственный момент у меня дрожали руки. Я голоса-то не подавала не потому, что продолжала скрывать его, а потому что язык онемел и в горле пересохло от волнения. Я должна сделать это. Мне нужно расслабиться и немного раскрепоститься. Меня же в рабство отдадут через несколько часов, если я сейчас что-нибудь не предприму.

– Мне очень понравилось помогать вам, – сказала я тихо, задирая нос чуть ли не к потолку, чтобы на равных смотреть друг другу в глаза. – Спасибо вам, что позволили. Может быть я еще чем-нибудь помогу вам? Мне ведь безопасно находиться под вашим присмотром?

Мужчина моргнул, на какие-то доли мгновения застопорившись. Видимо он совершенно не ожидал, что я могла заговорить обычным способом через рот. Это была еще один признак того, что он заодно с тем разряженным в золото ректором Алгарсисом. Значит они рассказали ему о моей немоте. Мне нельзя оставлять его ни на секунду, чтобы он не отправил весточку магическим способом моим прямым угнетателям.

Сколько сказал Дакар? С помощью воздействия свойств белья брачной мошенницы я смогу отвлечь лектора Шатрэна максимум на четыре минуты. Лучше рассчитывать на две-три. Этого более чем достаточно, чтобы вынуть из подвязки атамэ, активировать зелье и ударить. Мне нужно только собраться с силами. Не зря же мы с призраком двое суток носились как угорелые. Я должна это сделать. Сделать и с помощью зеркала вернуться в сокровищницу, где меня уже дожидался горячий ужин. А смогу ли я есть после всего этого?!

– В прошлый раз я готовил противосиняковую мазь для академического лазарета, – задумался лектор Шатрэн. – Но вы это и сами знаете. Пока меня больше ни о чем не просили, так что... что бы мне такого придумать? Хотите сделать что-нибудь особенное?

– Хочу сделать что-то, чего никогда раньше не делала, – я вызывающе улыбнулась, все же стараясь не перегибать палку. – Но это что-то не должно занимать много времени. Два, три, максимум четыре часа. Что-то более сложное, думаю, стоит оставить на другой раз.

– Сколько академических лет вы прошли на домашнем обучении, Ани-та? – заговорщически спросил меня лектор Шатрэн, и мои руки похолодели. Раз он знал мое имя, значит точно был в сговоре с ректором Алгарсисом и папашкой. Иначе ему бы не назвали мое имя.

– А вы предположите.

– Противосиняковая мазь изучается практически в самом начале первого года. А жидкие эликсиры в академической программе не изучаются вовсе, – с усмешкой поддел мужчину, явно намереваясь вывести меня на чистую воду. – Было бы довольно странно считать, что я не замечу кражу. Зачем вам понадобились настолько серьезные составы?

Я влипла? Дакар предупреждал, что лектор Шатрэн быстро заметит исчезновение ингредиентов, но я и подумать не могла, что все случится настолько быстро. С момента кражи прошло менее шести часов. Он вокруг да около коробок ходил и все время пересчитывал?

Он не оставлял мне другого выбора. Он знал, что это я каким-то необыкновенным образом дважды пробиралась в подсобку зельевара для кражи. Видимо он подумал, что сейчас поймал меня с поличным. Вот только я вроде как не успела ничего украсть во второй раз.

– Я объясню, – пообещала я, зная, что не исполню обещания, и послала маленькую искру магической силы, чтобы распахнуть халат.

От вида белья брачной аферистки Шатрэна повело. Я совершенно не ожидала подобного эффекта и не стала испытывать судьбу. Я немедленно выхватила из подвязки атамэ и в два шага приблизилась к мужчине. Активировать зелье приходилось уже в движении. Оставалось всего пятнадцать или двадцать сантиметров, как сильные мужские руки перехватили мои запястья.

Его инстинкт самосохранения перебарывал эффект магического артефакта. В глазах не было осмысленности. Я не видела в них ни проблеска сознания, но его руки знали свое дело. Мне не хватало сил перебороть его физическую силу и воткнуть атамэ в грудь. Нужно было целиться в спину! Какая мораль, когда от этого зависела моя жизнь? Но он был сильнее меня, а я не хотела сдаваться. Я не имела права.

– Я не позволю себя продать, чертов работороговец! – крикнула я, и на доли секунды его руки неожиданно ослабли.

Атамэ вошел в его грудь, словно в подтаявшее сливочное масло. От ужаса совершенного зла я распахнула глаза, чувствуя горячую алую кровь на своих руках. Водный барьер покрывал мою одежду и тело в гробовой тишине. Было настолько тихо, что я услышала треск камня в кольце Шатрэна.

– Минт! – заверещала хуже пожарной сирены взрослая женщина, вдруг появившаяся из ниоткуда.

Меня снесло ее гигантской энергетической волной, и я пролетела через всю аудиторию, врезавшись в книжный стеллаж. Я, теряя сознание, тихонько скатилась на пол, и меня засыпало потревоженными книгами.

Мне казалось, что меня переехал трактор... раз пятнадцать. Туда пятнадцать и обратно еще пятнадцать раз. Меня словно вывернули наизнанку, а потом вывернули обратно и сделали вид, словно так и было. Голова раскалывалась, будто ее неудачно препарировали, после чего зашили и отошли в сторону. И это я еще не открывала глаза.

Я очнулась в светлой комнате под белой тканью, закрывающей меня до шеи, и не могла пошевелиться. Осознание, что я связана невидимыми путами, доходило до меня очень долго. Не меньше десяти минут я втупляла в потолок и ничего не могла с собой поделать. Но я была связана магическими путами и ничего не могла поделать. Мои магические силы меня не слушались. Я не могла выдавить из себя ни искорки.

«Меня поймали?» – билась в голове паническая мысль. Я до смерти боялась, что меня отдали тому, кому планировали отдать. Ради чего я тогда мучилась два дня и убила человека. После того, как я заколола Шатрэна, он не мог выжить. С такими ранениями не выживают.

В комнате было светло. Ее заливал яркий дневной свет, и по моим ощущениям я пробыла без сознания не меньше половины суток. Что же произошло вчера? Я помню, что у меня получилось, и барьер, способный спрятать меня от папашки и его преступной компашки объял меня, но... но неожиданно появилась женщина и оттолкнула меня от Шатрэна мощной энергетической волной.

Эту женщину я никогда раньше не встречала. На вид ей не меньше сорока пяти лет. Возможно пятьдесят – пятьдесят пять. Я могла ошибаться. И кто знал, какие достижения были в сфере магической косметологии в этом мире? Эта женщина так истошно орала, когда увидела меня, Шатрэна и кинжал между нами. Вероятно они не просто знакомы. Он очень дорог ей. Сын? Племянник? Любимый ученик?

Голова раскалывалась, как у персонажей американских сериалов после бурной ночи на пивной вечеринке. Но я все равно заставила себя сесть и, преодолевая все мыслимые и немыслимые трудности, спустить ноги на пол. Под однослойной белой тканью, которой я была укрыта, одежды не было вообще, и я перепугалась до смерти. Зачем меня раздели? Какая мерзость!

– Где я? – прошептала я и встрепенулась, сбрасывая с себя оковы и онемение тела. – И что со мной уже успели сделать?

Не считая чувства опустошения и крайней измученности, со мной было все в порядке. Мне хватило фантазии только чтобы превратить ткань, которой я была укрыта, в греческую тогу и пальчиками прошить места соединений, чтобы ткань не упала мне под ноги в самый ответственный момент.

Иголочка – единственный артефакт, который с меня не сняли. Видимо не обнаружили, когда обыскивали. Я надеялась, что серьга, жемчужный браслет и комплект нижнего белья брачной аферистки вернулись в сокровищницу. Но больше всего я жалела о потере атамэ. Он невероятно красивый и еще мог мне пригодиться. Попробую его призвать, как только выберусь отсюда.

Пол был ледяным, а я босая. Наверное туфельки тоже обладали магическим свойством, раз их тоже отобрали вместе с остальной одеждой. Ступая голыми ногами по остывшему за ночь камню, я пересекла комнату и подошла к практически незаметной, слившейся цветом со стенами, двери. Приоткрыв ее, я прислушалась. В коридоре было настолько тихо, что мертвенная тишина даже пугала. Я бы предпочла услышать гомон студентов академии, расположенной в этом замке, а не столкнуться со смиренной тишиной.

Мне нужно срочно бежать! Пока здесь нет никого чужого. Пока я здесь одна. Пока я не связана и не заперта. Мне нужно срочно бежать! Я ощущала на себе барьер, построить который мне так тяжело и дорого далось. Мне нужно срочно вернуться в сокровищницу и поговорить с Дакаром. Он обязательно поможет.

Улизнув из пустой комнаты, в которой ничего кроме простенькой узенькой кровати не было, я побежала по коридору, обжигая ступни на ледяном полу. Я словно попала в бесконечный лабиринт со светлыми, практически белыми стенами, от белизны которых уже рябило в глазах.

– Поверни налево, – позвал меня тихий безжизненный шепот. Я с трудом опознала в нем

мужской голос. Остановившись, я развернулась куда сказали. Если меня не выпускают из лабиринта, тогда столкнемся лицом к лицу. Я хоть увижу лицо своего главного врага. – Вот так. Открой дверь и входи.

Я вошла в комнату по размерам точно такую же, в какой проснулась я. Но в этой было больше мебели, были цветы в вазах и фрукты со сладостями в корзинках. В кровати такой же узкой, как была у меня, лежал Шатрэн. Его длинные светлые волосы разметались по подушке, а лицо было мертвенно бледным.

– Это ты звал меня? – спросила я вслух, сомневаясь, что голос говорил со мной за пределами моего сознания.

– Да, – на его лице не дрогнул ни один мускул. – Тебя будет допрашивать дознавательница по имени Милея Карвиал. Если придет не она, то требуй, чтобы тебя допрашивала она. Я до конца не понял, что произошло, но мне сразу показалось, что с тобой что-то не так.

Со мной значит теперь на «ты». Все-таки он выжил. Тогда почему барьер не разрушен? Его не смогла разрушить даже та невероятно сильная женщина. Мне она показалась очень сильной. Она буквально силой мысли сформировала и отправила в меня мощную энергетическую волну, уклониться от которой у меня не было ни одного шанса.

– Кто такая Милея Карвиал? И почему я должна выбрать ее? Чтобы она исказила мои показания и в очередной раз прикрыла вашу незаконную деятельность?! – вспыхнула я. Шатрэн меня раздражал. Даже на больничной койке, будучи при смерти, он строит из себя черт знает кого. – Вы отдали меня ректору Алгарсису, а он... он не продал меня? Тогда где мы сейчас находимся?

– В лазарете при академии, – ответила женщина за моей спиной, и я резко обернулась. Зря, потому что головная боль тут же дала о себе знать. – Я не стала вызывать Милею. Раз рана Минта не угрожает жизни, то мы можем решить возникшее недопонимание без привлечения органов правопорядка.

Минт? Эта женщина, если мне не изменяла память, кричала «Минт». Минт Шатрэн? Это его имя? Непривычное для моего слуха. Оно мне больше напоминало английское слово «мята».

– Лучше присядь, – посоветовал Шатрэн с долей иронии. – Она лежащих не бьет.

Что-то я сильно сомневалась, что эта женщина не убьет меня, в каком бы состоянии я не находилась. Кто она такая? Меня от одного ее взгляда бросало в дрожь. Я даже спорить не стала и немедленно отошла на десять шагов в сторону, где располагался стул. Я могла выбрать кресло, но стул был гораздо ближе.

– Она председательница попечительского совета академии, – добавил Шатрэн уже менее бойко. Хотя о какой бойкости в его состоянии может идти речь?

И чем мне грозила встреча с председательницей попечительского совета? Ужаса в интонации переданного телепатически голоса я не прочувствовала. Меня в этом мире официально не существовало. Неофициально к стати тоже. Ко мне невозможно было применить никакие социальные наказания. Вот только они двое об этом еще пока не знали.

– Рассказывай, почему ты решила, что Минт Шатрэн – работородец?

Женщина с белокурыми короткими волосами и светлыми глазами мне страшно напоминала начальницу из одного известного фильма. Я его не досмотрела, так что помнила только начало: деспотичная редакторка нью-йоркского журнала мод издевалась над провинциальной помощницей. Выглядела эта женщина практически в точности, как та самая дьяволица.

– Потому что он выдал меня Алгарсису и еще одному мужику, к которому меня притащили похитители, – я не стала врать. Где-то в глубине души у меня теплилась надежда, что я могла случайно нарваться на тех, кто мог мне помочь. Если я ошиблась насчет Минта Шатрэна, то я счастлива, что он выжил после моего выступления. – Он также назвал меня по имени. Значит кто-то из них сказал ему. Я не называла. Я до этого ему ни слова не сказала.

– Я подозревала, что Алгарсис нечист на руку, – хмуро сказала председательница, прогуливаясь к креслу, которое мне так понравилось. Его она заняла и повернулась ко мне. – Но я даже представить не могла, что он связан с работородлей. Это запрещено уже почти восемьдесят лет.

Всего восемьдесят лет! Какие-то жалкие восемьдесят лет запрета не искоренят в

преступниках жажды наживы. В моем мире работорговля запрещена уже несколько столетий, а все равно находятся уроды и торгуют людьми! В основном женщинами и детьми, кто не может оказать реального сопротивления.

– Меня некоторое время держали в комнате. Дверь не открывалась изнутри, но не была заперта снаружи, – вспомнила я, думая что же еще мне можно было ей сказать. Про иномирность я рассказывать не стану даже под страхом смерти. Тогда они поймут, что меня точно никто искать не будет и со мной можно не церемониться. – Они думали, что я немая. И не смогу никак защитить себя.

– Почему ты решилась на такой отчаянный поступок? – спросила попечительница. Я завидовала ее сдержанности и холодности. Было заметно, что Минт Шатрэн ей очень дорог, но она все равно снизошла до открытого нейтрального диалога со мной. Это было нечто невозможное. И я говорила правду.

– Меня собирались передать в ночь полнолуния. Они говорили, что должны заплатить мной за какую-то услугу в прошлом, а если не заплатят, то очень сильно пожалеют. Он очень мстительный.

– Кто он?

– Я этого не знаю. Они с придыханием говорили, что Он. Никаких уточнений.

Сам Шатрэн больше не вставлял телепатических комментариев в наш разговор. Он безмятежно спал в больничной кровати, укрытый одеялом, а не куском тонкой ткани, как я. Мне даже подушки не положили. Но я не в обиде. Меня не четвертовали сразу же, как только поймали на покушении на убийство, не наказали за кражу драгоценных эликсиров и даже позволили высказаться в свою защиту. Можно было сказать, что мне фантастически повезло.

Председательница тоже замолчала, погрузившись в глубокие раздумья. Что-то мне подсказывало, что она уже давно на ректора Алгарсиса компромат искала, и вот настал ее звездный час. Мне не нравилось, что кто-то будет пировать за мой кровавый счет, но сегодня я была виновата не меньше. Кажется я чуть было не убила невинного!

– Госпожа председательница, – кротко позвала я женщину и дождалась, пока она обратит на меня внимание. – Верните пожалуйста, хотя бы, браслет. Он должен защищать от подчинения разума. Я очень боюсь снова стать марионеткой. Это так страшно. Пожалуйста, верните.

– Алгарсис использовал против тебя подчинение? – удивленно спросила председательница. Она до того заинтересовалась моими словами, что казалось уже ручки потирала от нетерпения.

– Нет, – я помотала головой. – Не он. Алгарсиса я видела только один раз, когда он пришел за мной в аудиторию зельеварения.

– Ясно. Тогда я договорюсь, чтобы тебя проверили на остаточный фон подчинения. Скажи свое имя и откуда ты, – устало вздохнув, женщина нелепо взмахнула руками и претворилась обычной взрослой. Словно не она меня допрашивала только что и не она меня впечатала в книжный стеллаж энергетической волной.

– Меня зовут Анита. Мне больше нечего сказать.

Мое имя они уже знали, а фамилия могла раскрыть, что я «очень сильно» не местная. О том, чтобы назвать мой город и домашний адрес и речи не шло.

– Анита, ты была в рабстве? – вдруг председательница спохватилась и исправилась. – Я хотела сказать, тебя и твоих родителей незаконно удерживали в определенном месте и заставляли делать то, что вы не хотели делать?

– Нет, – четко ответила я. – Меня похитили несколько дней назад. Моя мама умерла в родах, а отца я никогда не знала. Я росла в приемной семье. О том, что рабство могло меня коснуться, я задумалась только несколько дней назад. Я конечно знала, что существуют работорговцы... Есть такие люди, которые ради денег на все пойти готовы...

– Хорошо. Если не хочешь, чтобы я вернула тебя домой, то останешься под покровительством академии. Дознателью скажешь, что ничего не помнишь о своем прошлом. А имя Анита дала тебе я, чтобы как-то называть тебя. Анита Рэнвальд очень красиво звучит. Женственно.

– Почему вы решили помочь мне?.. После всего, что я натворила? – у меня в голове не

укладывалось, что мне могли оказать такую серьезную помощь за просто так. Еще и простили ранение Минта Шатрэна. – Вы хотите от меня что-то получить?

– Я хочу, чтобы ты мне сказала что-то такое, что позволит мне отправить Алгарсиса на каменные рудники до конца его дней. Я чувствую, тебе есть что еще сказать мне. – Женщина смотрела мне прямо в глаза, и я даже взгляда отвести от нее не могла. Что же я могла такое сказать?

– Я не знаю. Правда, не знаю. Мне показалось, они не первый год занимаются различной противозаконной деятельностью. Предшественник лектора Шатрэна исчез в неизвестном направлении. Потом один из них убил племянника зельевара Вайса, Дакара. Я не видела, кто именно это сделал. – Мой рассказ живо заинтересовал председательницу, и я продолжила. – Это Дакар, – я замялась, – то есть призрак Дакара помог мне и с зельем, и с артефактами. В момент смерти, с его слов, нечаянно произошел ритуал «Изгнание четвертого» или что-то подобное...

Председательница подскочила на ноги и бросилась ко мне. Она схватила меня за плечи и, улыбаясь как объевшаяся сметаны кошка, обняла меня. Я совершенно не понимала порыва ее чувств. Разве что могла предположить, что этот ритуал был настолько тяжелым, что от Алгарсиса должно фонить еще какое-то время.

– Это было за двое суток до полнолуния. Вы сможете вызвать органы правопорядка и провести тесты на месте? Дакар сказал, что у ректора Алгарсиса есть разрешение на использование светлой тьмы, что не каждому дается. Он должно быть богат и...

– Не богаче меня! – хмыкнула председательница, довольно улыбаясь. – Я уже давно знаю о его темных делишках, но у меня не было доказательств. Даже если ты стала частью не «Изгнания четвертого», то возможность видеть призрака, если присутствовал в момент его смерти, оставляет отпечаток на пять-шесть дней. Ритуал «Изгнание четвертого» клеймит всех участников пожизненно. Нужно действовать быстро! Вдруг все-таки «касание».

В следующее мгновение председательница остановилась у выхода. Она собиралась уйти, даже не попрощавшись. Я не заметила, как она так быстро переместилась к двери, а потом снова ко мне.

– Возьми это кольцо, – она сняла его с безымянного пальца правой руки. И оно так сильно было похоже на кольцо лектора Шатрэна, словно парные. – Позовешь меня, как только он очнется. Я знаю! – перебила меня она, как только я собиралась сказать ей, что пациент уже в сознании. – Знаю, что он телепатически может разговаривать. Я говорю о физическом пробуждении. Скоро магия исцеления должна закончить работу, и Минт Шатрэн очнется. Я должна быть здесь, когда это произойдет. Поняла?

Я кивнула. Что уж тут непонятного? Ну, не считая того, какие именно отношения связывали молодого лектора Шатрэна и председательницу попечительского совета, годящуюся ему в матери. Сын и мать не стали бы носить парные украшения. Вот только меня это не касалось, и я, проводив председательницу, уселась в вожденное креслице. В нем даже спать будет удобно, если подставить стул под ноги в качестве подставки.

– Я думал, она меня убьет, – сознался лектор Шатрэн, все также физически не приходя в сознание. – Но ее затаенная ненависть к Алгарсису так глубока и стара, что моя фатальная ошибка не стоит ровным счетом ничего. – Даже по его телепатическому голосу было понятно, насколько легче стало ему после ухода председательницы. В ее присутствии не только мне было нехорошо и неудобно.

– Это я думала, что она меня убьет, – капризно буркнула я, надувшись. – После того, что я по ошибке чуть не погубила невиноватого человека... – к концу фразы мой голос совсем сел.

– Ты не виновата. Я ни в чем тебя не виню. Ты всего лишь защищала свою жизнь. Напуганная маленькая девочка, которая впервые увидела смерть. Я прав? – Нет, я уже видела смерть моего сводного брата. Но я не стала его разубеждать. – Мы не с того начали знакомство. – Мое имя Минт Шатрэн, и я преподаю зельеварение и алхимию в Академии Трех Стихий. Хочешь расскажу тебе об академии?

– Очень.

Разве можно было не хотеть больше узнать о месте, в котором придется прожить несколько недель, а то и месяцев? Мне нужны были координаты моего мира и моего города, чтобы не оказаться либо еще в каком-нибудь неизвестном мире, либо где-нибудь на Гватемале или

Ямайке. У меня не было денег, и я не знала иностранных языков, чтобы суметь самостоятельно вернуться домой.

– Тогда слушай. Академия Трех Сил названа так в честь трех преподаваемых направлений. Основных два: светлый свет и темный свет. Выбрать для изучения третье направление не так-то просто. Сначала нужно отучиться на одном из основных, пройти государственную практику и только после этого, если приобрел особые заслуги, выдается разрешение на изучение светлой тьмы. Кадемы на третьем направлении значительно старше, чем на первом и втором...

История затягивалась, а я изголодалась. Дакар обещал принести ужин из столовой в сокровищницу, но к этому часу еда уже не только остыла, а еще и протухла. Вот бы узнать, что с папашкой стало. Как он встретил Его? Умаслил ли подождать еще немного? Или Он разделался с папашкой и со всеми его прихвостнями, как папашка уверял. Мне бы очень хотелось верить, что мои и Дакара надежды оправдались.

– Я теперь Анита Рэнвальд... – прошептала я, примеряясь к новой фамилии. Не хотелось бы облажаться перед кем-то, неожиданно забыв ее. Я ведь вроде как с амнезией. Что у меня в голове такого, что она всю новую информацию стирает?

– Ты меня совсем не слушаешь, – укорил лектор Шатрэн. – Тогда не буду рассказывать. Сама со всем разберешься. Если что-то не поймешь, то подходи. Я объясню.

– Спасибо. А вы там очухиваться не планируете? – спросила я нетерпеливо. Не то чтобы я спешила призвать председательницу обратно, но с каждой лишней минутой больничного Минта Шатрэна я чувствовала себя все более и более виноватой и обязанной ему.

Часы пролетали незаметно. Лектор Шатрэн все-таки рассказывал мне об академии все самое интересное, по его мнению. Самым интересным из его опыта обучения здесь почему-то были столовая и женская купальня. Он конечно поправился и сказал, что и женская, и мужская купальни одинаковые, и поэтому он рассказывает мне о женской, предполагая, что мужская меня не заинтересует. Ага-ага, знаем мы такие оговорочки по Фрейду!

Председательница вернулась к вечеру, а лектор Шатрэн все еще не подавал виду, что пришел в себя не только ментально, но и физически. Нравилось ему видимо лежать на больничном и не болеть. Словно он знал, что в случае ареста ректора Алгарсиса его пост освободиться, а она сможет поспособствовать его повышению. Она хотела, а вот он не очень. Чуть позже мои слова станут пророческими.

– Он все еще не очнулся? – беспокойно спросила председательница, прикладывая тыльную сторону ладони ко лбу. – Когда же этот ужас закончится?

– Он все еще симулирует, – я жестоко сдала лектора Шатрэна с потрохами. Уж больно бойко он мне об академии рассказывал. Вряд ли по-настоящему больной Шатрэн мог так активно использовать способности к телепатии. – Я думаю, он еще до моего появления днем чувствовал себя прекрасно и не считал интересным вылезать из-под одеяла.

За такие громкие слова меня могли бы четвертовать, но не четвертовали. Мне откровенно везло в последние сутки на спокойных и рассудительных собеседников. Что должен был сделать нормальный человек, когда его или его близкого закололи ритуальным кинжалом? Уж явно не помогать несчастной девушке с ее проблемами.

– Пусть отдыхает, – смилостивилась председательница. – Мне пришлось использовать очень мощную магию исцеления, чтобы спасти его.

– Вам бы тоже не мешало отдохнуть, – предложила я, желая как можно скорее отправить женщину спать. – Вы же столько сил потратили на мощную магию исцеления.

– Позже. Сейчас я должна проводить тебя к дознавателю, чтобы специалист подтвердил, что ты находишься под заклинанием подчинения. Их запретили с запретом рабовладельчества. Тому, кто похитил тебя, придется несладко. Ты маг и тебе еще нет двадцати пяти, а значит ты в некотором роде считаешься несовершеннолетней. Маги признаются взрослыми уже после завершения основного обучения. Тебе позднее объяснят, что все это значит.

– Хорошо. Мне после допроса возвращаться сюда? Или в мою палату? Я не уверена, что смогу самостоятельно ее найти.

– Не утруждайся. Тебя проведут в твою комнату в женском крыле общежития. С сегодняшнего дня ты кадема Академии Трех Сил.

Кадеми? Меня пристроили в академию? Мне это было на руку, хотя и не хотелось тратить время на что-либо, кроме изучения межпространственных порталов. А еще мне стоило заняться зельеварением: это была «моя» тема и кое-какие наработки в виде личного дневника зельевара Вайса, дяди Дакара, у меня были.

– Пойдем, – сказала председательница и убрала светлый локон со лба Шатрэна. – Провожу тебя и отправлюсь отдыхать. Утром еще пару зелий волью в Минта, и он окончательно выздоровеет.

Хорошая штука эта магия... даже настолько серьезное ранение, как ножом в грудь, лечат за пару дней. Что-то мне подсказывало, что настолько мощное лечение еще и стоило немало в пересчете на местную валюту, так что о возмещении материального ущерба мною я даже не заикалась.

Я кивнула и прошла за председательницей, даже не задумываясь о возможной подставе. Несколько дней прошедших с тех пор как меня притащили в магический мир, стали для меня самым большим потрясением и испытанием. Произошло слишком много такого, чего я предпочла вовсе никогда в жизни не переживать.

Меня провели через половину академии, пока мы не оказались в просторном кабинете. Председательница чувствовала себя настолько свободно, и я предположила, что это ее кабинет.

Почему-то я знала, что здесь мы пробудем недолго. Мановением руки председательница выдвинула гостевой стул из шкафа и поставила его в центр кабинета. Я не услышала ни звука произнесенного заклинания: либо эта женщина была настолько крута, что обходилась без словесных формулировок, либо настолько тиха, что мой слух не уловил ничего даже на уровне «показалось».

– Завяжи глаза этой лентой и присаживайся, – спокойно сказала председательница, вынув из верхнего ящичка стола прямоугольную коробочку с верхним слоем из черного бархата.

Вопрос «зачем?» Остался не высказанным. Я подошла к столу, открыла коробочку и взяла черную широкую шелковую ленту. Мягкая, гладкая и очень длинная. Разматывая ее, я прикинула примерную длину – около метра. Можно даже бант на затылке завязать.

– Лента подавит твою магическую силу и не позволит лгать, – пояснила председательница, видимо усмотрев в моем лице нечто такое. – Дознаватель будет уверен в искренности твоих показаний.

Присев на предложенный стул, жесткий и крайне неудобный, я подняла руки вверх и повязала ленту на глаза, завязав ее на тугий узел. Длинные шелковые концы свисали до середины спины. Стул был ужасный и моя спина очень скоро затекла.

Длительное время ничего не происходило. Я слышала, как скрипел кончик пера о бумагу со стороны хозяйского стола, где председательница что-то быстро-быстро писала. Лишившись возможности видеть, мой слух несколько обострился и появления третьего лица в кабинете я почувствовала раньше председательницы. Складки ее платья зашелестели, когда она подняла голову и отложила перо в сторону.

Это был мужчина. Или женщина весом не меньше восьмидесяти килограмм. Я поняла это по парящей, но недостаточно легкой походке. Девушка пятидесяти-шестидесяти килограмм и хорошего воспитания так ходить не могла. Я прислушалась к походке, к шелесту ткани и дыханию. Все-таки это был мужчина высокий, стройный и подтянутый.

Он опустил руки мне на плечи и наклонился, прислоняясь лбом к моей макушке. Теперь я почувствовала блокирующее действие ленты. Теперь я была не только ослеплена, но еще и оглушена. Меня словно неожиданно окунули не в воду, а в смолу. Мне стало тяжело дышать и я начала задыхаться, как резко прекратилась пытка.

Дознаватель отступил на несколько шагов назад, развернулся и покинул кабинет. Я еще несколько минут сидела ни жива ни мертва, пытаюсь отдышаться. Что это такое было? Из меня словно всю жизнь выкачали. Словно... мою магию заблокировали. Неожданная догадка озарила меня. Я подумать не могла, что без магии мне могло быть так плохо, ведь до этого момента она приносила мне только страдания.

– Можешь снимать ленту, – громом среди ясного неба обрушился голос председательницы. Я немедленно подчинилась, желая как можно скорее избавиться от блокиратора магии. – С

тобой все в порядке. Подчинение никак не повлияло на тебя. И сейчас ты не находишься под подчинением.

– Спасибо. А что насчет моего браслета?

– Он выглядит очень дорого. Тебе не стоит привлекать повышенное внимание других кадемов. Лучше я дам тебе кое-что другое с похожими свойствами.

– Хорошо, тогда я...

– Сначала назови свое новое имя. Ту фамилию, которую я тебе дала. Запомнила?

Если честно, то нет. Помню, что она была связана с фамилией Шатрэна. Начиналась на «рэн». Точно, Рэнвальд! Анита Рэнвальд! Я немедленно озвучила свое новое имя, получив в награду изящную улыбку председательницы и простенькое колечко-ободочек серо-серебряного цвета без вставок. Такое точно не привлечет ничего повышенного внимания. Предыдущий вариант в виде жемчужного браслета был краше и вызывающе, чем новый.

Черная шелковая лента была аккуратно сложена обратно в бархатную коробочку. Только после того, как крышка коробочки закрылась, я вздохнула свободно. Больше никогда в жизни не прикоснусь к этой жуткой артефактной ленте, если моей жизни не будет угрожать смертельная опасность.

– Приложи кольцо ко лбу, мысленно назови место назначения, и оно скажет тебе, куда идти, – посоветовала председательница, убирая бархатную коробочку с лентой в стол. – Точно также ты сможешь ориентироваться в городе, но пока я не советую тебе покидать территорию академии. Исключительно ради собственной безопасности.

Какой интересный навигатор. Немного подумав, я приложила кольцо ко лбу и произнесла про себя «моя комната в общежитии Академии Трех Сил». Самое интересное, что теперь я точно знала, куда мне стоило идти. Любезно попрощавшись с председательницей, я вылетела за дверь без лишних вопросов, хотя их было много. Очень много, если считать только те, что касались бытовых и учебных вопросов.

Завернув за угол, я остановилась и еще раз приложила колечко ко лбу, на этот раз попросив указать мне дорогу к сокровищнице. У меня ничего не получилось, сколько бы различных названий сокровищницы я бы не называла. Город забытых артефактов было настолько секретным местом, что найти его не так то просто, даже если знаешь о его существовании и даже была там один раз?

Вздыхнув, я направилась в комнату, переживая, что ее мне придется делить с кем-то. Я с трудом переживала те дни, когда приходилось ночевать в одной комнате с Мариной Васильевной во время ремонта. И это притом, что она – дорогой мне человек, а не чужачка. А как я буду спать в той же комнате, что и другие девушки? Было бы неплохо, если бы у меня была только одна соседка. С одной девушкой я постараюсь договориться и привыкнуть к ней.

О том, что мне не повезло, я поняла еще на лестнице. Меня что-то кольнуло в сердце, когда я увидела два стройных ряда дверей по обе стороны длинного коридора этажа первогодок женского крыла общежития. Мне показалось, что дверей было слишком мало для как минимум двух направлений учеников магии света.

В моей комнате кроватей было четыре и ни одной перегородки между ними. В идеально квадратной комнате было четыре треугольных кровати в углах и в центре от пола до потолка высилась ромбовидная башня-шкаф с двумя дверьми на каждой из четырех сторон. Ни прикроватных тумбочек, ни зеркал... ничего больше не было. Было только одно окно между двумя спальными местами напротив двери.

Примечательно, на окне не было ни штор, ни занавесок. В комнате, где меня держали, занавески были, а в жилой комнате их не было. Это казалось странным. Зато подоконник захламлен мягкими игрушками и различными побрякушками, включая резинки, заколки и косметику местных брендов.

Покрывало кровати слева от окна было измято, а сама кровать выглядела не так пышно, как остальные три, и была без подушки. Я немедленно опознала в ней свободную, а значит предназначенную мне. В моем шкафу нашлись постельные принадлежности: подушка и два одеяла. Постельного белья не было. Вместо него на подушке и одеялах были сменные чехлы глубокого синего цвета и фактуры сатина высокого качества.

Комната была максимум четыре на четыре метра, и я уже чувствовала себя неуютно. Речи вовсе не шло, что лишь четверть от шестнадцати квадратов принадлежала мне. Как спать на странной кровати в форме равнобедренного треугольника со сторонами в полтора метра. Повезло, что я такая маленькая. Если притворюсь биссектрисой, то как раз влезу в габариты кровати чуть ли не впрыток.

Никакой другой одежды, кроме греческой тоги из простыни из лазарета, у меня не было. Я настолько замучена, что даже напрочь забыла, что хочу практически голая. Простыня настолько плотная, что не просвечивала. Но это не меняло факта, что мне нужно было приодеться.

– Второе одеяло это слишком. Будет жарко, – вслух подумала я и собралась убрать лишнее в шкаф на верхнюю полку, откуда взяла. Большим удивлением стало для меня появление на вешалках новых вещей, а на нижней полке – двух пар обуви. На первое время мне этого хватит, а дальше я уже домой вернусь. – Великолепно!

Если не считать ограниченного пространства и свалки на подоконнике похлеще чем в городе забытых артефактов, пережить пару-тройку месяцев, пока не найду координаты своего мира и не вернусь домой, я смогу. Выдержать целых трех соседок будет очень тяжело, но я постараюсь. Если что, буду уходить в сокровищницу. Найду Дакара и буду уходить ночевать там.

Накрыв кровать покрывалом, я села и задумалась: как и где искать Дакара? Я не видела его с тех пор, как он отправился добывать мне ужин в столовую, предварительно избавившись от ужина, присланного папашкой. И как дела у самого папашки? Я надеялась, что его больше не существовало.

Кровать оказалась средней жесткости, как я любила. Не такой уж плохой была комната, чтобы невозможно было перекаптоваться в ней ближайшие несколько месяцев. Учебного места в комнате не было, а значит учиться все равно буду в библиотеке. Позитивный работоспособный настрой поможет мне скрыть, чем я на самом деле буду заниматься.

Я должна вернуться домой, даже если будет очень больно. Когда мои глаза закрыла черная лента, и мужчина за спиной положил руки мне на плечи, я чувствовала себя ужасно. Но человек ко всему привыкает. Если я так быстро признала существование магии, то смогу и забыть о ней.

Развалившись на кровати, я не заметила, как уснула. Но сон был неприятным. Меня что-то тянуло и разрывало на части. Поначалу я чувствовала жуткое давление, которое все нарастало и нарастало, пока не сменилось всеобъемлющим ужасом.

От страха я подскочила, резко сев на кровати. Сердце колотилось как ненормальное, а сбитое дыхание никак не приходило в норму. Меня ощутимо потряхивало, а рука, на которую я опиралась, заметно дрожала. Что же такое мне снилось? Почему мне так плохо?

Я полулежала на кровати со сброшенными на пол ногами и пыталась прийти в себя. Могло ли это быть последствием блокирования магии? И если да, тогда как мне тогда возвращаться домой? Меня будет так колбасить всегда, или я смогу восстановиться через некоторое время? Мне даже посоветоваться не с кем. Вряд ли Дакар, как только я его найду, сможет ответить на этот вопрос.

Наконец подняв голову, я заметила, как надо мной возвышались трое девушек примерно моего возраста. «А вот и соседки», – подумала я, и стоном в сердце отразилось мое психологическое мучение. Четыре человека всего лишь на шестнадцать квадратных метров площади – слишком тесто. Не знаю, как бы выживала здесь, если бы кровати были двухэтажными.

– Я Анита, – хрипло выдавила из себя я, резко потерявшись. С людьми старшего возраста мне общаться гораздо проще, чем со сверстниками. – Рэнвальд. Анита.

Три девушки выглядели скорее заинтересовано, нежели враждебно. Я чувствовала себя новым платьем на витрине магазина, расположенного на самой оживленной улице города. Неприятное ощущение. Я ненавидела, когда на меня так смотрели. Разговаривать с взрослыми было гораздо легче.

– Кари! – представилась самая высокая девушка с пепельными, явно осветленными, волосами.

– Нари! – звонко назвалась темненькая девушка среднего роста. Она была немного выше меня

или практически такая же. Сидя на кровати, я не могла этого точно определить.

– Сари! – звали рыженькую и самую миловидную, на мой взгляд, девушку. Вот ее рост был понятен на глаз. В лучшем случае она доросла до метра пятьдесят, а то и была детских метра сорока восьми.

Все трое были очень похожи между собой и имена носили одинаковые, разительно отличаясь разве что цветом волос, так что я заподозрила их в кровном родстве. Черты лиц их также заметно отличались друг от друга, и я могла ошибаться. В местной «школьной форме» все выглядели похожими.

– Запомни хорошенько! – хором заявили мне девушки.

– А ты тогда будешь Ани. Надо бы Ари, но к твоему имени совершенно не подходит, – предложила Кари, задумавшись на пару секунд. – Хотя неважно. Будешь Ари!

– Или лучше Рари! Рэнвальд Ари это Рари! – поддакнула ей темненькая Нари, активно жестикулируя.

Разве Рари могло быть сокращением от имени Анита? Я смотрела на соседок, как баран на новые ворота, и понимала, что мы не поладим. Даже если эти девушки окажутся очень хорошими людьми, их образ жизни конфликтовал с моим. Было бы неплохо, если бы они могли принять меня такой, какая я есть...

...но они не смогут. Прямо с порога дали мне кличку, подходящую под их свору. Даже не спросили, понравилось ли мне придуманное ими прозвище, или я хотела бы, чтобы меня называли исключительно по имени. Я бы не стала возражать, если бы меня стали звать Аней. Но не Рари, как... как собачку?

– Тогда решили, – хлопнула в ладоши Кари. – Теперь тебя зовут Рари!

Возразить им мне не хватило духу. Кари, Нари и Сари единогласно решили устроить мне приветственную вечеринку и, вдохновившись моей импровизированной одеждой, буквально из ничего соорудили себе подобные греческие тоги. Я никуда не хотела выходить, но меня все равно потащили в неизвестном направлении.

Я думала справиться с пятью взрослыми сильными мужчинами – опытными магами? Я с тремя девчонками-недоучками справиться не способна! Следить за нашими передвижениями было очень трудно, но я старалась. Мне после «приветственной вечеринки» нужно было еще вернуться обратно в комнату и не потеряться по дороге. Топографический кретинизм я за собой не замечала до сего дня, но случиться могло что угодно.

Жалкие попытки вставить хоть слово троицей игнорировались, и я замолчала. Вот так всегда: либо меня не берут в расчет, либо вообще не замечают моего существования. Я бы была не против второго варианта, если бы только меня не замечали настолько, что от этого становилось некомфортно мне.

Зато в вечерней прогулке было несколько очень больших плюсов. Во-первых, мне в ускоренном режиме провели экскурсию по небольшой части замка. Теперь я знала, где находились несколько учебных аудиторий, которые мне «точно нада». Во-вторых, на приветственной вечеринке мне полагалась еда. Не ела я уже больше суток, так что это был большой, жирнющий плюс.

Рыбные палочки и иные морепродукты, сушеные фрукты, конфеты и сладости, а также сладкие соки и воды, похожие на газированные напитки из моего мира, не ахти какая еда, но я была счастлива согласиться даже на фастфудовское меню. Еду мне пообещали, рассказывая, какой крутой междусобойчик ждал наш дружный квартет. И когда я успела стать для них лучшей подружкой?

Меня вывели из замка (председательница просила его не покидать) и повели в сторону леса. Я немедленно напряглась, боясь, что девчонки могли оказаться подставными. Моим жалким бесчисленным попыткам вырваться и вернуться в замок не было конца. Девушки обижались из-за моего поведения и продолжали тащить вперед, причитая, чтобы я не портила им вечеринку.

У меня не было ни зелий, ни артефактов. Ни с собой, ни вообще. Если выживу в этой переделке и выберусь из нее хотя бы целой, то немедленно озабочусь приобретением оружия для самообороны. Пока я мнительно оглядывалась по сторонам, чтобы сбежать при первой же

возможности и знать, куда бежать, наша четверка вплотную подошла к высокому резному ограждению.

– Академический сад – лучшее место для маленькой приветственной вечеринки! – воскликнула Кари, но не очень громко, чтобы не привлечь лишнего внимания охраны. Я была бы не против, если бы нас «разогнали». – Не бойся, Рари! Вечерами здесь очень тихо и уютно. Мы вернемся до наступления комендантского часа.

– А после комендантского часа в академический сад выпускают жутких чудовищ, питающихся человечиною? – спросила я, припоминая просмотренные фильмы ужасов. – Не хотелось бы, чтобы здесь было так.

– В твоей прошлой академии в академический сад после наступления комендантского часа выпускали монстров?! – с полными ужаса глазами спросила Нари и закрыла ладонями рот. – Какой ужас!!!

– После наступления темноты, – я решила немного припугнуть девушек, а заодно себя немножко возвысить в их (а главное в своих собственных) глазах. Обычная психологическая уловка.

Из всей троицы рыжая Сари нравилась мне больше всех. В отличие от гиперактивной Кари и гиперэмоциональной Нари она казалась тишайшим человеком, и я боялась, что «в тихом омуте черти водятся». Пока я могла только делать предположения, какой косяк водился за ней. Говорила Нари мало и выглядела тормозом шептунной троицы, останавливающей двух подруг до совершения чего-то противозаконного.

Академический сад утопал в зелени, поэтому я сначала приняла его за лиственный лес. Здесь росло множество различных деревьев и кустарников, которые я, совершенно не разбирающаяся в ботанике и экосистемах, признать не могла даже на уровне «на кого похож».

Цветов здесь не было. Вообще. Газон, дорожки, деревья и кустарники. Ни одного цветка даже на тех растениях, что здесь произрастали. В отдалении я заметила множество рядов простых строений, похожих на парники и теплицы.

– Там проходят занятия по травоведению, – подсказала Сари, заметив мой интерес. – Идем. Мы с Кари и Нари любим одно особенное место. Деревянную беседку в центре сада. Там очень красиво и проведено отопление. В холодные дни в той беседке будет очень комфортно отдыхать. – Девушка протянула мне руку, зовя за собой, как в известном мэме.

Идея мне пришлась по душе и я перестала сопротивляться. А вдруг Кари, Нари и Сари всего лишь хотели подружиться с новой соседкой по комнате, чтобы избежать дальнейших конфликтов и недопонимания? А я понавыдумывала, что они хотят выманить меня к папашке и его приспешникам. У меня были на то серьезные причины, но активно возвращать в себе паранойю тоже не стоило.

К обещанной беседке мы вышли буквально через пять минут. И то мы шли так долго исключительно из-за меня, постоянно оглядывающейся и рассматривающей растения. Я искала хотя бы один цветок, но здесь их было столько же, сколько цветов папоротника в ночь на Ивана Купала.

Беседка была еще красивей, чем я себе представляла! Огромная, раза в два-три больше нашей комнаты в общежитии, она была размером с целый павильон. Стены, крыша и широкие лавочки, расположившиеся по периметру, были выращены из растений. Не хватало только столиков и места, где можно помыть руки.

– Здесь очень красиво, – согласилась я, прикасаясь к живой зеленой стене. – Но почему здесь нет ни одного цветка? Пока мы шли, я по пути ни одного не увидела!

Кари переглянулась с подружками и пожала плечами.

– Кто-то из кадемов отравился ядовитой пылью, и его родители немедленно устроили скандал. Ректор Алгарсис очень не любит терять спонсоров, поэтому отреагировали быстро. Я могу спросить брата, если хочешь. Он ходил на пре-академические занятия, когда все цветы срезали.

Как обидно. Из-за того, что какой-то дурак полез нюхать цветы, явно огороженные от случайных отравлений, академический сад лишился всех цветов. Я была уверена на всю тысячу процентов из ста, что свободного доступа к опасным растениям здесь нет.

Я хотела кушать, и живот напоминал о еде неприятным звуком и ощущением внутри меня смой. Я надеялась, что этого никто не услышал. Для меня устроили целую приветственную вечеринку (для такого замкнутого человека, как я, четыре человека уже толпа), и мне стоило быть хотя бы благодарной, что меня заметили.

– В праздники здесь не протолкнуться! – уверенно заявила Нари, нашептывая заклинания. Сразу напротив входа у дальней скамейки появился небольшой прямоугольный столик дугообразной формы как раз на четыре персоны. В то время Кари колдовала, призывая то ли из волшебного пространственного кармана, то ли телепортируя обещанное угощение.

– Если хочется отметить торжество в маленькой компании в праздники, то приходится оставаться в академии или искать какое-нибудь другое место, – поделилась со мной Сари, приглашая помочь Кари и Нари с приготовлениями. Я и сама была не прочь. – Потом как-нибудь мы покажем тебе хорошее тихое место для маленьких компаний.

Никаких подстав. Просто обычная приветственная вечеринка от трех лучших подруг-соседей специально для меня. Что-то вроде встречи Марины Васильевны с подругами в честь завершения шестилетнего ремонта, для которой я готовила коктейли. Как жалко, что я не смогла закончить их. Тот день мог завершиться иначе.

Меня усадили в центре стола, и мне пришлось сдержаться, чтобы не накинуться на еду, как изголодавшийся волк. И я вновь почувствовала себя отстраненной от коллектива. Мне было совершенно неинтересно, что делали девушки для своего увеселения, притом я не хотела участвовать в этом. Мне было просто все равно.

Зато я наконец-то смогла покушать. Рыбные палочки, сырны палочки, вяленые кусочки мяса и сладости. Голодной из-за стола я точно не выйду. Если вообще смогу выйти, объевшись. По-настоящему обожравшись местным фастфудом. Спустя какое-то время я даже почувствовала отвращение к еде, а животу снова не понравилось его состояние наполненности.

Девушки веселились, рассказывая шутки и смешные казусы на занятиях, а я не могла их понять. Это было что-то такое, что понятно любому человеку в этом мире (по крайней мере любому студенту Академии Трех Сил), а я понять этого не могла.

Меня накормили, меня пытались развеселить и... – я хотела уйти, но совесть ныла и не позволяла мне поступить столь бесчестным и неблагодарным способом. Даже если они все это сделали ради своего увеселения и всего лишь нашли очередной повод, то голодную меня хотя бы накормили. Уж лучше бы я спросила, где находится столовая или попросила себя отвести.

До самой темноты я сидела на скамейке, словно статуя, и смотрела, как Кари увлеченно танцевала в такт великолепному голосу поющей Сари, а Нари подыгрывала им, играя на волшебной сверкающей флейте. Я не умела ничего из этого и чувствовала себя лузером на вроде бы своем празднике жизни. Меня расстроили до слез, но я сдерживалась. Зато я еще раз убедилась, что эта компания мне не подходила. С ними мы не сможем подружиться никогда.

Мне хотелось уйти отсюда как можно скорее, но я заставляла себя сидеть и не отсвечивать, чтобы показать свое уважение и благодарность тем, кто помог мне и не пожадничал «куска хлеба». Я мучила себя, убеждая саму себя, что я не могу уйти прямо сейчас. Нужно дождаться, пока приветственная вечеринка закончится, и все разойдутся по кроватям.

Если я сейчас уйду, девочки обидятся, и я не смогу наладить с ними нормальные взаимоотношения. Нам ведь в одной комнате жить не меньше пары месяцев. А ведь мои поиски могут сильно затянуться. Даже на года. Об этом я не хотела думать точно также, как о возможной магической ломке, словно наркотической, от которой мне придется избавляться самостоятельно.

Я должна отсюда уйти, пока не сошла с ума. Чего это я? Они ведь даже ничего не заметят! Зачем я издевалась над собой в угоду тому, что обо мне подумают? Именно так обычно оканчивались все мои попытки влиться в коллектив сверстников. Периодически, а это примерно один-два раза в год, я устраивала себе перформанс и пыталась участвовать в каких-либо массовых мероприятиях. Волонтерство выходило довольно неплохо, когда я отбивалась от группы. Эх...

Погрузившись в свои мысли, я не сразу заметила, что куда-то падаю спиной вперед. Лозы, сформировавшие скамейку и стену беседки расступались, и я погружалась в них, пока неожиданно и резко не рухнула попой на землю. Хотела уйти? Ушла! Вон, даже беседка не захотела со мной водиться и попросила удалиться, чтобы я не мешала трем нимфам развлекаться. Именно на талантливых нимф были похожи девушки. А я так... даже сатир из

меня никакой. Сатир на дудочке играет, а я вообще ничего не умею.

Лозы сомкнулись передо мной, и я встала. Отряхивая колени и юбку тоги, я оглядывалась по сторонам в поисках пути отступления. Я хорошо запомнила тропинку, которой меня привели сюда, но та тропинка также хорошо просматривалась из беседки, и мое исчезновение тогда точно засекут. Я бы предпочла уйти «по-английски».

На этом мои приключения не заканчивались, а только начинались. Кусты, куда я завалилась спиной, будучи с голыми ногами, оказались местным аналогом крапивы. Зелененькие с синим отливом листики своим внешним видом ни капли не напоминали привычную мне с детства крапиву, а жалили не мягче. Чем я заслужила это наказание? Побегом с приветственной вечеринки в мою честь? Так Кари, Нари и Сари без меня неплохо проводили время. Я только мешалась.

Превозмогая истинное мучение болящих от «обнимашек» с крапивой ног, я забыла о том, что мне следовало незаметно вернуться на правильную тропинку и ушла, куда глаза глядели. Территория академического сада вряд ли превышала квадратные километры площади самого замка, так что я надеялась не потеряться. В крайнем случае шпили башен замка достаточно высились, чтобы их было видно из любой точки академического сада.

Тогда я нашла другую тропинку, которая привела меня к высокой железной резной ограде, которая ограничивала территорию академического сада от всей остальной. Дело оставалось за малым – выбраться! Тропинка как раз вела к маленькой, практически незаметной в темноте калитке. Сумерки давно прошли, и я двигалась практически наощупь.

Шорох, звучащий в крошечной тишине, заставил меня прислушаться и дальнейший путь продолжать крадучись. Я немного сошла с тропинки, всего лишь на полметра, и спряталась в густых зарослях лиственных деревьев. То, что я увидела, приблизившись к ограде притык и посмотрев через ее резные прутья, по-настоящему поразило меня!

Молодой светловолосый парень (явно студент) в темной одежде, скрывающей его в ночи, высаживал цветы! Если мне не изменяла память, то цветы уже какое-то время были под запретом из-за отравления неизвестного мне золотого мальчика. Вот так номер! Никогда не думала, что встречу эко активиста-нелегала.

Я попыталась вспомнить, видела ли я его прежде, и мне на ум никто не приходил. Обычный русоволосый парень каких много. Даже если я мельком умудрилась как-то увидеть его в толпе студентов, спешащих на лекцию Шатрэна, то память наотрез отказывалась выдавать подробности.

Зачем он высаживал цветы? Отравившийся золотой мальчик наверное уже отучился, а академия осталась без цветов. Какой странный парень... Он ведь понимал, что в случае, если он попадется кому-нибудь более болтливому, чем я, то ему вероятнее всего влетит? При условии, что у ректора Алгарсиса не найдется более «интересных» дел в случае успешно выдвинутого председательницей обвинения.

Уже две клумбы были усажены красивыми ярко-алыми цветами. В темноте их лепестки горели, словно огонь, и не сливались с окружающей тьмой. С расстояния моего обзора я могла предположить, что это были ярко-алые розы. Конечно, я могла ошибаться (все-таки я в другом мире, а не у себя дома). Но мне казалось, что все-таки я права.

Учитывая незаконность деятельности парня (мысленно я всеми руками и ногами за его инициативу и эко активизм), я пряталась в зарослях и не показывалась на глаза. Только бы не чихнуть и не наступить на упавшую ветку, как то постоянно происходило в фильмах. Не чихнула. Не наступила. Парень закончил работу и покинул грядки, так и не заметив моего присутствия.

Выждав минут десять, я прошла через калитку и приблизилась к грядкам. Я оказалась права – это были самые обыкновенные красные розы. Пахли бутоны удушающе и превосходно, а выглядели словно с рекламной картинки цветочного магазина. Без применения магии здесь точно не обошлось!

Налюбовавшись, я отправилась по тропинке к замку. Не всю же ночь над цветами порхать, как спятившая бабочка, перепутавшая ночь с днем. Мне бы самой отоспаться, чтобы завтра за решением организационных вопросов не клевать носом. Да, завтра нужно заняться бытовухой, а с послезавтра начну атаковать библиотеку в поисках нужной информации. И Дакара. Дакара в первую очередь, потому что с его помощью я найду информацию в несколько раз быстрее. Если не в десятки и в сотни раз.

Тропинка вывела к огромным воротам, которые я опознала как парадный вход. Соответственно он был закрыт на ночь, и мне пришлось минут двадцать обходить замок по периметру, чтобы отыскать тот самый черный ход, через который меня провели соседки.

В итоге в комнату я ввалилась уставшая, взмыленная и полумертвая. Но таки добралась сама без чужой (например призрачной) подсказки. Зато довольная своими успехами. Довольная была ровно до тех пор, пока не увидела, что все три соседки уже разбежались по кроватям и видели десятый сон. То есть пока я своим исследовательским незнакомой территории ходом искала обратную дорогу, они закруглились и спокойно пошли спать? Вот же ж!

Все-таки моего исчезновения не заметили. Как обычно. Никому в голову не пришло, что я могла потеряться на обратном пути. Как я предполагала, они устроили «приветственную вечеринку» только как повод самим погулять и развлечься. Но и мне обижаться было не на что – все-таки меня покормили и покормили до отвала. Разве я могла обижаться? Меня не так чтобы сильно обидели... совсем чуть-чуть. Я уже привыкла, что в коллективе мной всегда пренебрегали.

Переодевшись в предоставленную академией форменную пижаму с вышивкой золотого венка на нагрудном кармане, я сняла с шеи настоящий венок и положила его на полку в шкаф. Завтра будет сложный день, но не сложнее всего того, что мне уже довелось пережить. Похищение в другой мир, убийство Дакара на моих глазах, сговор с призраком и даже попытка убийства человека мной, что в голове вообще не укладывалось!

Убрав в сторону покрывало, я забралась под одеяло, надеясь немножко повернуться в треугольной кровати и быстро уснуть. Моим надеждам не дано было свершиться. Я очень долго не могла найти положение, в котором мне будет удобно спать. Непривычная форма кровати мешала устроиться с комфортом. Я так долго не могла уснуть, что под конец тупо вырубилась от усталости.

Утро встретило меня ярким солнечным потоком, а я встретила его в полностью разбитом состоянии. Я очень сильно удивлюсь, если у меня под глазами не окажется огромных черных мешков, а лицо будет здорового розоватого оттенка, а не серого трупного.

Мне было плохо. Очень. Ноги все еще немного покалывало от «плавания» в местной голубой крапиве. Ноги ныли от вчерашних забегов и даже руки немного саднили. Видимо я где-то умудрилась оцарапать еще и их. Откуда во мне столько несвойственной мне неловкости и природного магнетизма для неприятностей? Раньше я за собой ничего подобного не замечала.

Трио подружек-нимф даже не собиралось просыпаться, словно сегодня был выходной или им «ко второй». Я же времени зря не теряла и, переодевшись в академическую униформу, первой вышла из комнаты в поисках места для умывания и других процедур, связанных с использованием сантехники.

К моему удивлению, жаворонком на всем этаже для первогодок была только я одна. Разве плохо, что я проснулась до того, как подойти к умывальне можно будет только отстояв длинную очередь? Можно сказать, что мне реально повезло привести себя в порядок до того, как из комнат начали вылазить первые жаворонки второй волны.

Его – парня из академического сада вчера ночью – я увидела среди первогодок, искренне недоумевая, что парень делал на женском этаже. Это была моя ошибка номер два. Ошибкой номер три стало ехидное замечание, что умывалась я в мужской умывальне. Не показав виду, что смутилась, я вздернула носик и поспешила сбежать от русоволосого эго активиста куда подальше. Например, к себе в комнату. Золотой венок на шею надеть!

Я до смерти боялась, что он мог заметить меня вчера, а сейчас надсмехаться надо мной и моей неуверенностью. С чего я взяла, что до меня ему было дело? Словно мне хотелось, чтобы до меня было хоть кому-то какое-нибудь дело, а не только Марине Васильевне, которая сейчас очень и очень далеко от меня. Мне ее сильно не хватало. Особенно ее поддержки и моей поддержки – ей.

– Как тебя зовут? – донеслось мне вслед, но я уже хлопнула дверью изнутри комнаты. Ишь чего удумал. Имя ему назови. А вот не хочу и не буду знакомиться с полуночными эго активистами. А вдруг он из этих... из фанатиков? Еще меня к работе припашет. А ведь я из тех, для кого желание спать ночью приравнивается к строжайшей из статей конституции.

Мое громкое поведение разбудило соседок, и все трое недовольно открыли глаза. Я совсем забыла, что теперь в одной маленькой комнатухе проживало помимо меня еще три девушки. В квартире Марины Васильевны мне единолично принадлежала двадцатиметровая комната, а тут – в пять раз меньше.

– И чего тебе в такую рань не спится, Рари? – простонала Нари, укутываясь в одеяло.

– Мой брат такой же псих, – поделилась Кари. Она спала напротив меня, то есть справа от окна, и просыпалась гораздо легче подруг. – Может познакомить их? Брату давно пора остепениться.

Меня замуж выдать хотят? В священном ужасе я в пару шагов дошла до своей четверти комнаты, раскрыла шкаф и спряталась в нем. Практически девяностопроцентное опустение и мои габариты позволяли выполнять и не такие цирковые трюки. Что за шутки больные? У меня и без замужества проблем вагон и маленькая тележка. А на меня еще и парня захотели повесить! Наверняка ни на что негодного оболтуса. И мне за ним подтирать до конца моих дней? Ну уж нет!

– Не надо мне никакого брата, – отозвалась я из «глубин» шкафа. – С этим я сама как-нибудь... без сторонней помощи.

Соседки пожелали мне и друг другу доброго утра (а как мы знаем, утро добрым не бывает), причесались и поплелись в коридор, где уже собирались две длинные очереди в умывальни. Были все-таки серьезные плюсы в раннем подъеме! Я как взглянула на образовавшиеся очереди человек так в триста, так сразу же отпала. Теперь буду знать, что просыпаться нужно пораньше.

Забрав из шкафа толстую тетрадь и простенький холщовый пенал с необходимым минимумом канцелярии, я по стеночке сбежала из жилого крыла в поисках лазарета. Самой мне с

определением учебной группы не справиться, как и с решением некоторых других учебных вопросов.

Лазарет отыскался довольно быстро, в отличие от искомого Шатрэна. Лазарет был пуст, как мои фундаментальные знания по магии любого из трех легальный направлений и по четвертому, находящемуся вне закона. Его пришлось вылавливать по всей академии, пока я не вспомнила слова Дакара о его затворническом образе жизни в подземелье. Найти верную лестницу, ведущую в нужную часть подземелья, проблему также составило.

Зато Шатрэн нашелся в зельеварческой подсобке, где ему в принципе место. Он хорошо себя чувствовал, порядок и чистота добавляли комфорт, а еще его здесь никто не доставал. Кроме меня. На какие-то доли мгновений в его зеленых глазах я заметила удивление, но не более того.

– Я чем-то могу помочь? – спросил Шатрэн, явно намереваясь заняться чем-то таким, чему я буду только мешать. Но я все равно кивнула. Почему-то наглеть в его присутствии мне было комфортно. Очень.

– Председательница дала мне фамилию и заселила в комнату. Сказала, что я теперь кадеми Академии Трех Сил. И что дальше мне с этим делать? Ну, не знаю. Расписание там или еще что-нибудь. Я раньше никогда не обучалась в магических академиях и не знаю, как здесь все устроено, и что мне нужно сейчас делать.

– Во-первых, желательно позавтракать, – тяжело вздохнул Шатрэн, осознавая, что так просто я от него не отделаюсь. – Раз председательница сказала, что теперь ты кадеми, значит все так и есть. Можешь не беспокоиться о документах.

Шатрэн щелкнул пальцами, и на очищенном от бумаг столе появился завтрак. Щелкнул второй раз, и появился завтрак на вторую персону. Я в шоке смотрела на него, не понимая, как он это сделал. Папашка уверенно вещал, что немота – признак несостоявшегося мага. Я была уверена, Шатрэн не произнес ни звука! Как он тогда... вот это все провернул?!

– Ты никогда не сталкивалась с командными заклинаниями? – недоуменно спросил Шатрэн, глядя мне прямо в глаза, будто хотел убедиться в правильности своего предположения. – Удивительно. Даже странно. Командными заклинаниями пользуются повсеместно. Разве не ты говорила, что использовала командное заклинание «чет», чтобы пройти сквозь дверь комнаты, в которой тебя заперли?

– Может быть, – ответила я неуверенно. – У меня есть некоторые проблемы в теории магии. Местами серьезные. Везде.

Сегодня на завтрак подали тарелку тыквенной каши, два бутерброда с пластиком мяса и травяной чай. Порции были достаточно большими, чтобы ими можно было не только наесться, но и объесться на сутки вперед. А ведь обед и ужин никто не отменял. Теперь я буду ходить в столовую и не буду голодать. С одним вопросом я вроде бы разобралась. Надо будет только расположение столовой найти.

– Поедим, и я посмотрю, куда тебя пристроила председательница, – пообещал Шатрэн, легким движением руки пододвигая к столу второй стул. – В следующий раз поешь в столовой, а не ко мне бегай. Будет нехорошо, если местные сплетники насочиняют что-нибудь нехорошее о тебе.

О репутационных потерях среди местного населения я как-то не задумывалась. Мне здесь жить ровно до тех пор, пока я не найду способ вернуться домой. Все остальное меня интересовало крайне мало, если не интересовало вовсе. Но Шатрэн был удивительно заботлив как для человека, которого я чуть было не убила. По ошибке, напридумывав себе кучу ужасов на фоне стресса из-за похищения и насильственного переезда в другой мир, но все-таки я покушалась на убийство.

– Спасибо.

Мы молча поели, не отвлекаясь на разговоры. Я больше налегала на бутерброды, а Шатрэн – на кашу. Не удивительно, что он вырос таким высоким и сильным. Уж силу его рук мне довелось испытать в неравной схватке несколько дней назад. Если бы не эффект неожиданности, против него у меня вовсе не было ни единого шанса.

– Я в ближайшее время обязательно расскажу о командных заклинаниях. Они здорово упрощают жизнь. Тем более, что ты с ними уже сталкивалась.

Я ела, слушала и мотала на ус все, что говорил Шатрэн и жалела, что не была столь внимательна, когда он рассказывал мне об академии и о замке вчера. Много полезной информации наверное упустила. И по тому как тяжело вздохнул Шатрэн в начале разговора со мной, он вчера рассказывал мне и о том, как мне предстояло начать мою академическую жизнь в качестве кадемы.

– Что-нибудь известно о ректоре Алгарсисе и его приспешниках? О тех, кто меня похитил? – я закидала его вопросами, стоило только ему на секунду остановиться.

Я и хотела, чтобы папашка с соучастниками получили по заслугам и по закону, и не хотела одновременно. Я не знала, как в академии и в этом мире в целом отнесутся ко мне как только узнают, что я не жертва нелегальных рабовладельческих пережитков, а иномирянка. Как отреагируют и что сделают со мной после этого, почуяв безнаказанность? Я ведь не гражданка государства, в котором сейчас находилась. Я даже не знала его названия!

– Пока ничего. Ректору Алгарсису пока не выдвигали обвинения, но его причастность к «Изгнанию четвертого» подтверждена. Если бы только дознаватели получили тело кадемы Дакара, то доказательств его виновности было бы достаточно. – Шатрэн задумался и положил вилку. – Не распространяйся об этом. Председательница старается подготовиться к его аресту как можно тише, без привлечения внимания. Нельзя позволить ему сбежать. Раз уж он участвовал в «Изгнании четвертого», то ему никогда не очиститься. Он не пройдет проверку. И тем временем ему никто не помешает сбежать за границу, где его будет практически нереально достать.

Я тоже закончила завтрак, умудрившись прикончить дополнительных два бутерброда моего сотрапезника, а ему досталось сто процентов каши в предназначенной мне тарелке. Махнулись не глядя. После слов Шатрэна мне было о чем подумать. Он ни слова не сказал ни о папашке, ни о тех двоих, кто в униформе газовой службы ворвался в мою квартиру и притащил меня к папашке.

Полученная информация примерно в равных долях говорила о двух взаимоисключающих вещах: либо некто Он уничтожил папашку и его приспешников, что от меня решили скрыть; либо папашка и его прихвостни сбежали, получив пинок под зад от ректора Алгарсиса. Мне показалось, он был обеспокоен секретностью нелегальных сделок, проводимых в академии. Он так разозлился, узнав, что я сбежала!

– Конечно, я не буду никому рассказывать! – согласилась я, понимая, что держать язык за зубами было в моих интересах. На сегодняшний день Шатрэн и председательница были моими единственными живыми союзниками, и я не планировала становиться их врагом. Более того я собиралась в первую очередь именно от них скрывать, откуда я прибыла на самом деле и мои попытки вернуться в мой мир.

– Хорошо, что ты это понимаешь. Председательница должно быть не кажется тебе хорошим человеком, – хмуро заметил Шатрэн, положив собранные в замок кисти рук на столе перед собой. – Порой мне самому кажется, что она перебарщивает в своих решениях. Иногда сильно перебарщивает. Но все равно она будет до самого конца держаться за свою и своей семьи репутацию и никогда не сделает ничего уголовно наказуемого.

– Какой смысл держаться за репутацию семьи, любой член которой может, кхм, нагадить и не только в душу? – спросила я, ведь перед моими глазами был реальный пример. Если бы Марина Васильевна была азиаткой и держалась за честь семьи, то ее бы давно сгнобило общество и она сама себя из-за обществоцентричного воспитания.

– Если кто-то из ее семьи поступит так... – Шатрэн всерьез призадумался над возможностью худшего исхода. – Это будет финал ее интриг. – Шатрэн горестно вздохнул и продолжил в более бодром ключе. – Я бы не отказался от такого ректора, как наша председательница. Академия расцветет под ее руководством.

Я усмехнулась, припомнив запрет на выращивание цветов в академическом саду. Как академия могла расцвести, если на всей территории не было ни одного цветка? Стараниями парня-первогодки, которого я впервые увидела вчера ночью и с которым столкнулась сегодня утром в коридоре, теперь в академии были две грядки шикарных алых роз. Срезать бы одну, разгрести срач на подоконнике хотя бы на своей половине и украсить ее одиноким цветком в тонкой высокой вазочке. Ммм...

– Я сказал что-то смешное? – поинтересовался Шатрэн, не понимая причин моего веселья. А я не собиралась объяснять ему и подставлять того незнакомого парня. Его ночная работа была выполнена великолепно.

– Нет, все в порядке. Я просто вспомнила кое-что очень смешное. Так что насчет моего расписания?

– Подай мне свою тетрадку, – попросил Шатрэн.

Я не знала, что он собирался сделать, но послушно вышла из-за стола и передала ему отложенную в сторону тетрадь. Пенал положила перед собой и снова села на стул. Зельевар открыл чистую тетрадь на первой странице, поднес к ней ладонь на расстоянии пары сантиметров и произнес «Проявись!» Мне показалось, что он говорил гораздо дольше, но я услышала только одно слово. Странно.

Зато на строчках первой страницы творилась настоящая магия. Мое актуальное расписание занятий золотыми чернилами прописывалось само по себе, пока не заполнило все строки. Шатрэн еще несколько секунд подержал ладонь над тетрадью, пока чернила не потемнели до медного цвета, и перевернул страницу, где все было уже готово.

– Хм, у тебя сегодня есть мое занятие, – заметил Шатрэн. – Буду ждать. Мне показалось, что у тебя хорошие способности к зельеварению. Даже не верится, что ты никогда раньше не училась в академии. Надо будет подготовить для тебя небольшой тестик на проверку уровня знаний. У меня как раз свободное время, а ты пока слушаешь лекцию по магической теории.

Неплохо-неплохо. В расписании также было указано, в какой аудитории проходило занятие, и мне не придется бегать по всему замку сломя голову в поисках нужного места. Я была так воодушевлена, что даже не вспомнила, что мне придется контактировать с одногруппниками минимум один день, пока я не перестану провоцировать эффект новенькой и привлекать повышенное внимание.

– Если тебе все ясно, то пойдем. На первый раз провожу тебя и представлю группе. Иначе опоздаешь на лекцию. Тебе итак придется нагонять пропущенный материал. Не стоит опаздывать в первый день.

Шатрэн вышел из-за стола, и я поспешила за ним, прижав к груди книгу и зажав в руке пенал с канцелярией. Я предчувствовала, что мы отправимся порталом и ждала возможности сознательно телепортироваться с его помощью. Я уже мысленно потирала ручки, как мужчина протянул ко мне руку и раскрыл передо мной ладонь, и я увидела еще одно простое кольцо-ободок, практически не отличающийся от предыдущего.

– Надень, – сказал он мне. – Кольцо скомпенсирует магические потоки, чтобы ты не потеряла сознание во время перехода.

Не помню, чтобы в прошлый раз я теряла сознание. Если только в первый, когда меня тащили из немагического мира в магический. На меня вылили ушат воды, чтобы привести в чувство. Во второй раз я просто перешла, практически не заметив разницы. Но колечко надела. Если мое привыкание к магии происходило непозволительно быстро, то я не хотела, чтобы об этом знал кто-то еще кроме меня.

Он взял меня за руку, и в следующее мгновение мы оказались посреди коридора. А кольцо-то артефакт! Даже если очень простенький, но все равно артефакт. И выданное председательницей колечко против подчинения извне тоже должно быть артефактом. Я не знала, хотят ли меня заставить заплатить за доброту позднее или только использовать против ректора Алгарсиса и тем самым одновременно с личными целями восстановить закон и порядок.

– Почти пришли, – объявил Шатрэн, и нам пришлось сделать еще несколько шагов до двери искомой аудитории. Зельевар постучал в дверь и вошел. Я сразу же за ним. – Добрый день. В эту группу зачислена новая кадеми. Анита Рэнвальд.

– Кадеми Рэнвальд? – почему-то с вопросительной интонацией преподавательница произнесла мое имя. Я нерешительно вышла из-за спины зельевара. – Проходите и присаживайтесь на свободное место.

Я робко кивнула и обошла по стеночке всех присутствующих студентов, взглядом отыскав несколько свободных мест в самом конце огромной аудитории. Здесь словно собрали всех первоодков с трех направлений, потому что народа напичкано невиданно. Нас здесь не меньше сотни. Теория магии для первоодков должно быть универсальный предмет.

– Продолжайте, – слышался голос Шатрэна, но я не стала поворачиваться к нему. Меня трясло от десятков обращенных в мою сторону взглядов, как заинтересованных, так и

скучающих.

Я даже запнулась, физически ощущая на себе десятки недружелюбных взглядов магов-недоучек. Ни с кем из них мне нельзя было ссориться, потому что у меня до сих пор не было возможности озаботиться средствами самообороны. Я просто-напросто не смогу держать удар и защитить саму себя.

– Тц, ты, – цыкнул уже знакомый мне парень эко активист, – садись. – Он указательным пальцем указал на свободное место рядом с собой.

Сесть с ним? Я разве сумасшедшая? Нет! Вон там, на галерке, очень много свободных мест. Меня никто не будет отвлекать от лекции и не будет смущать близостью и ненужными разговорами. Я отвернулась и прошла мимо, передернувшись. Он чуть было не схватил меня за запястье, но я успела увернуться. Какая я молодец! Ненавижу, когда меня кто-то трогает или хватает за руку.

Присев на одно из мест целой свободной линии, я наконец почувствовала себя комфортно. Положила тетрадь, открыла пенал и приготовилась слушать преподавательницу. Мне казалось, что с момента моего появления в аудитории и до сего момента прошла целая вечность, а на самом деле всего секунд тридцать. Не больше.

– Вернемся к теме лекции. Всем вам в скором времени предстоит выбрать между светлым светом и темным светом. В разных учебных пособиях вы можете встретить такие обозначения как исключительный или утопичный свет и теневой или реальный свет...

Преподавательница была уже немолода, но я и не ждала других молодых, как Шатрэн, преподавателей. Наставников под пятьдесят и больше лет я пожалуй оценю гораздо больше. У них есть и предметный стаж, и педагогический опыт. Шатрэн похвастаться тем же не мог, а оценить его квалификацию я не могла, познакомившись с ним мимоходом.

А ведь Шатрэн прав... Насчет тела Дакара. Его продержали в комнате, где меня заточили, целую ночь для моего устрашения, и к утру оно исчезло по волшебству, словно само собой или распалось на атомы. Тело могли уничтожить через пару дней, поэтому призрак Дакара не вернулся после моего судьбоносного поражения. Вероятность найти Дакара крайне мала, если вообще не равнялась нулю.

Меня все еще штормило от кошмарной ночи, и сейчас под монотонный голос пожилой преподавательницы теоретической магии я засыпала, вздрагивала и пробуждалась раз за разом. В результате запись лекции в тетради была несколько фривольной. Рука сама писала практически без поддержки головы и без ее контроля.

– Привет, – шепнули мне на ухо, и я резко отскочила в другую сторону. Преподавательница окинула меня недовольным взглядом и вернулась к лекции. – Ты странная. Анита, ау. Ты меня слышишь?

– Слышу, – я передернула плечом, показывая, что не намерена тратить на него свое время. Мне не нужны знакомства, которые будут лезть в мои дела и мешать готовиться к возвращению домой. – И предпочитаю не слышать.

– Ты очень странная, – повторил надоедливый эко активист. У меня возникли подозрения, что вчера он меня все-таки видел и сейчас пытался подкатить ко мне, чтобы я его не выдавала. Я и не собиралась его подставлять. Озеленение – это всегда хорошо. Но я также не могла его заверить в своей полной солидарности, потому что он мог и не видеть меня вчера, а прицепиться ко мне от скуки.

Какое ему дело до моих странностей? Мне срочно нужно призрака найти или убедиться, что его больше не существовало в этом мире. Тогда я перестану надеяться на его посильную помощь, и свое спасение возьму в свои руки. Будто мне мало проблем с ночными кошмарами, появившимися после примерки блокирующей магию ленты, опасениями их продолжения после возвращения домой. А еще меня гложило неприятное чувство безнаказанности папашки. У него были шансы сбежать и спрятаться от Него в моем мире.

– Анита, меня Каннем зовут. Каннем, слышишь? – он ткнул меня тупым кончиком карандаша, чем довел до крайней точки кипения. Неожиданно для самой себя я выхватила из его руки карандаш и сломала в ладони. Только маленькая искорка магии вспыхнула.

– Последний ряд! – сделала замечание преподавательница, не выдержав нашей маленькой потасовки. Вот только я не считала себя виноватой, а меня к виноватым взяли и причислили. –

Ведите себя тише и не срывайте лекцию.

Два обрубка карандаша упали на стол, и мне было очень стыдно. В моей жизни было всего несколько раз, когда меня ругали за дисциплину, и каждый раз я чувствовала себя, словно по мне проехали трактором. Меня публично унизили, а парню хоть бы хны. Я на него так зла, что готова покуситься на убийство. Эмоции эмоциями, а повторить нечто подобное в реальности я не была способна.

Я пересела на несколько мест ближе к центру, положив на ближайшее место ко мне между Каннемом и мной пенал, чтобы парень не занял, и вернулась к конспектированию. Лекция выглядела объемистой, и я проглядела написанное глазами. Вроде бы неплохо. Разборчиво и даже можно разобраться в написанном.

Уже много лет я страдала от синдрома отличницы и никак не могла вылечиться. Если что-то у меня не получалось, то неудачи вводили меня в уныние, и я плыла по течению, либо бесилась, пытаюсь переделать идеально, и все равно скатывалась в уныние. Каннем постоянно смотрел на меня, и теперь уже его взгляды раздражали меня.

– Сегодня на этом закончим, – объявила преподавательница, когда два часа, отведенных на занятие, подошли к концу. Я сильно устала, потому что не привыкла к таким длинным занятиям без перерывов. В школе один урок длился всего сорок пять минут. Я готовилась к полуторачасовым лекциям в универе, но какие-то жалкие дополнительные тридцать минут меня выжали. – Кадемы Рэнвальд, подойдите перед уходом. Я хочу познакомиться с вами поближе.

Я не сразу поняла, что преподавательница обращалась ко мне. Заметила только как напрягся Каннем и только после этого вспомнила, что я теперь Анита Рэнвальд. Из-за него меня будут отчитывать за плохое поведение и попытку срыва урока. Почему? Что я такого сделала? Сломала карандаш придурка, который ко мне приставал? Почему она его захотела отчитать, а меня. Не я ведь к нему лезла, и она точно все видела!

В толпе уходящих с занятия студентов я заметила шумную тройцу соседок, но они даже не поздоровались со мной. Обиделись за то, что я их разбудила? Так ведь благодаря мне они были среди первых в очередь к умывальне! Чем меньше людей оставалось в аудитории, тем сильнее я нервничала. Каннем панибратски положил руку мне на плечо, и я резко скинула ее. Но почему-то мне не хватило духу высказать ему в лицо все то, что я о нем думала.

Наконец мы остались наедине с преподавательницей. Она подошла к первому ряду, а я спустилась к ней. Я очень боялась, что меня сейчас будут отчитывать. Притом я слабо представляла, откуда во мне поселился этот страх. Но я помнила, что он со мной был еще с начальной школы.

– Мое имя Талита Фанрой, – представилась преподавательница, а я задержала дыхание, предчувствуя выговор. – Мне заранее сообщили о твоём появлении, Анита, и я сделала для тебя копии нескольких пропущенных лекций. Если что-то будет непонятно, обращайся.

Неужели действительно она позвала меня только для знакомства и нескольких пожеланий успехов в учебе? Об этом она могла сказать перед другими студентами, но почему-то вызвала меня на личный разговор, дождавшись, пока все уйдут. На пару секунд мне показалось, что разговор иссяк, так и не начавшись, но это было еще не все.

– Спасибо. Я обязательно, – кротко проблеяла я, мечтая только о том, чтобы сбежать в подземелье на следующее занятие. На зельеварение. С Шатрэном я чувствовала себя гораздо увереннее и даже наглена. Мне нравилось это чувство комфорта и свободы.

– Покажи, пожалуйста, что ты записала сегодня, – попросила Талита Фанрой. – Тот мальчик постоянно отвлекал тебя. Если ты не смогла хорошо записать лекцию, я принесу копию на следующее занятие. И пересажу тебя поближе к доске.

Я подчинилась, протянув тетрадь, не отрывая ее от стола. Талита Фанрой мягко взяла тетрадь и открыла ее. К моему удивлению ее задумчивое лицо неожиданно переменилось. В светлых глазах за стеклами очков промелькнуло настолько ясная и искренняя эмоция, словно женщина поразила до глубины души.

– Какое великолепное знание древнего языка, – похвалила преподавательница, листая исписанные страницы. – Обычно на древнем лекции пишут только кадемы выпускных курсов. Ни разу не видела первогодку, столь искусно владеющего древним языком. Теперь понятно, почему тебя приняли в академию в обход общих правил после завершения приема и даже

после начала учебного года.

Я? Искусно владела древним языком? Здесь была какая-то ошибка! Я ведь перечитывала написанное в самом конце лекции. Я писала нормальным русским языком, чем в случае проверки могла разоблачить свое иномирство. Об этом я подумала почему-то только сейчас.

Или русский язык в моем мире считался древним в этом? Или... или мое покушение на убийство, как в случае со свидетельством убийства Дакара, подарило мне еще один языковой навык, скопировав его у Шатрэна. Я как раз сейчас пойду к нему на занятие и обязательно спрошу!

– Спасибо за похвалу, но не стоило. Правда.

Я начала отпираться, желая как можно скорее закончить разговор и сбежать. Вряд ли я успевала застать Шатрэна до начала занятия, но вот после я решила подойти к нему и тщательно расспросить. Или не стоило? Может быть предполагаемые последствия того покушения на мой магический потенциал и были главной причиной помощи мне? Это предположение звучало разумно и весьма реалистично.

– Конечно стоит! – не согласилась со мной Талита Фанрой. – Хорошее понимание древнего языка уже на первом курсе откроет тебе невероятные перспективы в овладении магическими искусствами. У тебя же незаурядные способности. Я бы даже сказала, что ты владеешь древним языком если не свободно, то на очень высоком уровне. Это говорит о твоих удивительных памяти и трудолюбии. Ни в коем случае нельзя зарывать талант в землю!

Преподавательница улыбнулась и наконец отпустила меня. Я подхватила тетрадь, копии конспектов первых лекций, пенал и вылетела за дверь, где меня поймали горяченькой. Я не могла прийти в себя после незапланированного разговора, а тут меня собирались вывести на другой.

– Ну как? – спросил Каннем. Все время моей беседы с Талитой Фанрой он дожидался меня в коридоре. – Ругала из-за меня? Прости-прости, я совсем не хотел тебя подставлять. Как я могу загладить свою вину?

– Так вы двое знакомы! – воскликнула поймавшая меня «на преступном» разговоре Кари. О богинюшка, пожалуйста, пусть он не будет ее братом. Кари уже угрожала мне утром ошастливить мною своего братца и остепенить его. – Как интересно!

– Уйди, Канна! – на пустом месте разозлился Каннем. От его мгновенной метаморфозы я несколько опешила. – Иди гуляй со своими ненормальными подружками!

– Я Кари, а не Канна! – прошипела Кари, оскалилась и хмыкнула, отвернув голову в сторону. Хмыкнула еще раз и снова повернулась лицом. – Вот и пойду гулять со своей ненормальной подружкой!

Она схватила меня за руку, подтянула к себе и вцепилась мертвой хваткой. Немая сцена. Кари, у которой как оказалось было нормальное имя, потащила меня вперед по коридору, не оборачиваясь и мне не позволяя даже попрощаться. Через некоторое время мы вышли на балкончик, а не в подземелье, где будет проходить следующее занятие. А я даже не знала, во сколько оно начнется, чтобы не опоздать.

– Он тебе надоедал, да? Еще и Термажка отругала из-за него, – вздохнула Кари и обняла меня. Я ошалела от ее действий и даже не смогла ответить. Фанрой меня не отругала, а наоборот пожалела, что Каннем мешал мне слушать лекцию. – Прости его. Он у меня такой глупый!

– Кари, – тихо сказала я, убирая ее руки от себя и отстраняясь. – Не так быстро. Спасибо за теплый прием, но я так не могу. Я совершенно не компанейский, тихий человек. Я не могу в любой момент сорваться и пойти, например, гулять и развлекаться, а предпочту взять книгу и провести вечер за чтением и горячим чаем.

– Ты не хочешь с нами дружить, я правильно понимаю?

– Не то чтобы не хочу, а скорее не могу. У меня не получится. Пожалуйста, давайте просто будем соседками с нейтральным отношением. Не надо меня таскать по развлечениям и различным мероприятиям. В толпе, а для меня толпа это все что больше двух-трех человек, мне становится плохо.

– Хорошо. Я поняла тебя. Я объясню девочкам, что ты книжный червь и крайне болезненно реагируешь на любую попытку вытащить тебя из кокона. Только больше не буди нас так

неожиданно и громко, хорошо?

– Хорошо, – повторила я. – Утром ко мне твой брат пристал, и я от него убегала. Я бы не стала грохать дверь, если бы не он. А Талита Фанрой меня не отругала, а предложила помощь, если понадобится. Я же пропустила несколько лекций и все такое прочее. Так что он заслужил максимум подзатыльник. Или даже два подзатыльника.

Кари – по документам и в семье Канна – оказалась нормальной понимающей девчонкой, и мне еще вчера стоило объяснить свою позицию. Даже если я расстроила ее своим поведением и характером, то не разозлила и даже не обидела. Я надеялась, что Нари и Сари (меня вдруг сильно заинтересовали их настоящие имена) также спокойно отнесутся, что я не прибилась к их дружной компании.

На душе сразу полегчала, и я перестала беспокоиться о возможных конфликтах в комнате. Зато я начала сомневаться, что мне стоило говорить с Шатрэном насчет моих новых способностях в языкознании. Вероятнее всего именно его знания я случайно скопировала, когда свою кровь, которая входила в состав водных ножен атамэ, смешала с кровью раненого мною клинком в грудь Шатрэна.

После зельеварения у меня в расписании стояло еще несколько непонятных занятий, о которых я сейчас не вспоминала. Прогуливать их я не могла, зато могла во время следующего большого перерыва вместо столовой пойти в библиотеку и попытаться найти там что-нибудь полезное для призыва духов. Я должна была быть стопроцентно уверенной, могу ли снова рассчитывать на знания Дакара или больше нет. Дакар мне нужен был. Он хотя бы примерно знал, чем занимался его дядя, и мог провести в сокровищницу.

По инициативе Кари мы снова обнялись, но в этот раз я не чувствовала себя жертвой. Я была свободна.

– О, кажется, мы опаздываем к Скороварке! – воскликнула Кари и легонько ударила себя по лбу тыльной стороной ладони. – Бежим скорее. Он не любит опозданий. Заставит сидеть в коридоре под дверью, а практику отрабатывать на консультации. Ненавижу его консультации!

Я не стала спрашивать в чем заключалась проблема консультаций Шатрэна. О том, что он угрожает студентам оставить опаздунув за дверью, я уже знала. Более того я однажды слышала его угрозы собственными ушами, когда отсиживалась в нише неподалеку от кабинета зельеварения. Единственное, чего я не понимала вообще никак – почему его прозвали Скороваркой?

Мы с Кари бежали, взявшись за руки, и благодаря ей я не только не потерялась в только-только изучаемом замке, но и прибежала на занятие вовремя. Один раз чуть вещи не выронила, тем не менее толстая общая тетрадь, лекции по термагу и пенал добрались до кабинета зельеварения без потерь.

Мы пришли одними из последних, и я естественно привлекла внимание Шатрэна. Он даже подозвал меня к себе и я вспомнила, что он собирался дать мне тест на проверку знаний, которых у меня вообще-то никогда не было, так что тест проверял исключительно мою интуицию. Вот только какой-то слишком большой тест. Листов не многовато для меня одной?

– Кадеми Рэнвальд, раздайте тестовые листы одnogруппникам. Вряд ли им всем понравится, если вы решите тесты за них с переменным успехом. В этом кабинете есть те, кому оценка по зельеварению и алхимии может как открыть дверь в будущее, так и уничтожить ее.

Упс. Значит все эти тесты предлагалось решать всем, а не только мне одной. Тогда все не так плохо. Я оставила себе верхний лист, перевернув его лицом вниз, потому что задания на нем отличались от одинаковых заданий на других листах, а остальные раздала четырем дюжинам студентов. На большее количество народа кабинет просто не был рассчитан.

Расправившись с заданием, я вернулась на свободное место, которое мне так понравилось – оно было ближе всех к лектору, – и перевернула лист с тестом. Я еще раз прочитала задания и уже не была уверена, выучила ли я местный язык магического мира целиком или только частично. Автоматического перевода большинства слов на русский язык не было, и все незнакомые слова я пометила как названия ингредиентов или определения.

Шоу «Интуиция» я провалила. Я поняла это еще до того, как закончились отведенные на решение теста двадцать минут, и Шатрэн жестом руки одновременно поднял все листки в воздух и переправил их к себе на стол, сложив в одну аккуратную стопочку на краю и закрыл в папке.

– Приступим к теме занятия. Сегодня у вас будет первое практическое задание, поэтому не отвлекайтесь и внимательно слушайте мои объяснения. Сегодня мы с вами сварим одно из самых простых зельй, но крайне полезное как на спортивных соревнованиях, так и при бытовых травмах. Зелье левитации!

Звучало неплохо. Далее Шатрэн объяснил, что данное зелье левитации поднимало объект примерно на метр от земли и окутывало тонкой защитной пленкой, позволяющей безопасно перенести пострадавшего и не изменить его позы, а значит не травмировать сильнее. Я прикинула, что в качестве зелья для самозащиты оно тоже подойдет: брошу в противника и дезориентирую его. Или их.

– Перед тем, как приступать к практической части, я напомним про правила безопасности. И самое главное, этому зелью запрещено контактировать с живой плотью как людей и животных, так и растений. Для использования льем несколько капель на одежду пострадавшего, а не на его кожу. Состав летучий и не пропитывает одежду. При правильном использовании его применение совершенно безопасно.

Раз «совершенно безопасно», значит с ним точно что-то пойдет не так. Обычно все предупреждения появляются уже после того, как кто-то страдает. Но я не расстраивалась и не опасалась последствий. Более того, приготовленное зелье я собиралась припрятать на крайний случай.

– Делимся на пары и подходим к котлам, – призвал к порядку разгальдевшихся студентов Шатрэн, а я недовольно нахмурилась. Работать в паре? Ну вот почему не индивидуально? – Не задерживаемся. Кто не успеет сварить зелье, того жду на отработку вместе с напарником!

Я только развернулась к классу, как многие уже разбились на пары и даже выбрали свободный котел. Я как всегда тормозила, и выбора мне не оставили. Меня выбрал... он. Каннем! Он чуть было не испортил мне мое первое занятие по магии, а сейчас решил добиться своего и сорвать практику зельеварения?

– Мы вместе, – улыбнулся эко активист и протянул руку для пожатия. Я обошла его, чуть не задев плечом, и направилась к последнему оставшемуся свободным котлу.

– Только в твоих мечтах! – огрызнулась я, прицепившись к словам. Бросила буквально за спину, притом публично. Хорошо хоть не закричала, а тихо буркнула, чтобы слышал только он. Какого-то особенного зла Каннем не совершал против меня, и мое пренебрежение к нему базировалось исключительно на конфликте характеров.

Я не знаю, какая муха меня укусила. Я вроде бы с Карой разобралась и теперь у меня не должно возникнуть проблем и недопонимания с соседками. Разве мое настроение не должно было улучшиться? Так почему оно наоборот упало ниже плинтуса? Чем я была недовольна, если все пока было хорошо и никакие серьезные неприятности не предвиделись в ближайшем будущем?

– Данный состав зелья левитации требует применения дополнительных мер защиты, – инструктировал Шатрэн. – Наденьте перчатки и респираторы, прежде чем мы начнем. Хорошо.

Не знаю как всем остальным, а мне в респираторе дышалось трудно. Воздух словно курсировал внутри, и я снова и снова вдыхала углекислый газ. Это неприятное чувство прошло только спустя две минуты. Только тогда я вдохнула полной грудью и надела предложенные защитные перчатки.

– Перед вами лежат коробочки с ингредиентами. Откройте их и проверьте, все ли на месте по рецептурному списку. Если чего-то не хватает, то немедленно сообщайте. Готовить зелье левитации нужно быстро, без задержек. Если упустить хотя бы одно мгновение, то зелье испортится, и варить придется с самого начала. Будьте предельно осторожны!

Шатрэн ходил между студенческих котлов и следил, чтобы никто ничего не напутал на его занятии и не получил травмирующий жизненный урок. А мне суждено было его получить. Каннем паясничал, когда не слушался моих требований наконец стать более серьезным и помогать мне с ингредиентами. Я не знала как и что выглядело, а у него просто руки не из того места росли. Мы могли бы поладить хотя бы ради учебы, но почему-то никак не выходило у обеих сторон.

«Соберись, тряпка!» – так хотелось сказать мне, и я бы сказала, если бы поняла, кому именно надо было говорить эти слова: мне или все-таки Каннему. Меня раздражало все вокруг, хотя

утром я спокойно сидела в подсобке и завтракала вместе с Шатрэном, обменяв мою тыквенную кашу на его бутерброды. Что меня так сильно раздражало, если даже окружающая меня толпа студентов поредела минимум в четыре раза?

Пока я взвешивала белоснежные перья какой-то певчей птички-лилипута, очень распространенной в этих краях, если верить объяснениям Шатрэна, мой напарник дернул плечом, толкнул меня локтем, и слишком много перьев вместе с ручными весами полетели в котел. Зелье было практически готово! До конца занятия оставались считанные десять минут! Теперь из-за его неуклюжести мне идти на консультацию!!!

Я видела падение весов в котел как в замедленной съемке. Сначала левая чаша коснулась поверхности слабо кипящего белесого зелья. Затем весы миллиметр за миллиметром погружались в варево, а гнев во мне поднимался все выше и выше, пока не выплеснулся наружу вместе с брызгами незаконченного зелья. Я взбесилась, как на лекции термага, и одним ударом руки опрокинула котел на Каннема.

Шатрэн не успел подлететь вовремя. Он оттолкнул меня, и от его тычка я вдруг пришла в себя и осознала, что натворила. Шатрэн строго-настрого предупреждал, чтобы ни капли не попало на кожу! А я опрокинула весь котел на парня. Какое зло завладело мной, что я уже второй раз срывалась на Каннеме? Это наверное из-за недосыпа. В новой комнате мне не понравилось, и я не смогла нормально отдохнуть.

От осознания совершенного и стыда за свои поступки я закрыла лицо руками и старалась не расплакаться. Мне не хватало моральных сил держать себя в руках и не поддаваться на провокации. Мне нужны были дополнительные силы духа, которые мне негде было подчерпнуть.

Вдруг раздался смех, и весь кабинет потонул в заливистом хохоте. Недоумевая, я отняла ладони от лица и подняла глаза. Шатрэн помогал встать на ноги поверженному Каннему, а вместо его левой руки из плеча у него торчало белоснежное крыло. Я ошалела от вида и не поверила своим глазам. Разве такое могло быть реальностью, что у парня вместо руки появилось настоящее крыло?

– Что было добавлено в зелье?! – с криком наехал на меня Шатрэн, и я испугалась его напора, потеряв дар речи. Я не могла вымолвить ни слова, отступая назад, пока не уперлась в попой в парту.

– П...перья. Много перьев, – наконец выдавила из себя я. – Я... я не знаю... что на меня... нашло!

Шатрэн ничего не сказал. Отвернулся и цыкнул. Видимо на его занятиях еще ни разу не происходило ничего подобного. Ну, негативный опыт – это тоже опыт. В следующий раз он уже будет знать, что делать и как вести себя в подобных ситуациях. Не то чтобы я оправдывала себя, но по крайней мере старалась зазря не паниковать. Для чего в этот мир существовали целители как не для лечения необычных повреждений и последствий магической практики?

– Всем немедленно вернуться в свои комнаты в общежитие, – наконец скомандовал Шатрэн. – Пострадавшего кадема я отведу в лазарет. Кадема Рэнвальд. Придете после ужина сюда, и я сообщу вам меру пресечения в качестве наказания за крайнюю безответственность к правилам безопасности!

Студенты недовольно ворчали про отработку практического занятия, окидывая меня неприязненными взглядами. Трио соседок-нимф предпочли вовсе не встречаться со мной взглядами, и я почувствовала себя крайне неловко. Что бы со мной не происходило, мне нужно было с этим разобраться. Я никогда раньше не впадала в ярость. Что же со мной произошло такого, что я перестала сдерживать гнев внутри себя?

Пойти на обед я не смогла, предпочтя отсидеться в пустой комнате. Здесь не было никого, кроме меня, кто знал о произошедшем во время практики по зельеварению, и никто не смотрел на меня как на врага народа. Над крылатым на одну руку Каннемом смеялись, а на меня смотрели с крайней неприязнью. Я боялась выходить из комнаты, несмотря на наличие двух лекций по магическим существам и травоведению.

Нечто со мной уже было в третьем классе, когда я не увидела подножки и облила скупую на эмоции и жестокую предметницу грязным чаем с сахаром, использованным для мытья школьной доски. Она долго орала на меня, а затем ее гнева досталось всем моим одноклассникам. Но почему-то они возненавидели не ее, а меня. В четвертом классе Марина Васильевна удочерила меня и увезла в другой город.

Сидя в углу на треугольной кровати я вспоминала самые ужасные события, произошедшие со мной за всю сознательную жизнь. Что за проклятье поцеловало меня, раз меня преследовали неприятности одна за другой? Разве я заслужила переживать все это? Или это мое наказание за покушение на убийство? За жестокие планы? А как еще я должна была вести себя, когда меня похитили неизвестные и собирались заплатить мною по старому долгу?

Кажется я даже плакала и ничего не могла с собой поделать. Но отсиживаться в комнате, прячась ото всех тоже не было хорошим решением проблемы. Ближе к концу обеденного перерыва я встала, сходила умыться в умывальню, вернулась в комнату, взяла тетрадь с пеналом и копией конспектов и пошла на лекцию по магическим существам. Я должна влиться в учебное сообщество и не привлекать повышенное внимание.

В переполненных коридорах мне казалось, что все смотрели на меня и смеялись надо мной. Новости так быстро разлетелись по академии, в то время как я сама до сих пор не пришла в себя после произошедшего инцидента. Мне было так плохо, что я старалась не отрывать взгляда от пола или собственной тетради, где было записано текущее расписание занятий и номера учебных аудиторий.

Дисциплину о магических животных вел низенький, но крепко сбитый мужчина. Такой и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдет. Не став задерживать взгляда на учителя, я приветственно кивнула и забила на самый дальний ряд студенческих мест. Преподаватель только затылок почесал, не поняв моего поведения. Видимо до него новости обо мне еще не дошли.

В этот раз в аудитории снова собрался весь поток первогодок, и каждый считал своим священным долгом посмотреть на меня, показать пальцем или пошушукаться с идущим рядом другом, посмеиваясь надо мной. Их было слишком много. Людей рядом со мной было слишком много. Намного больше того количества, которое я могла в достаточной мере спокойно воспринимать. Раньше я планировала пойти в университет. Какой университет, когда мне так плохо?

Мне хотелось сбежать, но в отличие от вчерашних дружеских посиделок с соседками, я не могла просто так взять и уйти. Отпроситься к врачу? Так меня симулянткой назовут и будут еще больше ненавидеть. А еще в лазарете должен находиться Каннем с крылом место руки. Как у меня вообще получилось нечто подобное? Шатрэн тоже был обеспокоен.

У меня в голове творилось черте что, но я все равно усердно записывала лекцию чуть ли не слово в слово и первой вылетела за дверь, как только преподаватель сказал:

– Занятие окончено. На сегодня можете быть свободны.

Оставалось одно травоведение, на которое я также пошла, потратив практически все время перерыва на поиски учебной аудитории. Почему-то я не подумала, что практические занятия и лекции будут проходить в разных местах, и в первую очередь отправилась в академический сад, куда мне указала Сари вчера. Но там никого из первогодок не было, а те кто был как раз направили меня обратно в замок.

Травоведение вела тонкая, как стрела, женщина примерно сорока пяти – пятидесяти лет. Она была единственной из встреченных мною преподавателей, кто под белым преподавательским балахоном носил ярко-зеленую водолазку. Эта женщина была самым настоящим электровеником и успевала все и сразу.

– А это наша новенькая? – спросила она, сюсюкаясь. Мне показалось, что когда-то она была

молодой мамочкой и до сих пор не смогла выйти из того периода. – Как тебя зовут, красавица? – Притом в ее словах и комплиментах не было ни толики пошлости. Только детскость в горящих счастливых глазах.

– Анита. Я сегодня первый день, – выдала я и про себя добавила: «... в ясельках». – Добрый день.

– А меня зовут Беатрис Шеллион, – улыбнулась преподавательница травоведения. – Садись на свободное место. Мы сейчас уже начинаем. Если что-то будет неясно, не стесняйся и подходи после занятия.

– Хорошо, – кивнула я и поспешила снова на задний ряд, чтобы поменьше привлекать внимания хотя бы во время занятий. Сложно смотреть на меня, когда я сидела позади них.

Темой первого курса травоведения были лекарственные травы и их правильное применение при любых обстоятельствах. До сегодняшнего дня была проведена только одна лекция, так что я немного пропустила. Нагнать не составит труда. Зато теперь, на четвертой лекции, я наконец заметила странную способность моей учебной тетради для лекций странную и очень удобную особенность. Коричневые чернила исчезали и появлялись в зависимости от нужной мне дисциплины. Эта тетрадка работала как планшет!

Показывать киношку и проигрывать музыку этот планшет, как я полагала, не умел. Притом рисовал только одним цветом – коричневым. Свежие чернила в течение нескольких секунд светились золотым и высыхали. Это было очень красиво и необычно. Интересно, а можно ли было купить ручки с другими цветами чернил? Я бы тогда смогла делать красочные зарисовки. Не то чтобы я умела рисовать, но солнышко, звездочку и даже «детский» домик нарисовать ровно я была в состоянии.

Темой сегодняшней лекции стали противопростудные травы и сборы для заваривания чая. Как выбрать подходящие травы для сухого или влажного кашля, для насморка, против головной боли и как не перепутать полезные травы с вредными. Полезная получилась лекция в связи со скорым осенним похолоданием.

Как только последняя лекция на сегодня закончилась, я не стала убежать. Можно сказать, что меня «отпустило». Из-за несчастного случая на зельеварении я сильно испугалась и расстроилась, а теперь мне стало гораздо легче. Зайти в лазарет что ли проведать пострадавшего Каннема и спросить о его самочувствии? Только мне нечего было принести с собой в качестве гостинца. Так поступить будет правильно. Как раз есть немного времени до ужина, после которого пойду к Шатрэму за наказанием.

Для начала я вернулась в комнату, чтобы оставить вещи и переодеться. Я весь день бегала как заведенная по замку, выискивая учебные аудитории и скрываясь от других студентов, чтобы никто не показывал на меня пальцем. Особенно бегала от моей группы по зельеварению. Из-за инцидента зелье не сдал никто.

У самой двери я остановилась, услышав голоса Нари и Сари и прислушалась к ним, вплотную прислонившись к двери. Мне показалось, я услышала имя Каннема и оказалась права. Неужели они до сих пор не обсудили между собой?

– Из-за этого придурка мне придется ехать в больницу и нянчиться с ним! – с раздражением и очень громко ворчала Кари, выговариваясь подружкам. – Всегда его ненавидела. Для отца он всегда был номером один. Наследник же! А разве я не наследница? Я в десятки, а то и в сотни раз умнее и прилежнее Каннема. А он оболтус и неумеха. Но отец все равно любит только его одного. Ненавижу его! Ненавижу их обоих!

Я отошла в сторону, понимая, что сейчас мне не стоило входить в комнату. Из-за меня Кари приходится уезжать и можно сказать обслуживать брата некоторое время. Я подумать не могла, что дело примет такой серьезный оборот, раз его отправили в больницу. Разве академический лазарет не имел достаточно сил, чтобы исправить случившееся и вернуть парню руку? А еще это значило, что Каннема уже увезли в больницу, в лазарете его нет и навещать мне некого. Спрошу у Шатрэна насколько серьезна травма. Может быть не все так плохо, как я себе понапридумывала.

К ужину я сильно проголодалась и даже немного пожалела, что пропустила обед. Днем со мной творилось что-то очень нехорошее, похожее на реакцию на сильный стресс. Хорошо, что все наконец закончилось, и я могла вздохнуть спокойно. Все-таки мне нужно больше отдыхать, а для этого найти сокровищницу или какое-нибудь другое место, способное заменить комнату в общежитии.

Удивительно, но когда я вошла в столовую, я не увидела ни одного человека, кто бы показал на меня пальцем или говорил за моей спиной. То есть шепотки днем мне всего лишь послышались, а насмешки надо мной привиделись? Видимо мне было настолько плохо, что хотелось сбежать и забиться в пыльную мышиную норку, где меня никто никогда не найдет, пока я этого не захочу.

Кстати насчет хвостатых. Я обернулась и рассмотрела, что статуи на выходе-входе из столовой были двумя крысами-воинами, как статуя в нише в подземелье, охраняющая тайный ход. В столовой тоже есть тайный ход, или эти статуи здесь исключительно для красоты? По внешнему виду они не отличимы от той в подземелье.

Я взяла из стопки подносов один и прошла с ним на раздачу, встав в очередь. Благодаря этому я проследила за другими студентами и смогла воспользоваться волшебной раздачей за стеклом, тянущимся от одной стены до другой по короткой стороне зала. Я, повторяя за предшественниками, тыкала в стекло над блюдом столько раз, сколько маленьких порций хотела получить. Итого четыре ложки каши, две котлеты с пятью ложками подливки, тарелка зеленого салата и чай. Тарелки приходилось брать заранее.

Развернувшись с подносом и мешающими тетрадь и пеналом в руках, я отошла от раздачи на несколько метров и осмотрелась. На первый взгляд свободных столиков не было совсем. Поднос был реально тяжелым и копии конспектов по пропущенным лекциям грозились выпасть из тетради вот-вот. Пришлось садиться туда, где оставалось свободное место, в насколько возможно ближайшем ко мне столике.

– Это ты руку спонсорского сыночка превратила в крыло? – спросил меня парень, сидящий рядом, вообще без задней мысли. После его слов на меня обратили внимание все, кто сидел за этим столом.

Мой поднос буквально рухнул на стол, выпав из ослабевших рук. Хорошо, что между подносом и столом оставалось буквально три сантиметра, и у меня даже чай не пролился. Иначе еще бы пришлось убирать за собой, а я ни одного моющего заклинания не успела выучить.

– Не пугайся так, – попытался успокоить меня парень, уходя на попятую. – Тебя что... Сковарка укусил? Сильно наказал? Он конечно мужик правильный, но не мог же он из-за фигни сильно наказать. Каннем сам виноват. Я видел, как он доставал тебя на термаге. Мне сказали, он мешался у тебя под ногами в перерыве и прилип на зельеварении...

– Я еще не знаю, – поделилась я подавленно. – Пойду к Шатрэну после ужина. Я хотела в библиотеку сходить, а придется наказание получать. Еще неизвестно, насколько сильно пострадал Каннем. Его в больницу увезли. Даже сестру заставили присматривать за ним в больнице.

– Во дела! – ухнул другой парень. Ни один из них не спешил представляться, а я не спрашивала их имена. Зачем, если я в академии ненадолго. Как получу наказание, сразу же пойду в библиотеку. Чем скорее я вернусь домой, тем быстрее закончится весь этот ужас.

Более не отвлекаясь на разговоры, я принялась за еду. За моим столиком не стихало обсуждение, а я старалась не обращать внимание ни на них, ни на саму себя. Если снова начну думать, что со мной происходило днем, в чем я была виновата и как это исправить, я свихнусь. Мне просто нужно спокойно поужинать.

Под конец, пока пила чай, я посматривала на уходящих студентов и увидела, куда они относили использованные подносы с грязными тарелками. Их по очереди ставили в неприметное со стороны окно, и спустя мгновение поднос с посудой исчезали как по волшебству. Я усмехнулась своим мыслям, ведь волшебства в магическом мире было предостаточно.

– Спасибо за компанию, – поблагодарила я из вежливости, вставая.

– Ага. Тебе тоже.

– Пока.

– Не волнуйся ты так, – посоветовал парень, заговоривший со мной первым. – Сковарка не жестокий. Издеваться над тобой не будет. Прочитает лекцию по безопасности и даст небольшое, но очень неприятное задание. Чтобы в голове отложилось. Меня заставлял пол в его кабинете вымыть без магии. Управился за полтора часа.

– Спасибо. Успокоил.

После ужина в теплой, а главное неприставучей компании мне действительно стало легче. В-первых, поела. На сытую голову думается гораздо лучше, чем на голодную. Думать об одной еде вместо дела нехорошо. А во-вторых, я уже психологически готовилась мыть здоровенный кабинет зельеварения, заставленный различной мебелью. Как сказал тот парень, за полтора часа вполне разумно управиться, а заодно пыль протереть.

Поставив грязную посуду в окно, я помчалась в подzemелье в поисках Шатрэна. По идее он уже должен был поужинать и занимался либо своими делами, либо проверкой их тестов. Мне реально интересны результаты моего «выступления на шоу «Интуиция», и со сколькими заданиями я справилась, а какие с треском провалила. Можно сказать, настроение после ужина у меня было отличное, и я никому не позволю его испортить.

Спустившись в подzemелье, я первым делом подошла к статуи крысы-воина и коснулась ее кольчуги ладонью. Холодная, как будто настоящий металл, а вот глиняные участки шерстистой шкурки казались теплыми, словно крыса-воин была живой. Что за глупые мысли роились в моей голове? Но все равно...

– Простите меня, крыса-воин, – тихо попросила я. – Я была крайне неуклюжа. Простите.

– Анита! – позвал меня Шатрэн, спустившийся в подzemелье после меня. Я обернулась. – Что ты делаешь? Со статуей разговариваешь?

– Нет, конечно, – отмахнулась я, придумывая, чтобы еще такого сказать, чтобы обелить себя. Разговаривать со статуями могло стать плохой привычкой. – Она же неживая. Но вылеплена потрясающе. Это ведь глина? Я права? Удивительная работа. Еще двух таких я видела в столовой.

– Крыса всегда была символом знаний, – пустился в разъяснения Шатрэн, а я недоумевала от его слов. Статуя крысы рядом с нами изображала воина, а не ученого. – А знания во все времена являлись важнейшим гарантом силы. Без обширных знаний о магии даже истинный прирожденный гений никогда не будет по-настоящему могущественным магом. Это высшая цель Академии Трех Сил.

Если подходить к вопросу с этой стороны, то объяснение казалось логичным. Больше знаний о магии – больше вариантов правильно и экономично использовать имеющийся резерв. Насколько я помнила из рассказов Дакара, использовать чужой резерв было уголовно наказуемо, а обратиться за помощью к природе практически нереально. Все места силы охранялись государством и барьерами, созданными лучшими из лучших магов.

– Это интересно. Крысы стали символом академии, – я повторила за Шатрэном только другими словами. – Я не знала. Расскажите пожалуйста, как там Каннем? Я слышала, что его отправили в больницу. Все настолько серьезно? Разве ему не могли оказать помощь в лазарете?

– Могли. О произошедшем немедленно узнал его отец и взбесился. Видимо кто-то из сотрудников академии доложил ему. Дочь бы не стала. Они не в лучших отношениях.

– Я знаю. Отец недолюбливает Канну из-за того, что... в общем, из-за того, что она не парень, а девушка. Если я правильно поняла ее слова, ее отец не видит в ней наследницу, а скорее служанку для сына. Внешне они так похожи. Мне казалось, они полнокровные родственники.

– В семье с отцом-сексистом счастья быть не может. Если нет дочери, несчастлива будет жена. Никакие деньги не спасут.

Но их отсутствие разрушит все. Шатрэн был очень молод и старше меня не более чем на пять лет, а мысли высказывал весьма разумные и прогрессивные. Сексизм – это про унижение одного человека другим, а не про якобы женские привилегии строить из себя немощную и соглашаться на ограничения.

– Да, наверное. Мне повезло. Среди моих близких нет таких людей.

Среди моих близких вообще мужчин нет, а большинство знакомых даже если были такими, грязь из себя на публике не выливали. Почему-то мне показалось, что Шатрэн меня проверял. Было бы очень странно, если бы он и председательница не пытались узнать о моем прошлом. Ничего у них не получится, только если они не доберутся до моего папашки и заставят его рассказать правду. А он не расскажет. Похищение – это статья. Похищение в мире, в котором

только-только запретили рабовладельчество, – статья острая.

– А все-таки? Что на самом деле случилось с Каннемом?

– Не волнуйся. Уже через несколько дней он вернется на занятия. Через несколько месяцев первогодок разделят на два направления, и возможно вы окажетесь по разные стороны. Идем. Выдам тряпку, швабру, ведро. Помоешь пол и можешь быть свободна. В подсобку не заходи. Я ее запер. Я до сих пор не понимаю, как ты смогла украсть эликсиры?

– Дакар помог. Это были его первые дни посмертия.

Вопросов больше не возникало ни ко мне, ни от меня. Шатрэн пожал плечами и перегнал меня. За час помою полы и буду свободна. Найду библиотеку и постараюсь там отереться, чтобы в дальнейшие дни не возникало подозрений ни у библиотекаря, ни у других посетителей. Страшно представить, сколько бесполезной литературы придется перетрясти, прежде чем найду что-то стоящее.

Мне выдали обещанный инвентарь и исчезли в неизвестном направлении. Рассказывать мне о том, как движется подготовка к обвинению, Шатрэн даже не помышлял. Наверное меня зачислили в академию, чтобы держать при себе до тех пор, пока не понадобится в качестве свидетеля и жертвы. Притом не так уж сложно председательнице записать неизвестно откуда взявшуюся девчонку на обучение в академию. Кому интересно кто такая и откуда? Никому.

Я взяла тряпку, ополоснула в наполненном чистой водой ведре... И тут до меня дошло! Зачем мне библиотека, если я прямо сейчас находилась в кабинете зельеварения и алхимии, где все стены заставлены книжными стеллажами, ломящимися от специализированных книг?!

Понимание того, что шансы получить координаты моего мира невелики, я задумалась о другом способе возвращения в родной мир. А что если мне попробовать сделать возврат? Либо вернуться во времени и таким образом получить координаты, либо попытаться связаться с чем-то, что связывало меня с моим родным миром?

Последняя идея казалась мне самой лучшей. Дакар ведь говорил, что папашка может найти меня по крови? Так почему я не могу сделать тоже самое и найти свою мать? Точнее ее могилу. Тогда я получу нужные координаты не только моего мира, а моего родного города. После этого пойду в полицию, и там мне помогут связаться с Мариной Васильевной. Великолепный план!

Бросив тряпку на швабру, я вытерла руки о подол форменного халатика и кинулась к книжным стеллажам. Передо мной теперь стояли вполне разумные маленькие цели, а не одна большая, путь к которой не тернист и извилист, а неизвестен вовсе. Одна громадная цель теперь делилась на две чуть поменьше: найти заклинание поиска по родственной крови и добраться до дневника Вайса, дяди Дакара, где должен быть описан ритуал перемещения между мирами. А уж нужное зелье сварить по рецепту я смогу!

Как бы мне не было стыдно, я больше не жалела, что воткнула кинжал в грудь Шатрэна. Это было страшно и очень опасно, но благодаря моей ошибке я смогла читать и писать на древнем языке. Шатрэн по всей видимости гений языка, раз его умение передалось мне во время ритуала. Я могла читать книги. Любые книги. На любом уровне древности языка. Чем как не вероятным везением я могла объяснить череду счастливых и крайне полезных совпадений?

Я проверяла книги полку за полкой, проверяя надписи на корешках, и таскала за собой стул, чтобы доставать до полок повыше. Но потолок кабинета был слишком высок, и я не могла добраться до верхних четырех. Мне были недоступны несколько сотен книг. А ведь среди тех книг наверху могла стоять та, что мне была нужна или хотя бы полезна для общего развития в правильном направлении.

Зелье левитации, которое наша группа варила на практическом занятии... Если бы я накапала зелье на туфельки, то поднялась над землей примерно на метр. Как раз метра мне не хватало, чтобы доставать до полки на самом верху. Длительность зелья около получаса и около сорока минут в двойной дозировке основного компонента. У меня должно получиться! Нужно только... забраться в подсобку, куда мне строго-настрого запретили лезть!

Как меня предупредил Шатрэн, подсобка была заперта. Выбить дверь не было хорошей идеей. Особенно с учетом того, что дверь была массивная, а я не очень. Скорее я себе что-нибудь сломаю, чем заберусь в подсобку и найду ингредиенты для зелья левитации. Учебник, который мы использовали на занятии, лежал на преподавательском столе. Хорошо хоть его не нужно искать.

У меня был выбор дожидаться Шатрэна и выпросить у него консультацию. Но тогда он проконтролирует, чтобы зелье никуда из кабинета не вышло. И смысл тогда варить его здесь? Лучше в сокровищнице, и я снова возвращалась к проблеме поиска Дакара, который сможет провести по лабиринту.

А можно дожидаться Шатрэна и выпросить у него рецепт какого-нибудь зелья, которое поможет мне вспомнить и запомнить навсегда правильную дорожку от статуи крысы-воина к сокровищнице в лабиринте тайных ходов. А зелье все равно варить придется на консультации, и я попробую заныкать дополнительный комплект ингредиентов или даже немного зелья. Надо будет только маленький сосуд подготовить.

Книги на верхних полках не интересовали меня настолько сильно, как поиск способа вернуться в сокровищницу, а потом обратно. Мне не нужен был проводник. Я сама должна выучить дорогу. Я могла поклясться, что Дакар тоже не сам ее запомнил, а с помощью магии врезал в память.

Только спустя два часа с начала отработки я взяла в руки швабру и тряпку. Вторая за время моего отлынивания успела высохнуть, и пришлось заново споласкивать ее. Между столиками и на свободных поверхностях я смогла по-быстренькому пройти шваброй, а вот в труднодоступных местах пришлось отставлять швабру и мыть ручками на коленях. Зато к возвращению Шатрэна работа была закончена.

– Ты все еще здесь? – удивился Шатрэн, склонив голову. Видимо я сильно задержалась на отработке наказания. – Меня ждала?

Он конечно чертовски догадлив, но в моих руках все еще была не отжатая тряпка, так что у меня была приличная отмазка. И все равно он почему-то кинулся к подсобке проверять не взломала ли я дверь и не украла ли чего-нибудь еще очень редкого и дорогого, как те эликсиры, оставшиеся еще от предшественника.

– Честно говоря, – я отжала тряпку и бросила ее на пол рядом с ведром, – вы обещали мне сварить со мной зелье. И я знаю, какое хочу сварить.

– И какое же?

– Не знаю, – призналась я, вызвав улыбку Шатрэна. – Я имею в виду, что мне нужно зелье памяти. Мне очень сильно нужно кое-что вспомнить и запомнить это навсегда.

– Возможно «Слезы Аулии» то, что тебе нужно, – подумав немного, сказал Шатрэн. – Но я не помню, чтобы обещал тебе сварить с тобой зелье.

Он придрался к слову «обещал», ведь действительно он мне ничего не обещал, а лишь поддерживал разговор, чтобы вывести «воровку» на чистую воду и заставить признаться в краже. Но я, лично я, ничего у него не крала (за исключением чудесной способности знания древнего языка магии).

– Пожалуйста. Мне это очень нужно, – умоляла я. – Мне очень-очень нужно кое-что важное вспомнить.

– И ты, конечно же, мне не расскажешь? – поддел Шатрэн, а я смотрела в его изумрудно-зеленые лукавые глаза и пыталась вывести мужика на совесть. – «Слезы Аулии» помогут тебе вспомнить твое прошлое. Зелье не очень сильное, можно сказать слабое. Как много времени прошло с событий воспоминания?

– Меньше недели. Само воспоминание по времени меньше часа. Не могу сказать, сколько конкретно. Не помню точно.

Я всерьез задумалась, как долго мы с Дакаром в крысином облике бегали по лабиринту тайных ходов академического подземелья. Будучи крысой, мне показалось то время вечностью, но прошло гораздо меньше часа. Вряд ли в новом непривычном облике я смогла бы долго бегать и практически не запыхаться.

– Тогда подойдет. Растапливала когда-нибудь кристаллы? Я делал магистерские исследования в том числе по «Слезам Аулии» и у меня остались образцы в закристаллизованном виде. После распределения по направлениям одно из первых занятий будет посвящено кристаллизации зелий.

– Ни разу.

Закристаллизовать зелье? Это что-то вроде создания натуральной оболочки для зелья, если под рукой не было подходящего сосуда? Очень хорошее предложение! Я обязана научиться этому приему как можно раньше. Зельеварение, как мне казалось, подходило мне и я чувствовала себя уверенно рядом с котлом.

– Разве? – Шатрэн мне не поверил и сощурил глаза. – Мне показалось, что зелье на клинке было наполовину кристаллизовано. Разве не ты сварила его от начала и до конца? Я знал кадема Дакара лично и видел на что он способен. Такая тонкая работа ему не по силам. – Шатрэн задумался на мгновение и продолжил. – Либо он настолько искусный лжец, что я не заметил подвоха.

Даже так? Тогда я могу не просить Шатрэна учить меня, как кристаллизовать зелья. Волшебный котелок-артефакт сам научит меня этому и другим полезным фокусам. Без его помощи сотворить столь «тонкую работу» я тоже была бессильна, как и Дакар. А вот Вайс, его дядя, должен был уметь. Он же крутой зельевар-преподаватель в Академии Трех Сил! Ну, по словам самого Дакара.

– Тогда я покажу, как это делается.

Минут десять потребовалось на то, чтобы подготовить стол и материалы для последующего растапливания. Обычный котел пришлось отставить подальше, чтобы не мешал. Вместо него на стол водрузили штатив с креплением для небольших кристаллов, а под нее встала толстенная и низенькая спиртовка. На нижнее крепление штатива закрепили тонкое стеклянное блюдо.

– Агат, – прошептал Шатрэн командное заклинание, и на кончиках его пальцев загорелись пять огоньков. Как только он свел их вместе, пламя выросло и стабилизировалось. – Точно. Я обещал рассказать про командные заклинания, а не сварить с тобой зелье!

– Да какая теперь разница? – отмахнулась я, недовольно беспокоясь, что зельевар может как-то попятиться назад и попортить мои планы. – Слово вольной птицей вылетело в окно.

Шатрэн зажег спиртовку, и первые несколько минут с фиолетово-голубым полупрозрачным кристаллом ничего не происходило. Пламя спиртовки росло и нежно ласкало нижнюю половину кристалла, не поднимаясь выше, зато с легкостью проходя сквозь блюдо, словно его не существовало или оно было неприкасаемым, словно призрак.

Наконец первая капля скатилась по кристальной грани и ударилась о блюдо. Вот оно, началось! Завораживающее зрелище! Кристалл таял, словно снеговик весной, и собирался в лужицу в углублении, пока не истаял целиком. Шатрэн моментально погасил пламя, чтобы не было дополнительного нагрева ни блюда, ни самого зелья. А в блюде сверкало на свету ровное полотно ледяного голубо-фиолетового оттенка, словно искорки-пайетки на детском новогоднем костюме.

– Теперь, – Шатрэн вытащил из штатива блюдо и подал мне. Оно так быстро остыло, раз уж он взял его голыми руками, – выпей это. Но сначала хорошенько подумай, какой конкретно момент жизни ты хочешь запомнить навсегда. Не ошибись. Если нечаянно вспомнишь что-то очень нехорошее, то плохое воспоминание будет преследовать тебя до конца твоих дней.

Негатива в моей жизни без угроз предостаточно, так что я постаралась мысленно вернуться в тот момент, когда забегала за Дакаром-крысой в норку тайного хода. Еще ближе к нужному мне событию я подойти не могла никак. Ближе некуда. Начиная примерно с этого момента я всегда смогу найти путь к сокровищнице, если меня не стукнет склероз, и я не забуду, где расположена эта норка.

Взяв из рук Шатрэна блюдо со «Слезам Аулии», я в один глоток выпила талое зелье и закрыла глаза. Передо мной встали воспоминания того дня и толстенная крысиная попа с длинным хвостом моего призрачного проводника. Я еще раз прошла путь по лабиринту тайного хода, а когда открыла глаза, то запомнила его наизусть, словно путь от моей комнаты до холодильника в кухне.

– Получилось, – выдохнула я. – А я теперь точно никогда не забуду то, что сейчас вспомнила?

– Это радостное воспоминание? – уточнил Шатрэн, прибирая стол. – Надо было спросить об этом до того, как мы начали. Не хотелось бы участвовать в самоистязании.

– Очень, – согласилась я, кивая. Воспоминание на самом деле было радостным. Я нашла себе не только союзника призрака, но и других в виде одушевленных артефактов в Забытом городе.

И это в тот момент, когда я пала духом и не знала, что меня ждало и ждало ли вообще что-то хорошее. – Очень счастливое.

Я улыбалась. Теперь со мной все будет хорошо. В крайнем случае я сбегу в сокровищницу и спрячусь среди потерянных артефактов. Их магический фон не позволит моим врагам найти меня, а заклинание поиска на крови не сработает, потому что я уже поставила барьер против него несколько дней тому назад.

– Уже поздно. Мне наверное лучше вернуться в общежитие, – вспомнила я, жалея, что не смогу отправиться в сокровищницу немедленно. Шатрэн наверняка попыбует проследить за мной и увидит, как я превращаюсь в крысу. – К тому же мои соседки очень чутко спят. Если приду еще позже, точно разбужу их. Надо успеть до того, как они лягут спать.

– Ты права. Сегодня был трудный день. Тогда встретимся на следующем занятии.

Шатрэн соглашался со мной, что пора разойтись, но я чувствовала, что это еще не все. Мне нужно было сказать еще что-то, чтобы уж точно попрощаться и не вызвать серьезных подозрений. Я в принципе слегка заиклилась на том, чтобы ни у кого не вызывать никаких подозрений настолько, что своим «невызыванием» буду подозрения вызывать.

– А когда будет консультация? Не только мне, всей группе нужно сварить зелье левитации. Я ведь сорвала практическое занятие.

Пожалуй, это самый хороший и уместный вопрос. Так я красиво закончу сегодняшний исследовательский вечер и найду в себе силы, чтобы доползти до общежития и своей кровати. Рухну на нее, не раздеваясь. Хотя, нет. Халатик надо будет снять. Я ведь руки об его полы вытирала после того, как выжала грязную тряпку. Встану пораньше и забегу в сокровищницу, чтобы в артефактном тазике вещи постирать.

– Не бери в голову. Я видел, ты сварила зелье идеально. Я засчитал тебе его еще днем. Не только тебе, а также еще нескольким парам кадемов. Зелье действительно очень простое, и нужно сильно постараться, чтобы испортить его.

– Но ведь у меня получилось... испортить. Даже стараться не пришлось.

Шатрэн рассмеялся так устало и по-домашнему. С ним было спокойно и уютно, несмотря на то, что разница в возрасте у нас с ним была невелика. И теперь я чувствовала, что пришло время уйти. Нужно воспоминание врезалось в подкорку, и теперь я без помощи призрака смогу найти сокровищницу. Главное подгадать время, чтобы никто не проследил за мной и даже мельком не увидел, куда я иду.

Моя жизнь наконец-то начинала налаживаться. Еще несколько часов назад я совершенно не представляла, что мне делать в отсутствии единственного союзника и как добраться до сокровищницы, где у меня были реальные возможности что-то сделать. Теперь первостепенная задача решена, и мне нужно хорошенько выспаться, прежде чем преступить к выполнению следующего шага моего гениального плана.

– Не бери в голову, ты не виновата, – усмехнулся Шатрэн. – В том, что произошло, есть большая доля вины самого кадема Каннема. Я потому и удивился, что зелье не могло сработать так, даже если переборщить с перьями гамон. Кадем Каннем явился на занятие с грязными руками и снял перчатки в процессе занятия. Частицы других веществ прореагировали с зельем, и мы получили то, что получили. Если бы он не снял перчатки, ничего бы не произошло. Техника безопасности.

– Правда? То есть моей вины в произошедшем нет? – я была поражена, и на душе стало гораздо легче. – Нет, я... понимаю, конечно, что это я перевернула котел, но... я не специально целилась в Каннема. Я его просто перевернула. Мне нельзя было этого делать, но он уже несколько часов доводил меня. Я не хочу с ним общаться. Он мне не нравится. А он лезет и лезет. Человеческого языка вообще не понимает!

– Кадем Каннем... – Шатрэн вдруг замолчал, подбирая правильные с его точки зрения слова. – Он сын очень богатого человека. В семье он испытывает огромное давление. Я видел, как он был счастлив вырваться на свободу из-под отеческой опеки, когда сдал экзамены и получил возможность ходить на пре-академические курсы. И как он был разочарован, когда понял, что все его новые друзья заинтересованы исключительно в его отце и наследстве, которое он однажды получит.

– А я здесь причем? Мне не нужны ни его деньги, ни его влияние! – возмутилась я, скрестив

руки под грудь.

– Возможно он увидел в тебе эту незаинтересованность и решил проверить, действительно тебе неинтересно или ты просто не узнала его? Такое его поведение началось ведь не с первой минуты знакомства? Уже позже?

– Ну, не с первой. Я вроде бы попыталась отделаться от него. Утром у меня другие дела были, нежели развлекать незнакомого парня в коридоре.

– Кадем Каннем крайне общительный и дружелюбный человек. В чем-то даже наивный. И ему очень больно, что никто вокруг не видит в нем его самого, а не отца и его влияние и деньги. А те, кто не видит, для тех он просто невидимый. Их отношения с сестрой весьма показательны в этом плане.

Я задумалась. Каннем – экстраверт. Для него оставаться в одиночестве примерно тоже самое, что для меня оказаться втянутой в шумную тусовку. Наверное ему больно не меньше, чем мне, когда он вынужден терпеть то, что противоречило его природе. Но от того, что один экстраверт не мог найти себе верного друга, я не обязана страдать. Почему я должна помогать ему в ущерб себе?

– Однажды ему с кем-нибудь повезет, но этим кем-нибудь буду точно не я, – напоследок сказала я, отмахиваясь от чужой проблемы. Меня не интересовали друзья в этом мире, ведь я не планировала долго задерживаться здесь. – Доброй ночи.

– Спокойной ночи, Анита.

Мы попрощались, и я ушла. На душе было тяжело от осознания, что не я одна страдала из-за окружающих. А еще я не понимала, как можно было страдать от того, что к тебе никто не лезет и никто не мешает заниматься своими делами? Это же потрясающе! Я была бы счастлива, если бы меня никто не трогал!

Но покой мне только снится. То есть не снится. Мне вообще ничего хорошего не снилось в последнее время, хотя я стоически пыталась заснуть и хорошо отдохнуть. Сегодня я избавилась от еще одной серьезной проблемы, так что засыпать мне должно быть гораздо легче. В голове не будут крутиться нервные мысли, как мне добраться до личного дневника дяди Дакара без самого Дакара.

В пустых и тихих коридорах замка было прохладно. Времени до комендантского часа хватало впритык, чтобы успеть вернуться в комнату. А меня почему-то тянуло в академический сад за розами. Еще вчера мне очень сильно хотелось срезать одну, чтобы поставить в вазочку на подоконник или на полочку в шкаф. Вчера у меня не оказалось под рукой ни ножа, ни вазочки. Сейчас тоже не было ни того, ни другого, так что придется потерпеть. Хотя казалось бы идеальная возможность срезать один цветочек. Хозяина-то нет!

Я блуждала по коридорам замка, направляясь в комнату скорее по наитию, чем по памяти. Вместо общежития вышла на один из общественно доступных балкончиков. На точно таком же мы с Кари-Канной поговорили по душам и помирились. Не то чтобы мы ссорились, но у меня было ощущение, что мы все-таки находились либо в ссоре, либо на границе того, чтобы серьезно повздорить.

Прохладный свежий воздух вокруг был совсем не таким, как дома. Я пока не знала, каким на самом деле был этот мир, но он не шел ни в какое сравнение с загазованным и загрязненным моим миром, полным технологий на весьма средненьком уровне развития. Тем не менее мой дом был там. Там был единственный дорогой мне человек – Марина Васильевна. И я хотела вернуться туда, чтобы жизнь стала такой же понятной, как прежде.

Осталось совсем недолго... Как только попаду в сокровищницу, сразу же узнаю о одушевленных артефактах как путешествовать между мирами и как искать человека по крови. Кости моей матери приведут меня в родной город, а оттуда я смогу связаться с Мариной Васильевной, и она заберет меня. Город, в котором я родилась, и город, в котором я жила последние шесть-семь лет, находились друг от друга всего в нескольких часах пути в машине или в автобусе.

– Осталось недолго, – прошептала я в ночь, улыбаясь самой себе. – Очень скоро... я вернусь домой.

Чем глубже становилась ночь, тем сильнее холодало. Поежившись, я ушла с балкончика и целенаправленно пошла в комнату в общежитии. Там стояла кровать, там было теплое одеяло

и нормальная человеческая пижама, в которой я точно не замерзну. Комендантский час уж точно пробил, а я все еще гуляла по замку. Как бы еще одну отработку наказания не заработать. Мне совершенно не понравилось, хотя мыть пришлось только один кабинет.

В нашей с соседками комнате все еще горел свет, так что я спокойно вошла без зазрения совести и не крадучись. Все равно некого будить. Нари и Сари готовились ко сну, о чем-то переговариваясь. И они обе резко замолчали, стоило мне войти в комнату. А вот Кари-Канны в кровати и в комнате не было вообще. Значит ее действительно отправили прислуживать брату. Надеюсь, он не станет над ней издеваться. Хотя кто его знает...

Девушки жестко и с вызовом посмотрели на меня, что меня пробрал холодный пот. Что такого я сделала им плохого? Кари-Канна немного пострадала, но, как сказал Шатрэн, большая часть вины лежала на Каннеме, а не на мне. Это он проигнорировал правила безопасности и всячески выводил меня из себя. Я конечно тоже виновата, но в гораздо меньшей степени, чем он.

– Ты что... собираешь просто лечь спать? – возмутилась Нары, подойдя к моей кровати и взглядом расстреливая меня. Если бы она была Медузой Горгоной, у меня были бы серьезные неприятности.

– Да. А что случилось? Если вы о Каннеме, так он сам виноват. Это он пренебрег правилами безопасности! Это из-за него я перевернула котел. Это он обмазался какой-то дрянью, которая прореагировала с зельем!

– Из-за тебя, – Нары ткнула меня пальцем в грудь, – Кари заставили уехать из академии и прислуживать брату. Если бы ты не возомнила о себе слишком много, ничего бы не произошло!

– Какого черта ты обвиняешь меня? – вспыхнула я. Я признавала, что произошедшем была часть моей вины, но не более того. Всего лишь часть. – Обвинить Каннема кишка тонка? Боишься его папеньки и ищешь, на ком сорвать злость будет безопаснее? А ты случаем не потому ли с Канной дружишь?

– Да как ты смеешь?! – прорычала Нары. Мне показалось, что она на меня сейчас накинется. – Мы с Канной настоящие подруги!!!

Я усмехнулась. Как легко вывести человека на чистую воду, немного выведя его или ее из себя. Немного злости, и все тормоза срывало, а рамки вырывало из всяких границ. Не такая уж хорошая подруга у Канны, как она считала. Нары подружилась с ней, чтобы иметь возможность приблизиться к ее брату – любимчику отца и наследнику состояния!

– Тогда почему ты назвала ее Канной? – небольшое несоответствие я заметила сразу. – Когда Канну назвал Канной Каннем, она взбесилась. Вы вдвоем называете друг друга Кари, Нары и Сари. Тогда почему в отсутствие Канны ты называешь ее именем, которое ей противна. В ее присутствии всегда контролируешь себя, чтобы сболтнуть не то? Если бы вы были ее настоящими подругами, ты бы привыкла называть ее Кари и никогда не назвала ее Канной!

– Ты все врешь!

Нары кинулась на меня, а я только успела выкинуть руки вперед в защитном жесте. Взбешенная Нары остановилась, чудом не напоровшись на клинок. Мой атамэ появился из воздуха, когда оказался так нужен! Лезвие сверкало на свету, а водные ножны были практически незаметны. Нары все-таки напоролась на клинок, и если бы не ножны, то могло случиться непоправимое.

Второй жертвы мне не хотелось. Вторая бы умерла, потому что я была абсолютно уверена, председательница не стала бы спускать на лечение Нары столько же сил, сколько спустила на лечение Шатрэна. Эта девушка была для нее просто студенткой, одной из многих, а Шатрэн был ей дорог.

– В академии запрещено хранить оружие, – спокойно сказала Сари. Она встала со своей кровати и медленно подошла к нам. – Опустить, – сказала она мне без единой приказной нотки. Я опустила. – Меня зовут Сабрина. Наши похожие имена что-то вроде визитной карточки, потому что Кари очень неприятно, когда ее называют ее настоящим именем. Объяснять это всем очень трудно и даже невозможно. Сделать подобные имена фишкой трех подружек показалось мне классной идеей.

Очень по-дружески со стороны Сабрины предложить такой вариант, если это было правдой.

Но в лицемерии Нари я была уверена на все сто процентов. Если бы она была целиком и полностью на стороне Канны, то произошедшем обвиняла бы целиком и полностью Каннема, а не меня, по ошибке ставшей предметом его интереса неизвестного характера.

– Если хочешь общаться с Каннемом, просто подойди к нему и скажи, – предложила я идеальный выход. Для себя в первую очередь. Тогда интерес Каннема перекинется на Нари, а ко мне угаснет. – Если же он тебя уже отшил, то нужно было не так явно показывать, что тебе нужен только его отец.

– Какая ты мерзкая! – бросила колкую фразу Нари и вылетела из комнаты, хлопнув дверью.

– Она пошла жаловаться на мой кинжал? – спокойно спросила я Сабрину, и девушка пожала плечами. Атамэ исчез из моей руки, стоило мне только пожелать этого. – Тогда я тоже пойду. Не буду дожидаться, пока Нари притащит сюда какого-нибудь преподавателя, и меня отчитают.

– Как хочешь, а я пойду спать.

Кивнув, я переоделась в пижаму, вытащив ее из шкафа и потянулась в поисках тетради, но не нашла ее. Точно! Кака я могла забыть? Я оставила все свои учебные принадлежности в кабинете зельеварения. Я ведь после ужина сразу отправилась на отработку наказания в подземелье, не зайдя в комнату, чтобы положить вещи. Будет причина утром зайти к Шатрэну и беспалевно покинуть сокровищницу.

Я покинула крыло общежития незадолго до того, как туда явилась Нари в сопровождении двух незнакомых мне преподавателей. Голос гиперэмоциональной Нари я услышала за своей спиной и в последний момент успела спрятаться в темной нише, когда шедшая по мою душу троица собиралась повернуть за угол. Выждав немного времени, я стремглав помчалась в подземелье.

Глиняная статуя крысы-воина словно ждала меня, и я забежала за ее спину и нашла точку трансформации. Габариты маленькой крыски мне были совершенно непривычны, но я старалась не обращать внимание на большое тело и маленькие конечности, пока эти самые конечности передвигались и несли меня по лабиринту тайного хода в правильном направлении.

В точке выхода я вылетела в человеческом облике, забыв затормозить, и во второй раз въехала в кресло-мешок. Как удачно его здесь поставили. В прошлый раз я выбила всю пыль из него, что сейчас сыграло хорошую службу. Надо бы придумать что-нибудь такое, что будет сдерживать попытки полетать, либо напоминать о своевременном торможении. Надо подумать.

– Бирихану биритвали, – вспомнила я заклинание, вставая с колен, и свет зажегся.

В Городе забытых артефактов за время моего отсутствия ничего не поменялось. Не так уж долго я отсутствовала, чтобы здесь могло появиться много новинок или хотя бы образоваться тоненький слой пыли на вещах в отмытом «кабинете». Прогулявшись до кабинета и не увидев ни один из изыятых у меня артефактов, я скинула форменный халатик и нашла взглядом артефактный таз.

– Котелок, расскажи о зельях перемещения между мирами и поиска на крови, – попросила я, кидая халатик в таз. Спустя десять минут он будет чист, свеж и мят. В сокровищнице я пока не находила ни артефактного утюга, ни обычного. Впрочем найти здесь обычный утюг будет гораздо сложнее. – Или подскажи, в каких книгах я смогу найти их.

– А Дакара освободить не хочешь? – поддел меня котелок, также не здороваясь, как не поздоровалась я.

– Как только найду его, так обязательно освобожу, куда бы он не влип, – немного подумав, пообещала я. – Он исчез, когда мой план провалился. Хорошо конечно что он провалился. Я чуть невинного не убила. А вот пропажа Дакара мне совсем не нравится. Но это не значит, что я откажусь от своей главной цели, если он не будет помогать мне.

– Его поймал Алгарсис, – вздохнуло старое зеркало и показало мне старого ректора. – Он увидел Дакара в столовой и заточил в золотой пряжке ремня. Если бы он выкинул пряжку или спрятал где-нибудь, мы могли бы попробовать призвать ее сюда в качестве одушевленного артефакта, но он носит ее с собой постоянно!

Попался? Как не вовремя! Пусть Дакар преследовал свои цели, но он также помогал мне достигать мои. Я не могла проигнорировать его заточение, даже если пройти оставшийся путь до возвращения домой могла без его помощи. Он мне реально помог, и у меня не было другого выбора, кроме как найти способ спасти его.

– Есть предложения, как еще можно выкрасть пряжку? – спросила я у коллективного разума одушевленных артефактов, и ответом мне было гробовое молчание. – Неужели ни у кого нет ни одной, даже самой фантастической, идеи? Хоть что-нибудь? Председательница охотится на ректора Алгарсиса. Приблизиться к нему будет вдвойне сложно, даже если зеркало кинет меня к нему под ноги.

Плохие новости – тоже полезные новости. По крайней мере мне больше не нужно беспокоиться, что Дакар мог отправиться на тот свет, не предупредив меня. Это было бы крайне невоспитанно с его стороны. Что же касалось его спасения, то мне придется крепко подумать, как заполучить золотую пряжку ректора Алгарсиса, в то же время не попав в обзор председательницы и Шатрэна. Моя излишняя заинтересованность могла излишне заинтересовать их, и контроль надо мной усилится.

Форменный халатик выстирался, и я повесила его отвисать на край зеркала. Для большего комфорта мне не хватало платяного шкафа, купальни с умывальней и скатерти-самобранки. Тогда я вообще могла бы не выходить из сокровищницы. Меня правда искать начнут... как минимум Шатрэн... а мой барьер против поиска на крови основывался на его крови, так что он найдет меня в считанные часы. Нельзя мне исчезать из поля зрения. Как жаль.

– Тогда давайте вместе подумаем об этом завтра, а пока мне нужны названные зелья и связанные с ними заклинания. И спать. Никто не знает, здесь одеяльце с подушкой нигде не найдется? Я как раз пижаму с собой принесла.

Пижаму пришлось надеть на себя, иначе она бы не трансформировалась, и я бы не смогла протащить в сокровищницу. Соорудить в комнату общего доступа копию волшебного зеркала для телепортаций я не могла. Не хотелось бы раскрывать свои секреты перед соседками и в особенности перед Нарю, которая меня успела возненавидеть из-за внимания Каннема. А я ведь до сих пор не знала ее настоящего имени.

Одеяло нашлось, подушка нашлась и даже нашлась бадья-самолейка, которую можно использовать для умывания. О скатерти-самобранке мне оставалось только мечтать, либо перерывать горы завалов в Городе забытых артефактов. Как же хотелось, чтобы однажды кто-то разобрал здесь весь срач, но я не готова была отдать этому великому делу всю свою жизнь.

– Диванчик, ты моя! – пообещала я и устроила себе кровать. Здесь никаких других людей кроме меня не было, и я рассчитывала наконец хорошенько выспаться. И, казалось, мне удалось это.

Кошмары достали меня даже в сокровищнице, хотя были гораздо слабее. На утро я не чувствовала себя настолько разбитой, как когда спала в комнате в общежитие, но что-то все равно не давало мне спокойно жить и спать. Шли дни, я ходила на теоретические в основном занятия и редко публично практиковалась в магии. На консультацию к Шатрэну я все-таки сходила, но стащить немного зелья левитации не смогла. Шатрэн бдил и бдил в основном за мной.

Розы, высаженные Каннемом в академическом саду цвели и пахли, даже не думая выцветать. Если бы в моем мире садоводы оставили розы дикими, то кусты иссохли или превратились в сорняки за считанные недели, а то и вовсе дни особо привередливые сорта. Я обнаглела настолько, что срезала целый куст, убедившись что на нем ровно нечетное количество стеблей с бутонами, и поставила в вазочку на рабочий стол в сокровищнице.

Сегодня я проснулась пораньше и умывалась в умывальне на этаже первогодок и даже в женской, во второй раз не перепутав нужную дверь с соседней. Я смотрела в зеркало на свое мокрое от воды и серое от недосыпа лицо и не знала, что мне делать. Что-то со мной было не так, или кто-то пытался свести меня с ума. Вот уже несколько дней мне казалось, будто меня кто-то преследовал. Но я не могла ни поймать злоумышленника, ни застать его с поличным.

Я могла бы пожаловаться Шатрэну, но не хотелось грузить его своими проблемами. В последние дни он так часто выбирался из своего подземелья, что это начинало меня беспокоить. Дакар говорил, что Шатрэн месяцами мог пропадать в своей лаборатории, не поднимаясь на поверхность и не видя солнца.

Впрочем один подозреваемый у меня все-таки был. Наяна. Моя бывшая соседка по комнате, выставившая себя конченной душой перед преподавателями, когда пыталась обвинить меня в хранении оружия. Сабрина не сдала меня, хотя могла это сделать. Теперь между ними пробежала кошка раздора имени меня, и я вообще не хотела даже приближаться к нашей комнате. Когда вернется Канна, она сильно удивится, почему ее подруги поссорились. Расскажет ли Сабрина, что Наяна дружила с Канной только ради Каннема? И чью сторону займет Канна?

Я выключила воду и выпрямилась. Я выглядела настолько плохо, что даже русые волосы потускнели, приобретя грязный пепельный оттенок. Мне казалось, что мои волосы похожи на переполненную пепельницу, а не колосистую пшеницу. Что мне еще не хватало? Я хорошо ела и много спала. Угроза нападения, похищения и продажи в рабство сведена практически к нулю. Поиски способа вернуться домой также имели некоторые успехи.

Вытеревшись одноразовым полотенцем, я выбросила его в урну и снова посмотрела в зеркало. Времени было еще предостаточно до того, как начнут просыпаться другие кадемы, и я могла пройти сквозь это зеркало, словно через портал. Старое зеркало подключило меня к своей сети и присматривало, не готовилось ли где в академии преступление против меня. А еще оно следило за Наяной. Именно благодаря зеркалу я узнала настоящее имя девушки.

Я вытянула руку вперед и коснулась ладонью зеркальной глади. Мои пальцы вошли в зеркальное полотно, которое как бы предлагало мне войти целиком. По нему прошли круги, словно по воде, и появилось изображение моего учебного кабинета в сокровищнице. Теперь я стала называть его своим. Теперь это был мой кабинет. Можно сказать, что я получила его по наследству от Дакара, как когда-то сам Дакар получил его по наследству от своего дяди Вайса.

Через зеркало я вернулась в сокровищницу и полюбовалась не увядающими алыми розами, радующими меня уже который день. Я схватила сшитую из светлого в тон академической униформе брезента сумку с тетрадью, пеналом и методичками, и еще раз прошла сквозь зеркало в один из коридорных тупиков, где оставила полуметровое зеркало, приставив его к стене. Шанс, что меня застанут за телепортацией здесь был достаточно низок, чтобы я могла без сомнения использовать его.

Первым делом я проверила подземелье, где даже не надеялась встретить Шатрэна, ведь в последние дни он постоянно отлучался куда-то и мне, естественно, не докладывал о своих делах за пределами подземелья, а то и Академии Трех Сил вовсе. Ожидаемо в кабинете зельеварения я его не нашла и подсобка была заперта, словно его не было в замке вовсе. Мне оставалось попытаться застать его в столовой на завтраке, ведь и ему, и мне требовалась энергия для продуктивного дня.

В столовую я еле плелась чуть ли не через весь замок, настолько я была вымотана. Может

быть я заболела? На улице не лето, а ранняя осень. Самое время для размножения вирусов орв и орз с ангинами и иными спутниками осенней хандры. Надо будет выделить немного времени в моем слишком плотном расписании дел и зайти в лазарет, попросить что-нибудь тонизирующее и противогриппозное. Если я что-нибудь не сделаю уже сегодня, то завтра свалюсь с высокой температурой, а ухаживать за мной некому.

На завтрак давали омлет, и я села поближе к раздаче, пока толпа кадемов не заняла все свободные столики. Этот мне нравился больше всего, притом это был именно тот столик, за который я села в свое первое посещение столовой. Расположение было достаточно удобным: не в проходе, не у окна, чтобы не дуло, и недалеко от раздачи, чтобы долго не тащить тяжелый поднос. Обед всегда состоял из нескольких блюд, и дотащить поднос было той еще задачей.

Кадемы и даже преподаватели (в отдельный зал) понемногу пребывали, а Шатрэна не было ни следа. Я уже была на грани отчаяния, чтобы попробовать призвать его через свой защитный барьер, основанный на нашей крови, чтобы найти его. Но мне было лень, и у меня не было сил на эксперименты. Пойти что ли у кого-нибудь из преподавателей узнать? По расписанию стояли сдвоенные защитные чары (целых четыре часа!) но я могла в любой момент подойти с любым вопросом к Беатрис Шелливан. Мне казалось, она симпатизировала мне.

Преподавательница травоведения как раз около десяти минут назад зашла в малую столовую залу и уже должна была найти себе место и расположиться. Не хотелось конечно отвлекать ее от завтрака, но происходящее со мной и возможная слежка за мной беспокоили меня гораздо больше. Это могла быть угроза со стороны папашки или ректора Алгарсиса. Поэтому моя интуиция вызвала стресс, что и было причиной моего поганого самочувствия.

Решено! Я сделаю это. Вернув поднос в окно для последующего мытья, я спокойно прошла в зал для преподавателей и в нем нашла взглядом Беатрис Шелливан. Преподавательница сидела ко мне спиной и разговаривала с подругой, курирующей одну из групп направления светлый свет. То есть ко мне с вероятностью шестьдесят процентов не имела никакого отношения. Но она все равно приглядывалась ко мне, потому что в этом году она собиралась взять новую группу.

-- Кадемы Рэнвальд, вы здоровы? – спросила куратор истинно светлых, подняв голову и взглянув на меня.

– Приболела немного. Это все осень, – отмахнулась я. – Мне нужно спросить, не знаете ли вы или ваша подруга, где мне найти лектора Шатрэна? Мне он очень нужен. И чем скорее я его найду, тем лучше.

– Минт Шатрэн в ратуше получает повышение, – сообщила нам куратор истинно светлых. – Буквально на днях его назначили новым ректором.

– Правда? Все-таки он? Он ведь даже года в академии не проработал. – Преподавательница травоведения беззлобно возмущалась, но так словно сама метила сесть в ректорское кресло и занять его кабинет. – Почему его назначили ректором?

– А что случилось с ректором Алгарсисом? – встряла я, немного невоспитанно присев за столик двух преподавательниц без приглашения одной из них. – Мне казалось, он еще не один год прослужит верой и правдой великой цели.

– Дочка у него умерла. Хорошая была девочка, болезная правда, да отца не послушала и за мерзавца замуж вышла. Теперь сыночек ее сиротой остался. Ректор Алгарсис сказал, что внука сам воспитает. Потому и ушел из академии на пенсию.

Какое-то странное совпадение трагических событий. Отчего дочь ректора Алгарсиса неожиданно умерла? От болезни или была убита? Мне не хотелось думать, что это было как-то связано с председательницей и с Шатрэном. Союзничая с убийцами, я косвенно и технически тоже была бы убийцей.

А вот меня назначение Шатрэна ректором академии совершенно не удивляло. Я еще в лазарете после его ранения поняла, что председательница не просто так жаждала избавиться от ректора Алгарсиса. Ей нужна была солидная должность, чтобы усадить на нее сопротивляющегося и отбрыкивающегося Шатрэна. Видимо, он потерпел поражение в войне за свою независимость, раз в это самое время получал почести в городской ратуше.

– Спасибо. Я тогда пойду, перечитаю прошлую лекцию по защитным чарам.

Женщины попрощались со мной, и я ушла, оставляя их за чаем обсуждать новое назначение,

малоопытного преподавателя, неожиданно ставшим ректором, и трагическое осиротение малолетнего внука ректора Алгарсиса. А я мысленно молилась, чтобы мои временные союзники не имели никакого отношения к ее смерти.

У дверей в аудиторию защитных чар меня ждал сюрприз. Приятен мне он или неприятен я пока еще не решила. В Академию Трех Сил вернулся Каннем. Он стоял у дверей и всматривался в собирающуюся в коридорах толпу, словно искал кого-то. И что-то мне подсказывало, что я знала, кого именно он искал. И я не прогадала.

– Анита! – крикнул он, как только увидел меня. Не стал оставаться на месте и подбежал ко мне. Я не успела сбежать. Толпа, стремящаяся в столовую и из нее была настолько плотной, что я не успевала скрыться. – Я хотел попросить прощения за инцидент у Скороварки. Прости меня.

– Я отделалась легким шоком и одной отработкой, а ты в больнице пролежал несколько дней, – сказала я, параллельно думая, как отвадить его. И чтобы он не считал, что я таю на него зло, и чтобы не подумал, что я его готова принять с распростертыми объятиями. – Считай, ты уже заплатил за все, что сделал нехорошего. Просто оставь меня в покое, хорошо? Тогда подобных казусов в будущем больше не случится.

– Я тебя чем-то обидел? Был слишком назойлив? – пристал Каннем, целиком и полностью оправдывая характеристику, которую ему дал Шатрэн. Вот почему он выбрал себе в друзья единственного человека, кому друзья в академии не нужны совсем? Нам все равно вскоре придется расстаться навсегда. Мне будет больно прощаться с друзьями, если они у меня появятся. Будет лучше, если я вообще ни с кем не подружусь.

– А сейчас ты что делаешь? Ты мне надоедаешь. Хотел извиниться? Так извинился уже! Будь добр, отойди! Ты мешаешь мне готовиться к занятию. У нас сегодня должна быть длительная практика. Она растянется на четыре часа. А ты меня бесишь и заставляешь тратить на тебя драгоценную энергию. Парень, ты в друзья нашел не того человека. Совсем не того!

– Тогда почему ты ни с кем не общаешься? Мне кажется, ты так одинока...

– Когда кажется, у врача проверяться надо! – нагрубила я, дернувшись. – Галлюцинации в принципе не могут быть позитивным сигналом хорошего психического здоровья!

Возможно я была слишком жестока и груба, но я не знала как по-другому объяснить Каннему, чтобы он от меня отстал. Тем более что мне действительно нужно было немало времени, чтобы повторить все выученные щиты. На сегодняшнем практическом занятии мы будем работать в парах. На первом занятии повторим все изученные типы щитов по очереди, а на втором занятии щиты придется применять в зависимости от используемого типа атакующего заклинания.

Постепенно я влилась в академическую жизнь, и если бы у меня не было причин возвращаться домой, то я наверное осталась бы здесь навсегда. Наверное. Опасения, что мое прошлое всплывет и будет угрожать моей жизни, всегда бы следовали за мной по пятам. Так жить тоже нельзя. Может быть у меня не было выбора – оставаться здесь или возвращаться домой – вовсе.

Каннем отступил. Пока. Вряд ли он откажется от идеи общаться со мной, если я в его глазах была единственной, кто не смотрел на него через призму богатства и влияния его семьи. Разве кадемы в этой академии настолько меркантильны? Или было в самом Каннеме нечто такое, что отпугивало от него обычных парней и девушек? Почему только плохие липли на него, как на мед? Множество мух не ошибается...

Время до начала занятия пролетело слишком быстро. Из-за разборок с Каннемом и беспокойства за Канну-Кари, которую я не видела среди первоодок, я не успела повторить лекционный материал. Сегодня было очень важное для меня занятие, ведь я не могла игнорировать обучение способам самозащиты. Использование щитов было идеальным способом защиты от магических атак, и я была обязана им овладеть в совершенстве.

– Заходите-заходите, – позвал Альтир Шенк, преподававший защитные чары в Академии Трех Сил вот уже более сорока лет. Используемый на занятиях учебник написал он, как и детски монографий своих путешествий в дальние места силы и природные заповедники. – Не задерживайтесь! Нам сегодня очень многое предстоит сделать.

Чего я не ожидала на сегодняшнем практическом занятии, так это предварительной письменной работы. У Альтира Шенка был очень интересный способ проверять знания кадемов. Он накладывал маленькие щиты на свои листы с тестами, на каждой строчке которых

можно было написать только два раза и нельзя ничего стирать. После завершения теста кадемы сами отмечают верные ответы, тратя вторую попытку, а ложь жестоко наказывается аннулированием работы.

Мне казалось, что я знала теорию достаточно хорошо, чтобы не провалить тест и написать его в худшем случае с двумя-тремя ошибками. В заданиях ничего сверхсложного я не нашла и надеялась на хорошую отметку. Тем более что от отметки зависел доступ к практической части сдвоенного четырехчасового занятия.

Альтир Шенк озвучил ответы на тест, давая кадемам самостоятельно выполнить его работу по проверке тестов. Ему в последствии останется только перепроверить и наказать обманщиков. Меня среди обманщиков не было, и я удовлетворенно выдохнула, увидев всего одну ошибку на тридцать вопросов теста.

О манере преподавания Альтира Шенка все кадемы нашего потока знали не понаслышке, поэтому подготовились достаточно, чтобы получить допуск к практической части занятия. Я видимо предупреждение о письменной работе пропустила мимо ушей, либо оно вылетело из головы. Из-за своего самочувствия я могла забыть все что угодно.

– Выходим на маты, ребята! – дал отмашку Альтир Шенк, приглашая всех пройти в большую часть аудитории.

Можно сказать, лекторий защитных чар занимал меньше трети, а то и четверть аудитории. В остальной части проводились практические занятия. Пол устилали пятисантиметровые маты, чтобы падать было не больно, а также у стен стояло многоОмного манекенов для отработки боевых заклинаний. Основы боевой магии у первоодков тоже вел Альтир Шенк.

– Разбиваемся на пары по алфавитному списку! – подгонял нас преподаватель, а я прикрыла глаза, думая, чем же я так сильно провинилась перед этим миром, что судьба и случай так жестоко издевались надо мной?

Рядом с Рэнвальд в алфавитном списке шла фамилия Рэндалл. Проблема заключалась в том, что в пару вставляли следующие за мной Канна и Каннем, и большинство преподавателей понимало, что меня и Канну следовало поменять местами во избежание катастрофы и срыва занятия. Канна кстати на занятии тоже объявилась, но не сказала мне ни слова и даже не посмотрела на меня. Что ей Наяна наговорила?!

– Я не виноват, – довольно пожал плечами и развел руками Каннем, вставая рядом со мной. – Ответственно обещаю и клянусь не паясничать и не раздражать.

– Именно этим ты сейчас занимаешься, – намекнула я, прекрасно понимая, что моего намека он либо не поймет, либо проигнорирует его. – Просто больше не подставляй меня и других. Ты понятия не имеешь, как мне было страшно, что из-за меня пострадал человек. Я признаю, что в том инциденте часть вины лежит на моих плечах.

Каннем улыбнулся, склонив голову. Неужели подумал, я простила его за то, что он поставил меня в такую неоднозначную и крайне неприятную ситуацию? Так вот это я не прощу ему никогда на свете. Даже когда вернусь в свой мир и просто забуду о его существовании.

– Так, замечательно! – хлопнул в ладоши преподаватель защитных чар. – Теперь кто-то один из пары возьмет одну из корзин с шарами, заряженными магическими заклинаниями. Раз вы пока не умеете создавать стабильные атакующие заклинания, будем использовать шары.

Каннем из джентльменских соображений сам сходил за корзиной, и я в последний момент прикусила язык, чтобы не сболтнуть лишнего. Выходило, что теперь он будет первым атаковать, бросая в меня шары, а я буду защищаться, выстраивая щиты. Если бы корзину взяла я, то шары бросала бы в него я. Надеюсь, он не собирался мстить мне, закидывая заряженными атакующими заклинаниями шарами слишком быстро и сильно?

– Теперь встаньте друг напротив друга на расстоянии десяти метров. Атакующий берет из корзины шар и бросает в защищающегося. Защищающийся поднимает щит и отражает атакующее заклинание. Все ясно?

У меня будет порядка четырех секунд, чтобы произнести заклинание и активировать щит. Во второй половине практики у меня будет не больше двух секунд, чтобы выявить тип атакующего заклинания, и еще две секунды на создание щита. Почему бы не использовать командные заклинания? Оно во много раз короче и могут быть произнесены не более чем за одну секунду.

Несмотря на появление у меня тематического вопроса, задавать его я не стала. Ответ мне примерно был ясен, что сначала нужно научиться создавать щиты и только после этого сокращать команды призыва. У меня проблем с заклинаниями не было никаких. Фактически мне нужно было по-русски как можно более кратко сказать, что я хочу сделать, а рот сам произносил нужное заклинание, если только я его предварительно выучила. Если не выучила, то заклинание выходило с правильным результатом, но неверной формулировкой. Лишние вопросы к моему способу чародейства и колдовства мне были ни к чему.

– Начнем с создания базового щита. Отражаем снаряды в базовом состоянии без магии, – скомандовал Альтир Шенк. – На счет три атакующие бросают мячи, а защищающиеся ставят щиты. Раз. Два. Три!

Каннем замахнулся и бросил в меня мяч. Раз секунда – я поднимаю одну руку, выпрямив указательный и средний пальцы, а остальные прижав к ладони. Два секунда – провожу пальцами прямую линию в воздухе. Три секунда – передо мной появляется сверкающая сетка энергетического щита. Четыре – мяч врезается в щит и отскакивает, падая на мат. Для всех вокруг все происходило во много раз быстрее.

– Отрази, – произнесла я, а что слышали другие люди вокруг меня я могла лишь догадываться. По идее это должно быть заклинание в самой простой формулировке среди тех, что мы должны были выучить. Я посмотрела на Каннема и никаких странных реакций не заметила. Значит, все получилось правильно.

Жест двумя пальцами помогал мне контролировать магический поток, чтобы не использовать больше резерва, чем нужно было. Я родилась в немагическом мире, и мой магический резерв, не натренированный годами практики в детской школе, как у других кадемов и кадеми, был гораздо меньше, чем у первоодков и даже школьников. Жесткий контроль используемых объемов магических сил уравнивал мои способности со способностями рожденных магами.

– Хорошо. В корзине еще девять мячей. Продолжаем! – скомандовал Альтир Шенк.

Для меня сегодняшнее практическое занятие было настоящей проверкой на прочность и выносливость. Без артефактов мой резерв крайне мал, а использовать силу артефактов и тратить ее зазря я не хотела. В крайний момент у меня под ругой может не оказаться артефакта, а я не натренировалась обходиться без внешних сил. Тогда у меня будут проблемы, и я могу попасть в безвыходную ситуацию. Буду пользоваться моментом и тренироваться.

Меня хватило на восемь попыток, а на девятую и на десятую пришлось приложить серьезные усилия, чтобы не проворонить мяч. После десятой попытки мячи были собраны обратно в корзину, и мы с Каннемом поменялись местами. Теперь мне предстояло бросать в него мячи, а он будет отражать их. За время небольшого перерыва я смогу немного восстановиться.

– Рэнвальд, сильнее бросай! Рэндалл не сахарный! Пропустит мяч, не помрет! – командовал Альтир Шенк, а я ничего поделать не могла. Метание ядра не подходящий для меня спорт, даже если в качестве снаряда был гораздо более легкий и упругий мячик. – Ты что в детстве с другими детьми в мячик не играла?

Да, не играла. Жизнь до знакомства с Мариной Васильевной я помнила слабо, предпочитая забыть то время вовсе. А в последние шесть лет я больше интересовалась дизайнами интерьера и проводила множество времени в интернете и в разъездах по строительным магазинам, выбирая материалы и записывая цены, чтобы упростить работу Марины Васильевны и оставить ей больше времени на отдых.

Попытке к пятой я приноровилась и бросала получше и напарника не подставляла косыми бросками. Как только корзина опустела, мы снова собрали мячи и поменялись местами. Базовый щит мы отрабатывали четыре круга, прежде чем перешли на более сложный уровень – вихревое заклинание. В создании оно было непростым, а в защите от него – чуть-чуть сложнее, нежели совсем без заклинания.

Второй уровень был уже сложнее первого. Я не могла сначала подготовить нужное количество магии для заклинания и только потом использовать его, произнеся формулу. Мне приходилось действовать одновременно: и отмерять нужное количество магии, и плести сеть щита, и напитывать его силой.

– Замедли и отрази, – выкрикнула я, боясь, что могу не успеть. Успела. Крученный магией мяч врезался в щит, но не пробил его буром, а задержался в воздухе, стремительно теряя скорость, и только после этого был отброшен в сторону.

Сотворить этот щит с легкостью я смогла четыре раза. В пятый и шестой раз мне пришлось сделать небольшое усилие, а как я смогла справиться еще четыре раза, я вспомнить не смогла. Под конец меня прошиб пот, и я покачнулась, чуть было не грохнувшись в обморок. Моего состояния никто не заметил, как никогда не замечали те, кто не чувствовал того же в этот же момент времени.

– Превосходно, Рэнвальд! – воскликнул Альтир Шенк. Я старалась пропускать мимо ушей его комментарии другим кадемам, но пропустить свою фамилию никак не могла. – Идеально!

Проблем со вторым заданием не было только у меня из всей группы. Я видела, как крученые мячи, сталкиваясь с щитами, не замедлялись, а наоборот раскручивались еще сильнее. И чем больше меня хвалил Шенк, тем больше неприязненных и завистливых взглядов других кадемов я ловила на себе. Зачем Шенк хвалил меня? Зачем ставил в пример остальным? Чтобы меня окончательно возненавидели? Пожалуйста, пусть он замолчит!

Смотря куда угодно, но только не на одноклассников, я помогала собирать Каннему мячи в корзину. Затем Альтир Шенк заряжал корзины с шарами, и кадемы повторяли упражнение по кругу, меняясь ролями атакующий-защитающийся. Только наша пара не менялась. Меня освободили от дальнейшей отработки защиты против вихревого заклинания.

– Покажи еще раз, как ты это делаешь? – подошел ко мне с вопросом Каннем, не повышая громкости голоса выше шепота. – Это твое движение пальцами? Что-то вроде этого, да? – Парень повторил за мной практически с идеальной точностью, но прикола в этом движении не догнал.

– С помощью этого движения я контролирую объемы использования своего резерва, – сообщила я страшную-страшную тайну. Судя по неудачам первоодков, успех созданного щита мог зависеть от количества затраченной энергии. Не меньше и не больше необходимого. – Резерв не бесконечен, а защитные чары не единственный предмет в расписании. Нужно сохранить силы на другие задания.

– То есть секрет не в движении, а в контроле потока? – задумался Каннем, разминая руки, а я кивнула. Я тоже устала все время подавать мячи, словно я машинка для отработки удара битой. – Тогда давай попробуем еще раз. Кажется, я понял, что нужно делать.

Встав на исходную позицию, я выбрала мяч, который мне «улыбнулся» и, не дожидаясь команды Шенка, пульнула мяч в Каннема. Он немного замешкался, но мяч не пробил щит, а упал на пол разорванный. Результат вышел неидеальный, но уже больше приближенный к правильному выполнению.

– Вроде я понял, что надо делать, – кивнул Каннем скорее автоматически, нежели действительно собираясь кивнуть. – Давай еще раз! В этот раз у меня точно все получится.

Еще одна попытка была более уверенной и успешной. В этот раз мяч только расплющило, а не разорвало. Другие кадемы, кто слышал наш с Каннемом разговор, попытались повторить, и с переменным успехом у них тоже получалось. Я контролировала поток, как то назвал мои действия Каннем, чтобы сохранить как можно больше сил при маленьком резерве, а оказалось, что это не экономия, а правильное построение щита против вихревого заклинания.

Первое занятие было потрачено на отработку всего лишь двух типов щитов, а на втором практическом занятии мы быстренько по одному кругу прошли все остальные типы... я бы хотела, чтобы все было так просто, но мы застряли на третьем типе. Третий тип – водный – подразумевал динамическое изменение плотности потока, с чем я снова справилась идеально, в отличие от всех остальных.

Почему так? Еще месяца не прошло, как я столкнулась с реальными проявлениями магии и начала учиться колдовать. Объемы моего резерва по сути мизерные в сравнении с урожденными жителями этого мира. Так почему я легко управляла силой, в отличие от более мощных первоодков? Или переливать воду в бутылку, не разливая мимо, из стакана проще, чем из ведра?

К концу четырех часов защитных чар я была выжата как лимон и даже не вспоминала, что мне нужно было найти Шатрэна и поделиться с ним моими опасениями насчет слежки. Не могла же у меня развиться паранойя на пустом месте? Кто-то планомерно издевался надо мной, и я намеревалась узнать, кто именно это был! С Шатрэном или без него!

– Анита, – ко мне подошел Каннем и присел рядом. Шенк не выгонял нас во время перерыва, и у меня была возможность немного посидеть и передохнуть. – Ты плохо выглядишь. Тебя

проводить в лазарет?

– Чего-нибудь тонизирующее я бы выпила, но я не хочу, чтобы меня заперли в лазарете с самыми лучшими пожеланиями к выздоровлению, – призналась я, подумывая, а не признаться ли в кое-чем еще. – Я не слишком жалую больницы. К тому же я итак пропустила несколько первых недель. Если слягу на больничный, догнать остальных мне будет очень сложно. Снова перетружусь и опять свалюсь с температурой. Оно мне надо?

– Если тебя увидит наш целитель, то цепями к койке прикует, – вздохнул Каннем, видимо припоминая личный опыт посещения академического лазарета. Притом он только первый день в академии после возвращения из больницы. Вряд ли он мечтал вернуться обратно даже ненадолго. – Тогда может Сковарку найти? Он ведь промышляет зельями для лазарета. И тебе чем-нибудь поможет.

– Не поможет. Он в ратуше регистрирует повышение до ректора. Алгарсис ушел на пенсию, и Минта Шатрэна назначили на его место.

– Вот так дела! Откуда инфа? – Каннем мне казалось не поверил. Как я поняла, в это никто не верил, ведь Шатрэн, по словам куратора истинных светлых, проработал в академии меньше года, и его назначение слишком фантастично. Значит о его странной связи с председательницей никто кроме меня не знал и даже не догадывался.

– Я утром его уже искала. Преподавательница одна сказала, чтобы я его не искала в академии. Как вернется, сразу появится.

Идея выпросить у Шатрэна тонизирующий тоник или согревающий травяной чай с мятой, как в первый раз, мне в голову не приходила, хотя идея замечательная. У него огромный запас кристаллизованных зелий, и среди них должно быть немало приносящих реальную пользу в быту. В конце концов сам Шатрэн не киборг и тоже простужался. Уж у него точно было зелье наготове в ожидании первого чиха.

– Кадеми Рэнвальд, кадем Рэндалл. – К нам подошел Альтир Шенк, и мы вынужденно прервали наш несомненно важный разговор. – У меня следующее занятие скоро начнется. Покиньте аудиторию.

– Да, мы уже уходим, – помимо своих вещей Каннем попытался взять мою сумку, но я оказалась проворнее. Еще чего не хватало, чтобы он мои артефактные вещи трогал! Если бы не иголочка, не было бы у меня такой удобной и функциональной переноски.

– Учитель, – я встала, сделав несколько шагов на сближение с Шенком. – Я хотела попросить вас больше не хвалить меня на глазах у всех. Вам все равно, а меня будут ненавидеть. Меня уже ненавидят некоторые кадемы лишь за то, что я это я. Мне уже мстят за то, на что я не могу повлиять. Пожалуйста, не добавляйте дров в огонь.

Альтир Шенк промолчал. Я видела, что ему нечего было сказать в ответ на мою просьбу. По идее, что он делал? Всего лишь хвалил кадемы. А то, что он как бы говорил «смотрите на Рэнвальд, она лучше всех вас», так и не понял. Может быть после моих слов до него дойдет, что так делать нельзя? Если хвалить кого-то, то не одного человека в течение всего занятия, а всех, у кого хорошо получалось. Либо вообще никого не хвалить, ограничиваясь положительными комментариями и советами.

– Войдите в мое положение, пожалуйста, – попросила я преподавателя защитных чар, кивнула в качестве прощания и отвернулась от него, уходя из кабинета.

Уже в коридоре, когда мы отошли на значительное расстояние и от кабинета, и от толпы рядом с дверьми, Каннем возмутился.

– Над тобой издеваются? За что?

То есть не «Почему?», а «За что?» За что? То есть это я виновата, что насобираала врагов таких как Наяна? Разве я специально каким-то образом привлекла Каннема? Это из-за того, что я привлекала его сама, а все мои попытки отделаться от него всего лишь фарс, чтобы пустить пыль в глаза? Он действительно был такой тупой и не понимал, что я не устраивала театральных представлений?

Вздохнув, я качнула головой и молча направилась в аудиторию, где нам читали лекции по истории. Меня ждали самые спокойные два часа в расписании, поскольку учить историю мне было незначительно. Через какое-то время я вернусь в свой немагический мир и забуду раз и

навсегда про этот. Зачем мне история этого мира? Она мне ни к чему.

– Эй, Анита. Анита! – Каннем догнал меня в два счета, а на счет три перегнал и встал прямо передо мной, вынудив остановиться. Лучше бы обошла. – Рассказывай давай!

Я знала, что он просто так не отстанет, пока я не расскажу ему все. Он будет ходить по пятам за мной, преследовать меня и спрашивать, спрашивать, спрашивать, требуя ответа. Пришлось рассказать ему историю Наяны и ее лицемерное использование дружбы с Канной ради шанса приблизиться к Каннему.

– Что ж... она выбрала не самый лучший способ добраться до меня. Мы с Канной с самого детства враждуем. Как же я ненавижу ее жалкие попытки пародировать меня. За что не возьмусь, она тоже лезет. Постоянно отбирает у меня вещи и увлечения!

– Это все, что ты можешь сказать? – моему возмущению не было предела. Он реально не понимал, что все поступки Канны продиктованы желанием привлечь внимание отца и понравиться ему. Доказать, что она не хуже брата из-за отсутствия огурца в штанах.

– А что я еще могу сказать? Что?

Я нахмурилась, обошла Каннема и пробежалась несколько метров вперед, чтобы показать – я не хочу, чтобы он следовал за мной. И мне плевать, что ему тоже нужно было идти на лекцию по истории в ту же самую аудиторию, куда спешила я. Шенк был прав, следующее занятие вот-вот начнется, а мы с Каннемом с тех пор еще кучу времени потеряли в разговорах.

В аудиторию я влетела буквально в последний момент, а вот Каннем получил нагоняй от преподавателя. Историю вел бодренький старичок худой как жердь и седой как дед Мороз. Мне нравилось, как он читал лекции, и я была даже немного разочарована, что он вел именно историю, а не какой-нибудь более полезный в моей ситуации предмет. С удовольствием слушала бы его и не засыпала, внимая рассказу.

Каннем прошмыгнул на место практически рядом со мной. Нас разделяло два места, и можно было сказать, что он научился не нарушать моего личного пространства. Интересно, он навсегда научился или только пока чувствовал себя виноватым передо мной? В его взгляде и мимике лица было ясно видно, что таки виноватым он себя чувствовал и испытывал при этом большой дискомфорт.

Уважения ради я достала толстую тетрадь и пенал, а из пенала ручку, хотя не планировала ничего конспектировать. Мне выпала удивительная возможность отдохнуть умственно и немного порисовать. Никто не будет ругать меня за каракули в тетради, как то было в школе.

– Откройте учебник на сорок первой странице, – громогласно попросил старичок, обратив мое внимание на себя. Его голос был очень громким, так что на его лекциях было невозможно заснуть. – В таблице приведена полная хронология. По ключевым событиям к следующему занятию напишете реферат на три-четыре страницы по вариантам.

Уууу... вариантов было предостаточно, чтобы хватило всем, и одна тема повторялась максимум два-три раза. Учитывая скорость моего продвижения в спасении Дакара и реализации придуманного плана по возвращению меня домой, в Академии Трех Сил мне придется задержаться, а значит пресловутый реферат по истории писать придется, как бы сильно не хотелось.

Учебника у меня не было. Я все еще не додумалась зайти в библиотеку и разжиться хотя бы учебниками. На сегодняшний день мне вполне хватало изучения личного дневника дяди Дакара, чтобы не касаться других книг. Я изучала искусство зельеварения фактически из первых рук, а в качестве опытного наставника выступал котелок, давая полезные советы и ругая за провалы.

– Каннем! – прошептала я, цыкнув. У него можно было списать название выпавшей мне темы, а то я только издалека увидела, насколько огромной была предлагаемая к изучению таблица хронологии то ли войны, то ли еще какого масштабного события. – Поделись учебником!

Я пересела влево на два места, которые разделяли нас с парнем, и уткнулась в страницу учебника с таблицей. По алфавитному списку мое имя стояло на две позиции выше имени Каннема, а значит мне писать реферат по теме на две выше той, которую Каннем переписывал в свою тетрадь.

– Учебник забыла? – поинтересовался Каннем не столько задавая вопрос, сколько сообщая

сложившийся факт. – Только не говори, что ты до сих пор не получила учебники? – догадался он. Он был настолько поражен моей забывчивостью, что не мог произнести ни слова. – Да ладно? Правда что ли? Поверить не могу! После истории сгоняем в библиотеку. Я помогу. Учебников дофигища! И еще парочку полезных изданий покажу.

О, нет! Только не это. И куда мне тащить учебники? В комнату в общежитии, где я не собиралась появляться вообще из-за раздора с Наяной. Я уже предвидела ссору с Канной, науськанной Наяной, что я такая-сякая плохая-плохая и нельзя мне ни верить, ни доверять. Особенно после того, как я сегодня почти весь день провела вместе с Каннемом, которого она по-настоящему ненавидела уже много лет.

А может быть оно и к лучшему. Тащить самостоятельно десятки тяжелых учебников не было никакого желания, а пригодиться в учебе они могли. Неизвестно, насколько долго будет длиться мое временное проживание в Академии Трех Сил, поэтому придется учить даже совершенно бесполезную историю, чтобы не выделяться.

– Ладно, ты прав. Я согласна принять твою помощь, – убито разрешила я, словно шла на заклание, а парень просиял, найдя способ качественно извиниться передо мной. Оказание полезной услуги я всегда считала лучшим извинением. Даже если оно было неискренним. – После истории пойдем. Нет, после ужина. Если пойти в столовую позже, то есть уже будет нечего.

Каннем кивнул, соглашаясь. Я быстренько переписала название своей темы из таблицы и вынужденно подняла голову, собираясь записать хотя бы часть лекции. Я думала, что история станет для меня временем для себя и для отдыха. Но я оказалась права. На истории тоже придется впахивать. Поскорее бы начались выходные...

Я писала оставшуюся часть лекции, смотрела в окно, любовалась осенним пейзажем и страдала. Мои ожидания насчет дополнительного времени для себя не оправдались. Когда же еще мне заниматься своим делом, если я зависну над выполнением нескончаемого потока домашних заданий по всем магическим дисциплинам?

Слов преподавателя «Занятие окончено. Можете быть свободны!» я ждала как маны небесной. Еще на первых звуках произнесения долгожданной фразы я сбросила тетрадь и пенал в сумку, и как только историк отвернулся, кинулась к двери. Внеплановое посещение библиотеки не должно сильно аукнуться на моем и так крайне плотном расписании. Времени на столовую у меня было в лучшем случае полчаса.

Что касалось подбора учебников, мы справились быстро. А вот различных дополнительных пособий оказалось так много, что у меня кружилась голова. Я даже перестала отслеживать, что Каннем подкладывал в уже в четвертую метровую стопку книг. По идее книги выдавались сроком на год, и я совершенно не понимала, как я, по мнению парня, должна была переработать все то, что он для меня выбрал.

Я застряла где-то между книжными стеллажами в глубине библиотеки, что я имела полное право сказать, что я затерялась в недрах библиотеки. Это место не шло ни в какое сравнение с площадями Города забытых артефактов, зато здесь было стерильно чисто. Немножко этой чистоты туда бы. Я бы заклинанием порядок навела, да заклинания на огромном скоплении артефактов разной мощности не работали. Магический фон был слишком неоднороден, и неправильным заклинанием я могла взорвать все к чертовой матери.

– Хочу мороженое.

Не знаю, зачем и кому я это сказала. Озвучила свои мысли. Я же вроде бы больная и чувствовала я себя неважно. Мне бы сейчас на диванчике отдыхать и накачиваться травяными чаями и антибиотиками против гриппа и ангины. А я зачем-то зависала в библиотеке, в которой даже ничего нужного лично мне не искала. После всего того, что набрал Каннем, меня еще нескоро в библиотеку пустят за новыми книгами. Только со сдачей. Тогда буду сдавать и брать те, что мне были нужны.

А все-таки я хочу мороженое со свежим бананом, порезанным на кружочки, и шоколадным топингом. Я хочу чтобы мое мороженое было залито шоколадным сиропом, а не побрызгано из жалости к нищенке. Еще в тарелку можно было бы добавить клубники. Желательно тоже свежей. Или хотя бы свежесваренное и остуженное клубничное варенье.

Кроме мороженого еже в прошлой жизни я любила читать фэнтезийные книги. Интересно, а в магическом мире кто-нибудь писал фантастические книги? Что считалось фантастическим в магическом мире? Несуществующие животные? Причудливые растения? Инопланетные космические захватчики? Боятся ли здесь нашествия марсиан и их колонизация местного магического населения?

Я всерьез задумалась, что могло волновать фантастов, родившихся в магическом мире. Может быть будущее развитие магии? Ее слияние с техникой? Индустриальная революция? Я конечно не ради этого решила задержаться в Академии Трех Сил и прилежно притворяться послушной кадеми. Но разве я не заслуживала время для отдыха от проблем? Куда, как не в книгу, сбежать от реальности (даже от настолько нереальной, как обучение в магической академии)?

– Ты здесь? – Каннем потерял меня, излишне увлекшись сбором макулатуры. Как бы жестоко не звучало, все собранные им книги на девяносто девять и девять процентов мне не были нужны. Главное, что не мне все это тащить в комнату и в последствии обратно в библиотеку. – Я тебя потерял. Пойдем, ты зарегистрируешься и запишешь на свое имя учебники. И еще несколько пособий.

«Еще несколько пособий» звучало настолько обтекаемо, что парень нарывался на фейспалм. Если я выйду к стойке библиотекаря и увижу больше пяти стопок книг, я пошлю помощника куда подальше и возьму только профильные учебники по основным дисциплинам. Не более одного учебника на один предмет.

– Да. Я хочу взять что-нибудь из художки и почитать на досуге. Брать одни учебники слишком скучно и можно однажды кукухой поехать. Хотелось бы взять что-нибудь легкое и незамысловатое. Знаешь подобное?

– Понятия не имею, – совершенно искренне ответил Каннем, пожав плечами. – У нас дома никогда не водилось легких и незамысловатых книг. Вот исторические трактаты и мемуары точно были. А приключенческих романов скорее всего не было.

Я встала с пола и отряхнула халатик, пообещав не забыть выстирать его в артефактном тазу (благодаря ему я всю одежду стирала каждый день, затрачивая на стирку не более десяти минут). Стеллажи с художественной литературой в академической библиотеке были в меньшинстве. Всего два притулилось в дальнем уголке, найти который составило огромных трудов и то только благодаря наводке старенькой библиотечарши.

Выйдя к библиотечарской стойке, я была удивлена. Когда я уходила, на первом читательском столе высились к потолку четыре стопки книг, а сейчас их на том же месте осталось всего восемь. А где же десятки других учебников? Их ведь было так много! Мне даже страшно было смотреть на них, не то что читать. Их спрятали?

– Я тут подумал, не стоит тебя нагружать в первый месяц. Двух дополнительных пособий для изучения хватит, чтобы провозиться с ними полгода. Одно по зельеварению. Мне показалось, ты сечешь в этом. Второе по травоведению. Я не представляю себе зельевара, который ничего не смыслит в травках.

Учитывая, что я взяла одну художественную книгу, всего их у меня было девять. Думаю, я найду место в шкафу для девяти книг. Они все поместятся на одну полку, куда я смогу поставить маленькое зеркальце, чтобы не таскать книги из комнаты в сокровищницу и обратно.

– Хорошо. Девять книг несравнимо меньше, чем девяносто, – это была преувеличенная шутка и шутка несмешная. – Давай запишем все это и наконец отнесем в комнату. Я наверное все же зайду в лазарет. Но сначала к лектору Шатрэну. Взять что-нибудь у него будет гораздо безопаснее для моей свободы.

Остаток вечера я планировала провести за чтением взятой в библиотеке художественной книги, укутавшись в теплое одеяло на диванчике. Среди артефактов был найден также доисторический самовар, уже не способный выполнять свою главную функцию. Почувствовав его, котелок обещал стать гораздо лучшим самоваром и клятвенно заверил, что его волшебные свойства настолько бесподобны, что на заваривании чая никак не отразится его главная функция – приготовление зелий.

– Теперь пошли, – поторопил меня Каннем, подхватывая семь книг: четыре в одну руку и еще три книги в другую. – Возьмешь еще две?

Это как раз были книги по зельеварению и выбранный мною художественный роман с возможно фантастическим уклоном. Я не была в этом уверена и не стала перебирать разные книги, долго вчитываясь в первые страницы на тему «зайдет – не зайдет». Если не зайдет, то я вернусь в библиотеку и возьму другую книгу. Если у меня останется время на свободное чтение.

Я взяла две книги и не глядя засунула их в брезентовую сумку. Она была достаточно крепкой, чтобы выдержать все девять книг в отличие от меня, не желающей тащить все книги на своем горбе. Пусть уж парень тащит, раз поход в библиотеку был его затеей. Я только заметила, что мы шли самым кратким путем, какой только можно было проложить от библиотеки до общежития.

– Спасибо. Я, если честно, даже не собиралась идти за учебниками в ближайшем будущем. Вроде бы как надо, но так лениво. А теперь у меня есть все, что нужно для учебы.

– Зря ты без учебников на занятия ходишь. Есть такие чудовища в обличьях людей, кто за отсутствие чернил может из аудитории выставить. Прийти к ним на занятие без учебника смерти подобно.

Правда? Какие-то слишком жестокие преподаватели. Учебник – это ведь дополнительное пособие, направленное на более полное изучение материала кадемом. Выгонять из класса из-за отсутствия учебника это как-то слишком.

– Жесть. Я запомню и постараюсь никогда не забывать в комнате учебник. Спасибо, что предупредил. И спокойной ночи. Я только за лекарством сгоняю и тоже спать пойду.

Каннем складировал донесенные книги у порога моей комнаты и выпрямился. Это что еще за новость? Он разве не занесет их внутрь? Мне самой тащить до шкафа? Мое спальное место у самого окна, то есть на противоположной стене. Или он не хотел входить, чтобы с Наяной не столкнуться. Или с Канной, что было бы для него еще хуже.

– Дальше сама, – сказал Каннем. – Я не могу войти из-за охранных чар, даже если ты дашь свое разрешение. Я могу войти только в свою комнату. В чужую не могу.

– А, ясно. Давай тогда. Пока!

– Пока.

Перед тем как войти в комнату с взятыми из библиотеки книгами, я задумалась: а почему бы

мне не поизучать охранные чары? А если кто-то еще узнает про сокровищницу или проследит за мной? Тогда я должна быть начеку и избавиться от ненужного свидетеля. Поставить бы какую-нибудь охранку на нору в тайный ход или что-нибудь еще на подобие того, что не позволяло не хозяевам комнаты входить в нее.

Переложив принесенные книги в сумку, я вошла в комнату и снова стала «достоянием общественности». Мои соседки вели себя так, словно моего возвращения не ожидали вовсе. Я только заметила странный недовольный огонек эмоций в глазах Наяны. Канна, как только увидела меня, отвернулась. Значит, Наяна действительно науськала ее против меня. Я ожидала этого и не буду вмешиваться. Меньше связей – проще их потом рвать перед уходом. Безболезненнее будет прощание.

Поддержки от Сабрины даже моральной я не дождалась. Она тоже отвернулась от меня, словно не хотела давать повода, чтобы обвинить ее в «измене». Только одна Наяна смотрела на меня прямо, словно с вызовом. И усмехалась. Мне не понравилась ее усмешка, и я поспешила проверить свое постельное место и шкаф. Я даже не удивилась, увидев подаренные мне вещи в ужасном, изодранном состоянии.

– Какая низость, – я пробурчала под нос, не собираясь разбираться со сложившейся проблемой. Не важно, что они возомнили о себе. Канна и вовсе сама «вырыла себе могилу», приняв сторону лицемерной подружки. – Мне даже делать ничего не надо. Они сделали все сами.

Я ушла из комнаты, хлопнув дверью. У меня было более комфортное место для проживания, чем общажная коммуналка. У меня была огромная «вилла», размеры которой сравнивались с площадью территории Академии Трех Сил. Город забытых артефактов был слегка помойкой, но я не отчаивалась. В качестве временки такое жилье я готова была терпеть, если под боком не было назойливых соседей.

Идти до коридорного тупика было гораздо быстрее, чем спускаться в подземелье, а перед этим пройти практически весь замок до нужной лестницы вниз. Сквозного прохода в подземелье не было. Зато уже спустя шесть минут я поставила тяжеленную сумку на рабочий стол и упала на диван прямо на одеяло, а не под него.

– Котелок, свари чего-нибудь погорячее, – попросила я и приоткрыла один глаз. – Есть хоть из чего чай варить? Или мне вставать нужно?

– Конечно вставать, – хмыкнул котелок. – Я могу сварить. А ингредиенты загрузить не могу. Мне помощь извне нужна.

– Прямо как мультиварка, – вздохнула я, вставая с большим трудом. Только вернувшись в сокровищницу, я поняла, насколько сильно устала сегодня. Еще ни один день в этом мире не выматывал меня настолько сильно. – А у меня нет чая. Зеркало, – обратилась я еще к одному артефакту, – можешь открыть портал куда-нибудь, где я смогу взять чай. Только в подсобку Шатрэна не надо. Я все еще не умею отличать чай и чайные напитки от всех остальных похожих трав. Не хотелось бы отравиться. Ну, на кухню можешь? В этом замке ведь есть кухня?

Встав, я доковыляла до рабочего стола и приземлилась на стул. Нет, все-таки на подвиги и кухонные грабежи моих сил уже не хватит. К ночи я совсем расквасилась, стоило только один раз положить себя в горизонтальное положение. Я даже вспомнить не могла, когда простужалась до подобного состояния в последний раз, словно ничего такого же никогда не было.

Вскинув голову, я поставила ее на руки, а локти уперла в столешницу. Яркие алые розы стояли в изящной высокой вазочке уже который день и не вяли. Я на них налюбоваться не могла, настолько они были прекрасны. Вот почему я не такая? Сильная, здоровая, как эти розы? Почему я слабая и никчемная? Почему гнусь, склоняясь к земле, от любого колыхания прохладного ветерка? Я хочу быть как эти розы!

Тогда меня обуяла злость, и я резко подскочила на ноги. Почему из-за хотелки незнакомца мужика я вынуждена подстраиваться под местные обычаи, лелея надежду найти способ вернуться домой? Кто дал ему право распоряжаться моей жизнью и критически портить ее? Даже если он на самом деле мой биологический отец, то он всего лишь донор семени! И не более того!

Как же я устала... Ноги подкашивались, и я еле доползла до дивана и одеялка с подушкой. Приложив ладонь ко лбу, я сделала замечательный вывод, что температуры у меня не было, и

без лишних сомнений завалилась спать. Утро вечера мудренее? Пусть будет так! А утром я точно схожу к Шатрэну. На прогулки до лазарета у меня не будет сил, если проснусь утром в похожем состоянии.

Сон сморил меня сразу же, стоило закрыть глаза и постараться ни о чем не думать.

Что за светопреставление разбудило меня утром, я не имела ни малейшего понятия. Меня словно вывернуло наизнанку, я свалилась с дивана и, продрвав глаза, увидела горящий текст, парящий в воздухе без фона. Буквы горели, а мои глаза слезились. Я смогла рассмотреть волшебную записку и прочитать ее содержимое только спустя несколько минут. Я удивилась. Сильно. По началу. Потом я вспомнила вчерашние взгляды Наяны, и мне все стало ясно: меня вызывали к коменданту общежития, обвиняя в порче казенного имущества.

Я могла понять мотивы Наяны. Она бесилась, что Каннем не обращал на нее внимание, и всеми силами хотела его внимание заполучить. Даже через мой труп. Можно было понять мотивы Канны: Наяна надоумила ее, что я предала соседок и Канну в том числе, перебежав к Каннему. Я могла понять мотивы Сабрины. Только если она помогала подружкам из подружеской солидарности, не желая разрывать устоявшуюся компашку.

Я только одного не понимала – как эти три идиотки додумались, чтобы настучать на меня комендантше? Мы живем в магическом мире. Мы учимся в магической академии, и не в какой-нибудь шарашке, а в Академии Трех Сил. Почему у них мозгов не хватило додуматься, что я потребую магических доказательств, что вандализмом занималась я, а не они или одна из них? В крайнем случае у меня было к кому обратиться за помощью в решении вопроса. Этот кое-кто на днях был назначен новым ректором Академии Трех Сил.

От нелогичности поступков трех нимф я выпала в осадок. Они с самого утра испоганили мне настроение, а горящие приглашение к комендантше все еще висело в воздухе и раздражало меня. Она еще и про мой атамэ наверняка рассказала. Могу поклясться, что меня попытаются обыскать магическим способом и даже смогут найти не только атамэ, а также мою волшебную иголочку, без которой я никуда. То зацеплюсь обо что-нибудь, то пуговица оторвется.

– Мне нужно что-то, что меня обезвредит в глазах комендантши... – пробормотала я, заворачиваясь в одеялко и бесплодно пытаюсь согреться остатками ночного тепла. – Зеркало, покажи мне комендантшу. Пожалуйста.

– Я лучше тебя саму покажу, – прохрипело зеркало и показало мне полностью разбитую меня, словно я была наркоманом в завязке. – Ты настолько плохо выглядишь, что я бы не стало видеть в тебе хулиганку. Скорее поганку.

Фейс у меня был как с рекламных плакатов наркологической клиники. Белое трупное лицо, фиолетово-черные синяки под глазами, серые скулы. Разберусь с комендантшей и прямой дорогой отправлюсь в лазарет. Лучше там недельку-другую проваляюсь, чем меня преждевременно на кладбище отправят. Я не знаю, какую гадость я подцепила и от кого, но точно знала, что мерзкая болезнь прогрессировала и медленно убивала меня. Не стоило мне отмахиваться и все время переносить поход к лекарю. Я ведь не в своем немагическом мире, а здесь. Мне стоило предположить, что обычным орз простуда не отделается.

– Тогда так пойду, не умываясь, – решила я. – Может быть слезу выдавлю из черствого сердца. Я так заболела, что не было вчера у меня ни сил, ни желания портить казенное имущество. Пусть с этих трех дур компенсацию спрашивает. Я к вандализму никакого отношения не имею и никогда не имела за собой подобного грешка.

Зеркало померкло на мгновение и показало мне другую картинку. Трое нимф-подружек стояли перед столом грузной женщины и всячески жаловались на меня. В середине стояла Наяна и активно жестикулировала, рассказывая о моих выдуманных преступлениях против покоя комендантши, а Канна и Сабрина поддакивали ей, изредка вставляя короткие замечания. К сожалению, зеркало не умело показывать со звуком, но я сама обо всем догадалась. Нет, я не умела читать по губам. Я умела складывать два и два, получая четыре.

За столом сидела грузная обабившаяся женщина в коричневом балахоне вместо платья и недовольно кивала головой. Она хмурилась, вставляла резкие фразочки, словно отплевывалась. Смотреть на нее было мерзко, а мне еще предстояло высказать ей все, что я о ней и о них думала. А потом найду новоиспеченного ректора или председательницу, чтобы они меня защитили от этих четверых соучастниц. Уж им погрозить кулаком они точно в состоянии!

– Не думала, что когда-нибудь скажу это, но я очень хочу отравить этих троих! – воскликнула я, скинув одеяло с плеч на диван. – Какое зло сидело в них, что они на меня ни с того ни с сего напали? Не хотели, чтобы я общалась с Каннем? Хотели изолировать и свести с ума от одиночества? Да пошли они к черту! Специально против них буду поддерживать с ним

дружеское общение!

Моя злость не знала пределов и требовала выхода. Хотелось сорваться на них, но меня останавливало опасение, что в папашке Канны мог проснуться отцовские чувства или чувство собственности. Именно так он судя по всему относился к ней. Как к вещи. А его вещь никто чужой не мог портить. Мне могло прилететь от очень богатого человека. Мне более чем хватало проблем с другим очень богатым и влиятельным мужчиной. Уже с моим папашкой.

Я даже не вспомнила, что мне надо бы позавтракать. Не переодеваясь из затасканной вчера одежды, я влетела в зеркало и вылетела в коридорном тупике, где я до этого оставляла еще одно, приставленное к стене в совершенно безлюдном месте. Где располагалась сторожка комендантши я представляла с большим трудом. Вроде бы надо было пойти налево, затем направо, раз десять повернуть и пройти три лестницы... Я вернулась ко входу в общежитии и немного пошарахалась там. Записулька с требованием мне немедленно явиться к комендантше вспыхнула на дверях этажа первогодок и показала мне правильное направления. Я была в столь взбешенном состоянии, что была готова убивать.

Двери я буквально выбила собой, врываясь в сторожку комендантши. Внутри неожиданно стало тихо. Представляю, что за чудовище увидели в моем лице комендантша и три отбиты – Сначала испортили все вещи. Потом вышвырнули из комнаты на ночь глядя, когда мне хотелось просто завалиться и спать! Легко издеваться над обессиленной болезнью девушкой? Да еще втроем против одной?

Лучшая защита – это нападение. Если комендантша не совсем конченная или подкупленная, то у меня был шанс добиться справедливости и переселения в одиночную комнату. Или хотя бы в другую. Я даже застрять на месяц в лазарете согласна, потому что именно там я в последний раз нормально выспалась, а не высыпалась как сахар-песок.

Я не знаю, что на меня нашло. Как можно было довести меня до такого состояния, чтобы я врывалась на чужую территорию и орала как ненормальная? От жалости к себе и бессилия я расплакалась. Буквально разревелась, больше не в состоянии сдерживать эмоции. Слезы лились градом и не останавливались, даже когда у меня заболели глаза. Я никогда в жизни не чувствовала себя настолько плохо.

– Девочки, вы можете идти, – строго, но спокойно сказала комендантша. – Я сама разберусь с этой мерзавкой.

С этими словами я поняла, что мои шансы справиться с ней в одиночку падали все ниже и ниже. Они не просто были нулевыми. Они пробили дно мертвого моря. Уходя, нимфы не сказали мне ни слова. Только Наяна со всей дури толкнула в плечо настолько сильно, что я пошатнулась и чуть было не упала. Удержалась на ногах в последний момент.

Возможно мой больной мозг проецировал мои опасения в реальность, создавая нечто вроде галлюцинации, но комендантша была настолько похожа на Наяну рожей, словно была ее состаренной копией. Мне только родственник среди сотрудников академии не хватало. Значит, будем бить напролом. И блефовать.

– Анита Рэнвальд, – гадко протянула комендантша, вытаскивая свое грузное тело из широкого кресла. Для нее даже стула к рабочему столу не нашлось. Я оборвала ее раньше, прежде чем она хоть что-то гадкое успела сказать. Я не хотела ничего слышать. Я устала и перегорела.

– Ты всего лишь комендантша, – у меня не было сил спорить, и я хотела прекратить этот разговор как можно быстрее. – А меня в Академию Трех Сил пристроила председательница попечительского совета без экзаменов и не на конкурсной основе. Уже после начала учебного года. В качестве исключения. Одно это должно было заставить тебя подумать своими птичьими мозгами и навести на мысль вести себя полюбознее со мной. Будешь выкобениваться, вылетишь из академии на улицу и станешь милостыню у порога храма просить, чтоб с голоду не подохнуть. Можешь спросить у своей дворняжки, как я дружна с новым ректором. Новое начальство – новые правила. И новая комендантша. Или старая не будет приносить проблем?

Свиное рыло, поставленное на мешок жира девяносто четвертого – девяносто шестого размера, покраснело от гнева. Кажется ее еще никто так не осаживал. Что ж, я буду первая. Я действительно перегорела и перестала бояться всего на свете. Какая мне к чертям разница, что я разосрюсь с какой-то там комендантшей общежития? Мне и в сокровищнице неплохо жилось. В одиночестве. На большой площади. И под носом всю ночь никто не храпел.

– Я ясно донесла информацию? Хочешь из-за понтов малолетки лишиться всего и потерять

единственный заработок? Ты окажешься в такой глубокой заднице, что никогда не разрулишь. Наяна тоже вылетит из академии. Не знаю правда, кого из вас выпнут под зад раньше. Наяне приспичило показать, какая она супер крутая и супер умная. Пожалуйста! Она не только себя идиоткой выставила, но и тетку свою подставила под увольнение. Тетка же? Я права?

Кулаки комендантши дрожали. От гнева ли или осознания беды, в которую я ее окунула. Мне было плевать. Главное, что я впервые в жизни смогла защитить свои интересы, а не прогнуться под агрессора. Я была вымотана, полностью выжата и абсолютно довольна собой. Комендантша кивнула, как бы говоря, что поняла меня. И я вымучено улыбнулась. Легонько. Всего лишь уголками губ. Она и не заметила ничего.

– Вот и славно. А то нашли несчастную сиротинушку, над которой можно издеваться без ущерба репутации и насиженному месту. Это будет вам уроком. Исполняйте свои обязанности по трудовому договору, а не по хотелкам в конце оборзевших родственников. Так вас и любить будут, и уважать. Человека, который хорошо выполняет свои обязанности и помогает по мере возможности и уважают, и любят. Вы прекрасно знаете имена вандалок и организаторши вандализма. Накажите настоящих преступниц. Ни одно преступление не должно остаться без справедливого наказания. Я в вас верю!

Напоследок я показала жест «Ес!» в то же время, как говорила «Я в вас верю!» Потом я еще пожалею, что не потребовала переселить меня в свободную комнату, но это потом. Сейчас у меня даже мысли в голове не возникло, что официально я осталась без жилья на территории академии.

Выйдя из сторожки комендантши и осторожно прикрыв за собой дверь, я сделала буквально шаг в сторону и привалилась к стене. Ноги не держали, и я съехала по стеночке на пол. Тихонькое похихикивание сопровождало мое скатывание, и я нашла в себе силы понять голову и посмотреть на ту, кто вздумала хихикать надо мной.

Наяна. Она подпирала стеночку по ту сторону коридора, скрестив руки под грудью, и довольно наблюдала за моим падением. В ее глазах я видела укор и торжество отмщения: «Так тебе и надо! Больше даже не подумаешь взять то, что тебе не принадлежит!» Невероятное безграничное паскудство.

Сколько девочек она уже сгноила таким образом, прежде чем добралась до меня? Я стану последней. Вот увидит! Прыгну выше собственной головы и вытравлю ее из академии! Нужно всего лишь попросить Шатрэна пробить этот вопрос. В связи с назначением на него сейчас свалилось немало забот, но в течение пары месяцев, я надеюсь, он сможет выделить пару часов на решение этого вопроса.

– Тебе писец, – пообещала я и усмехнулась. Но торжества в глазах Наяны мои слова не поубавили. Она не поверила мне. Так тому и быть. Только, богинюшка, дай мне шанс увидеть ее мрачающую рожу в тот момент, когда возмездие настигнет ее.

Наяна рассмеялась мне в лицо, развернулась и ушла, цокая каблучками по каменному полу. Ее торжество ложной победительницы не испортило моего настроения. Наоборот, я уже предвосхищала немую сцену, когда ее накажет ее родная тетка. Мне показалось, что я достаточно запугала комендантшу, чтобы она не рыпалась и отлупила Наяну так, чтоб та на всю жизнь запомнила.

А мне пора было двигать ласты в лазарет или хотя бы в ту сторону. Я еще вчера поняла, что моя простуда сама собой не пройдет, как обычно я забивала на нее раньше. Старею, что ли? Или я подхватила какую-то магическую заразу, иммунитета против которой у меня нет и от рождения не было? Последний вариант звучал наиболее рационально.

Немного «отдохнув» на холодном каменном полу, я почувствовала еще более разбитой, чем прежде. Эмоции иссякли, и энергия ушла вместе с ними. Моя безопасность была восстановлена, и я успокоилась. Встать удалось с большим трудом, и я все-таки встала через какое-то время и поплелась в нужном направлении.

Я даже не поняла, почему в коридорах академии было так тихо и безлюдно, пока не вспомнила, что сегодня выходной. Тот самый выходной, которого я так ждала, сейчас вышел мне боком. Если бы кадемы и преподаватели не отсыпались сегодня на неделю вперед, я бы уже встретила кого-нибудь и попросила о помощи. Но просить довести было некого, поэтому довести могла только я. И я довела комендантшу до нервного потрясения. На этом мой дневной лимит доведения иссяк.

Каковы шансы, что штатный целитель отирался в лазарете в свой единственный выходной? Я

понятия не имела, ни где он или она жили, и как вообще он или она выглядели. Я попала в очень нехорошее положение, из которого самостоятельно из него мне не выбраться. За помощью к комендантше я не обращусь без крайнего на то случая. Я только что поставила ее на место и не могла позволить ей воспользоваться моим состоянием и сделать меня обязанной ей.

В столовую. Мне нужно идти в столовую. Рано или поздно даже в выходной люди начнут подтягиваться в столовую. Там будет много учителей. Там будут все учителя, и ни один не пройдет мимо меня. Учителю будет проще вызвать целителя, чем другому кадему. Но я согласна даже на кадема. Только не на комендантшу и не на нимфейскую компашку. Их помощи я скорее испугаюсь, чем приму с распростертыми объятиями.

На подходе к столовой тоже было тихо, и я впустила в свою голову мелочные мысли и отчаяние. Оно захватило меня, лишая воли и заставляя все глубже и глубже погружаться в пучины уныния и скорби. Я жалела себя, как никогда раньше, и стремительно теряла силы и желание сражаться. В один момент что-то переклинило во мне. Я сломалась. Я взвалила на себя неподъемный груз и не справилась с ним. Просто сломалась.

В какой-то момент меня подхватили под мышки, и я сквозь слезы жалости к себе увидела темное коричневое пятно с зеленой сверкающей точкой. Мне на помощь пришла женщина, но из-за стоящих в глазах слез я не могла рассмотреть, кто именно мне помогла. Где-то на подкорке мне казалось, что мы были знакомы, но пазл все равно не складывался. Мутное изображение перед глазами расплывалось.

Меня усадили на стул и всунули в руки холодную, практически ледяную кружку. Или это у моего тела настолько повысилась температура, что фарфоровая кружка казалась мне до боли холодной. Женщина держала мои руки в своих руках и заставляла меня пить налитую в кружку жидкость. Она была немного вязкой, как кисель, и неприятной. Но мне практически мгновенно стало немного легче.

Через полчаса я уже видела мир во всем многообразии его красок и узнала женщину, нашедшую меня в столовой. Куратор истинно светлых, которая рассказала о назначении Шатрэна ректором и о случившейся в семье бывшего ректора Алгарсиса трагедии. Я не знала ее имени, и теперь мне было очень стыдно за это.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила женщина, сидя рядом со мной. В моих дрожащих руках была уже четвертая кружка тонизирующего напитка. – Мне вызвать целителей из городской больницы? Как не вовремя уехала Мэнди!

– Уже намного лучше, – я даже улыбнуться смогла. – Я несколько дней как заболела, но не думала, что все так обернется. Обычно простуда проходила сама собой в течение нескольких дней. А тут еще так много всего навалилось. Вот организм не выдержал.

– Какая неосмотрительность! – корила меня за незаботу о себе куратор. – Нельзя так издеваться над собой. Зашла бы к Мэнди за профилактической настойкой, не слегла бы с болезнью. Ты бы видела себя со стороны. Я уж думала, что ты при смерти!

– Я просто не умылась сегодня, – я усмехнулась и не стала сдерживать в себе негатив. Еще неизвестно, склонилась ли передо мной комендантша? Убоялась ли? Или сейчас она вынашивала план злокозненной мести. Было бы хорошо, если бы мою версию произошедшего знал еще кто-то, кроме меня самой. – Я рассорилась с соседками по комнате. Они уничтожили мои вещи, испортили кровать с шкафом, а потом пошли к коменданту и сказали, что это я все сделала. Наш комендант вроде как родственница Наяны, которая ненавидит меня больше всех из-за того, что я общаюсь с Каннемом.

Куратор слушала меня внимательно, не перебивая. Хмурилась и не спешила высказываться. Интересная женщина. В своей жизни я встречала очень мало людей, которые сначала всесторонне изучали ситуацию и только после расследования озвучивали свое мнение. Женщина не спешила как-либо комментировать или давать оценку моим и направленным против меня действиям. Поэтому я рассказала ей полную правду о нашем противостоянии с Наяной от начала до конца.

– Не подумайте, – попросила я, – я не хочу, чтобы вы разобрались с Наяной. Мне нужен совет, как будет лучше поступить с ней. Она настроила против меня Канну, а Сабрина поддержит любое решение Наяны и Канны. Я понимаю, что правильного решения не будет все равно. Но я не могу оставить все так, как есть сейчас. Если сегодня я одержала верх, то завтра меня разорвут на маленькие кусочки. Канна не хочет видеть правды, а Наяна не остановится ни перед чем, пока не получит желаемого. Насколько богаты родители Канны и Каннема, что

Наяна готова на все, чтобы прилизаться к ним?

– Понимаешь... в стране нет человека богаче их отца. – Куратор вздохнула, и я поняла, что не все так просто. – Номер один во всех сферах, в каких бы он не открывал новое дело. Его везде преследует успех, словно он заключил сделку с императором демонов.

– Император демонов? – недоуменно спросила я. Неужели такое тоже бывало? Демоны существовали? Реально? Правда что ли? В голове не укладывалось!

– Конечно, это всего лишь сказки. Обычная жизнь гораздо прозаичнее, и нет в ней места демонам. Оставь их в мифах и легендах древних цивилизаций, а мы в Академии Трех Сил будем опираться на современную магическую науку.

А я уж было испугалась. Мало того что я лицом к лицу столкнулась с магами-преступниками, так еще и с демоном столкнуться не хотелось бы. С демонами такими, какими их показывали по телевизору и в историях ужасов. Если же демоны оказались бы по сути теми же магами только другой генетической природы, то ок.

– Простите меня.

– За что? – удивилась куратор, забирая у меня из рук пустую кружку. Благодаря этому тонику мне действительно стало гораздо лучше. Руки немного порозовели и потеплели. Лицо, наверное, тоже.

– Я до сих пор не знаю вашего имени. Или не помню его. Мне так стыдно перед вами. Особенно после того, что вы для меня сделали.

– Мое имя очень похоже на твое. Меня зовут Аннета.

Аннета улыбнулась и взъерошила мои волнистые волосы. Я помнила, какое отражение мне показало зеркало утром, когда я попросила его показать мне комендантшу. Не было ничего необычного в том, что она до смерти напугалась, увидев полутруп в столовой. Приняла меня наверное за зомби или за лича какого-нибудь.

– Давай я тебя причешу, – предложила Аннета и отошла от меня.

То время, пока она отсутствовала в комнате, я осмотрелась. Аннета привела меня в гостиную, и я предположила, что преподавателям полагались многокомнатные апартаменты, а не койко-место в крохотной комнатухе. Как минимум три помещения по типу «гостинка» – гостиная, спальня и ванная с санузлом – им полагались.

Вернувшись в комнату, Аннета принесла большую массажную расческу – штукой поменьше мои волосы не расчесать – и маленькую баночку. Я предположила, что в ней было какое-то средство для упрощения расчесывания и не прогадала. У Аннеты тоже были длинные волосы, темно-каштановые, почти шоколадные. Только прямые. А в ушах блестели маленькие сережки с изумрудами. Это они сверкали на фоне коричневого пятна, когда Аннета тащила меня из столовой к себе в комнату.

– С такими чудными волосами без этого волшебного средства не справиться, – сказала Аннета, рекламируя косметическую баночку. – Меня оно всегда выручает, когда нужно убежать на встречу или на занятие, а я проснулась три секунды назад.

– У меня довольно послушные волосы, – я вздохнула, вспомнив отражение моего облика в зеркале, – были до сегодняшнего дня. Ндя. Надеюсь, они вернуться в норму через какое-то время.

– Не беспокойся. Как только выздоровеешь, все придет в норму. Я уже связалась с Мэнди, то есть нашей штатной целительницей. Она обещала вернуться вечером и осмотреть тебя. Готовься, что тебе придется лечь в лазарет. Выглядишь ты и вправду неважно.

Я кивнула, соглашаясь. Никаких проблем в том, чтобы лечь в лазарет на некоторое время, я не видела. Только возьму с собой несколько полезных книг (те две, которые выбрал для меня Каннем). Я очень плохо разбиралась в местных травах, практически ничего о них не знала. А мне, как зельевару, стоило научиться различать травы хотя бы с помощью картинок и описаний в учебном пособии.

– А пока посиди здесь. Я договорюсь с секретарем ректора о комнате, не подконтрольной нашей коменданту. Может быть еще что-то осталось незанятым. Завтра начнется новая неделя, напишем заявление на имя ректора, и дисциплинарный комитет академии

позаботится обо всем.

– Они будут расследовать это дело? – переспросила я, немало удивившись. В академию не вызовут полицию, а разберутся собственными силами. Стоило мне надеяться на справедливость или поспешить с освобождением из плена призрака Дакара и с собственным отправлением домой?

– Дисциплинарный комитет на две трети состоит из кадемов и на одну треть из кураторов, – пояснила Аннета, отдавая мне в руки расческу и отставляя в сторону баночку с волшебным средством. Затем она хлопнула, и на столике перед ней рядом с баночкой появилась кружка с горячим чаем. – Такие дела лучше решать по уставу академии. Если дисциплинарный комитет целиком и полностью встанет на твою сторону, за вандализм Наяну и ее подругу Сабрину могут даже отправить в другую академию. Менее достойную. С Канной ничего не поделаешь. Она останется здесь. Не стоит выдвигать обвинения против нее.

Я это понимала. Даже если она нелюбимая дочь и «вещь», она ее отца дочь и «вещь». Ее отец не позволит позорить свою дочь и отправлять к черту на куличики только потому, что она «набездобразничала». Но я все-таки лелеяла надежду, что Канна не имела никакого отношения к вандализму, и комендантше врал не она. Канна всего лишь поддержала подругу, которую знала уже долгое время, в отличие от меня. А мы ведь так любезно говорили на том балкончике. Не могла же она быть такой же лицемерной, как Наяна? Мне казалось, что Канна была жестоко обманута ею и не раз.

Какое-то время я провела в одиночестве, попивая принесенный Аннетой чай и расчесывая волосы. Можно было сказать, что мне снова повезло оказаться в нужном месте, в нужное время. Мне была дана небольшая передышка, чтобы взять себя в руки, собраться с силами и продолжить... войну? Дома у меня не было врагов, а в этом мире их уже двое. Если бы я была плохой, то врагов собирала бы в любом окружении. Значит со мной все было в порядке. Это мои враги какие-то не такие, не нормальные.

Когда Аннета вернулась, она была весьма довольна собой. Сколько лет ей было? Немногим за сорок? А она до сих пор не потеряла подросткового задора, хотя умела вести себя соответственно возрасту. И этим тоже мне она очень нравилась. Она была легка на подъем, многое знала и умела.

– У меня хорошие новости, – сказала она. – Я смогла добыть для тебя превосходную комнату с видом на зверильницу и виварий! Не бойся. Опасных животных из клеток не выпускают. Только безобидных содержат в уличных вольерах.

Это были на самом деле прекрасные новости! Мне не придется возвращаться в общежитие даже для вида. У меня будет комната в личном пользовании, в которой я смогу поставить порталное зеркало и бегать в сокровищницу туда и обратно в любое время дня и ночи. Мне также будет легче изучать книги, сам факт интереса к которым вызывал бы интерес уже ко мне и моим планам. От проживания в личной комнате были одни плюсы. Я согласна даже на каморку в восемь-десять метров с одним окном!

– Вижу, ты тоже рада, – заметила Аннета, и я кивнула. – О, это было непросто! Секретарь даже связалась с ректором Шатрэном, и только с его согласия отдала последнюю свободную комнату. Тебе очень повезло!

Ясно все. Мне бы «очень повезло», если бы Шатрэн не прикладывал к этой проблеме свою руку. А раз он ее приложил, то большой удачей называть ее решение не следовало. Я до сих пор лишь пару раз задумывалась о загадке необычайных способностей к древнему языку магических искусств, которым я волшебным образом овладела благодаря Шатрэну. Стоило бы наверное поинтересоваться этим вопросом, если я интересовала Шатрэна исключительно с этой позиции.

– Пойдем туда? Мне не терпится наконец выспаться на кровати! – счастливо порадовалась я, медленно вставая со стула. – К тому же, сон ведь лучшее лекарство от всех болезней?

– Только не думай, что теперь тебе не нужно на осмотр к лекарю, – хмыкнула Аннета. – Я не для того тащила тебя к себе аж из столовой, чтобы потом обнаружить тебя примерно в таком же состоянии, только в кровати.

– Конечно. Я обязательно схожу к лазарет, как только штатный лекарь вернется в академию. Будет классно, если она сможет отправить мне приглашение подобное тому, какое я получила от коменданта. Очень удобно.

Думаю, мы договорились. Аннета осмотрела меня и, убедившись, что я не упаду в обморок, сделав несколько шагов, удовлетворенно кивнула и повела меня в мою новую комнату. Я была довольна, что такой крайне некрасивый курьер принес мне очень хороший бонус в виде отселения за пределы общежития. Пускай даже если только на период проведения расследования дисциплинарным комитетом. Только бы комитет в мое прошлое не полез. Ничего ведь не найдут. Я – девушка без прошлого. И без будущего. Мне придется строить его собственными силами.

Доставшаяся мне преподавательская квартирка, как я предполагала, была очень маленькой, но все равно состояла из двух помещений. Помимо кровати и шкафа мне полагался рабочее место, настольная лампа и личный санузел с душевым поддоном. Можно было сказать, что меня поселили в райские условия по сравнению с общежитием для кадемов.

А еще здесь на двери висело зеркало практически в полный рост. Оно мне именно этим и понравилось, что большое. Огромное! Проходить через него будет почти что так же удобно, как через оригинальное артефактное зеркало. Его нужно было только «подключить» и «настроить».

– Ну, как тебе здесь? Как по мне, очень даже неплохо, – оценила Аннета, встав в шаг от двери и позволив мне пройти подальше и осмотреться. – Я где-то через полчаса-час, как только поговорю с врачом, отправлю тебе кое-какие лекарства, чтобы ты выпила их как можно раньше. Завтрак, обед и ужин я тебе тоже отправлю. А вот после ужина ты сходишь в лазарет на осмотр. Обещаешь?

– Обещаю. Спасибо вам, Аннета. Мне действительно очень важно все то, что вы для меня сделали.

– Я обязана была помочь тебе. Я же куратор в Академии Трех Сил.

Мы попрощались, и как только закрылась дверь, я рыбкой нырнула под одеяло. Наконец-то спать! После всех тонизирующих чаев с примесью противостудных зелий, которые в меня влила куратор, я хотела только одного. Я хотела самое прекрасное, что существовало в мире – спать. И наконец мне никто не мешал, и меня никто не раздражал.

И я действительно хорошенько отоспалась, прерываясь только на завтрак, лекарства и обед. Еще ни разу с тех пор, как меня похитили, я еще не чувствовала себя настолько прекрасно. Простуда конечно отступать не собиралась, сжирая львиную долю энергии, но ведь самочувствие – это не только физическое здоровье. Его компенсировало здоровье психологическое. Я наконец-то пришла к равновесию, успокоилась и оградила себя от стресса.

Но я не предвидела, что мстить мне будет не комендантша, а сама Наяна. Во второй половине дня я спокойно почитывала книгу про растения, применяемые в зельеварении и их бесполезные и/или опасные двойники. Если бы я могла выпить «Слезы Аурии» еще раз и запомнить их навсегда без опостылевшей зубрежки, я бы обязательно сделала это. Также в моей тетради значилось написание реферата по истории, который я наглым образом проигнорировала. Мне и без того было плохо. Я ведь на больничном! Не хочу делать историю. Она противная. Хотя старичок-лектор мне нравился.

От чтения меня отвлекло шипение. Сначала мне показалось, что просто показалось. Но шипение повторилось и не смолкло, когда я отвлеклась от книги и прислушалась к шороху. Я перепугалась не на шутку, потому что из окна комнаты были видны не только загоны с весьма безобидными животными, но и отдельно стоящее здание – виварий. Неизвестно, какие эксперименты там проводили над магическими животными и каких чудовищ выращивали. Не хотелось бы, чтобы после всех страданий и усилий меня банально сожрали голодные монстры!

На полу струились змеи, и я больше не могла спокойно лежать на кровати. Я с ногами вскочила и даже попыталась забраться на изголовье. Но я не птичка, чтобы на жердочке уместиться, и закономерно полетела обратно на кровать. Никогда раньше я не сталкивалась с живыми змеями и не знала, насколько сильно боялась их! А может и не боялась, а совершенно разумно опасалась такого соседства! Еще и в магическом мире! Змеи, сбежавшие из вивария. Я понятия не имела ничего об их особенностях и боялась вдвойне.

– Зеркало! – воскликнула я, подняв голову. Я только-только объединила его со своей зеркальной сетью одушевленного артефакта, живущего в сокровищнице.

Если я смогу собрать змей в одну кучу и выбросить в зеркало, они меня не сожрут и даже не укусят. Мне плевать, где они вылетят, главное чтобы подальше от меня. Или туда, откуда они пришли. Кто их прислал, тот пусть и получит обратно! Как же мне загнать змей в зеркало?

Оно вон как высоко весит, а змеи тучочки, на полу зеленые. Ползут ко мне, заразы!

– Не надо ко мне ползти, – я заговаривала змей как могла, но у меня ничего не получалось. Не змеьедева я! Не она! – Ползите куда-нибудь подальше от меня. Давайте, отползайте.

Ничего не выходило, и я взяла книгу по травоведению и бросила ее в дверь, целясь в крючок, за которое цеплялась нитка зеркала, словно картина на стене. Книга попала точно в цель и тем не менее моих надежд не оправдала. Книга упала на пол, а зеркало всего лишь покачнулось.

– Что делать? – я сходила с ума, а змеи активно подбирались ко мне. Они, практически добравшись до меня, вставали на хвосты и тянулись на кровать к моим ногам. – Проваливайте! Проваливайте из моей комнаты! Зеркало! Зеркало!

Я пыталась отбросить их выученными на защитных чарах щитами, но змеи спокойно проходили сквозь них, словно я вовсе ничего не делала и смиренно ожидала участи быть искусанной насмерть. Я не могла прыгнуть на пол. Прыгать до стула или вовсе до стола также не предстояло возможности.

Напряженно думая в критической ситуации, я схватилась за горло, защищая самое важное, и почувствовала под пальцами холод металла. Золотой венка кадема Академии Трех Сил! Он настолько слился с моим и других кадемов образом, что я даже забыла о его существовании. Он оставался моим последним шансом, и, сняв венок с шеи, я метнула его в зеркало. Первые несколько секунд ничего не происходило, а потом зеркало рухнуло вниз и разбилось на куски разного размера.

– Зеркало! Отправь этих существ к тому, кто касался их последним! – прокричала я, вкладывая в базовый щит всю имеющуюся силу моего резерва.

И у меня получилось. Я рухнула как подкошенная, а выброшенный вперед щит обьял комнату, подхватив змей, врезался в осколки зеркала. Щит развеялся, а змеи пропали. Я выдохнула и расслабилась. Как хорошо, что в комнате уже было зеркало, иначе я бы ни за что на свете не стала искать в сокровищнице другое и устанавливать его сегодня. А зачем? Я же не знала, что кто-то запустит ко мне змей неизвестного происхождения. Я бы установила зеркало завтра или даже послезавтра, не считая это первостепенным делом после переезда. Теперь буду.

– Спасибо, зеркало! – выдохнула я, уткнувшись носом в покрывало.

Сил, чтобы встать, у меня не было. Я потратила весь резерв чтобы создать последний щит, и он у меня вышел идеально. Зря что ли несколько часов отрабатывала его у Шенка? Все-таки не зря я начала учиться в академии в качестве такой же кадемы, как все другие девушки и парни. Образовательная программа первоодков была достаточно продумана, чтобы уже в самом начале обучения Кадем мог сам справиться с определенной не очень серьезной, разумной угрозой и защитить себя.

Странное ощущение пустоты магического резерва никак не соотносилось с тем, что я чувствовала во время проверки дознавателем. Я поняла это уже спустя несколько минут лежания. Я думала, что меня сейчас начнет выворачивать во все стороны и скручивать от страха и боли, как это произошло тогда. Но мои чувства во время блокирования магии и опустошения магического резерва критически отличались. А заблокировали мне тогда магию на самом деле, или председательница сказала мне неправду?

Лежа на животе, я приподнялась, поставив сцепленные в замок руки под подбородок, и крепко задумалась. Я была хмура и пребывала в недоумении. Как так? Что же тогда председательница пыталась сделать со мной на самом деле? Неужели она попыталась избавить меня от знания древнего языка, полученного от Шатрэна? Если сравнить это знание с врожденным даром, то я влипла. И не было у меня никаких союзников на самом деле.

Перевернувшись на спину, я увидела появление ужина, отправленного куратором Аннетой. А ведь она мне так и не назвала свое полное имя. Может быть знать его мне было необязательно. Аннета позиционировала себя как равную мне, а не магию более высокого статуса и большего опыта. Я не знала, что она во мне нашла, но все равно была благодарна мне. Сейчас я чувствовала себя живой! Усталой, но живой!

А еще этому могли поспособствовать змеи. Какой адреналин пробил мое сердце! Оно стучало так сильно и быстро, что мне казалось, оно вот-вот пробьет мои ребра! Подозреваемых в покушении на меня было немного. Всего лишь трое: ревнивая Наяна, оскорбленная комендантша и опасливый папашка. Последнего я вычеркивала из списка, потому что с тех

пор, как он не предоставил меня Ему, у меня больше никаких кровных родственников не обнаруживалось.

А вот Наяна и комендантша были правильными подозреваемыми. Мне почему-то казалось, что комендантша меня поняла и как минимум в ближайшие несколько дней мне бы не мстила. В академии еще немногие знали о назначении Шатрэна, не знали его требований и замашек, а потому каждый сотрудник предпочтет выждать время и поостеречься. Так, на мой взгляд, должна была поступить комендантша после нашего разговора.

Так что Наяна оставалась самым очевидным подозреваемым. Она уже показывала себя с худшей стороны, и кража змей из вивариума не казалась мне чем-то за пределами для ее фантазии. Я не могла подойти к Наяне и обвинить ее без доказательств, но мне, чтобы думать о ней плохо, дополнительные доказательства не нужны. Она уже показала свое истинное лицо, а я пообещала самой себе проучить ее. Она нарывалась на показательную порку!

– А все-таки как я их! – усмехнулась я, садясь на кровати. Меня ждал ужин на столе и новая порция тонизирующих лекарств.

В последнее время я настолько часто была довольна своими успехами на поприще овладения магическими искусствами, что начинала задумываться о том, чтобы жить на два мира. Разве плохо изучать магию здесь, а дома жить? Тогда я могла бы в любой момент спрятаться в своем родном мире, если в этом вдруг что-то пойдет не так.

Мясная запеканка под сметанным соусом показалась мне божественной амброзией, а не столовской едой. Я же победительница! Я победила гадких змей, вернув их не менее гадкому хозяину. Точнее хозяйке. Я была почти что на сто процентов уверена, что змей мне подбросила Наяна. Если комендантша отругала Наяну, то она была очень зла на меня и обижена. Злые люди хорошо помнили свои неудачи и никогда – совершенные ими злодеяния.

Но свершившийся инцидент научил меня одной немаловажной детали – в замке не было такого места, которое было бы безопасным для меня. Даже в комнате, выпрошенной у ректорского секретаря, было небезопасно. Только в сокровищнице. Я больше никогда не буду здесь спать. И днем постараюсь лишний раз не находиться. А чтобы мое отсутствие никто не спалил, установлю звонок на дверь. И я снова вернулась к тому, что мне нужна была книга по охранному чарам.

Оставив на столе поднос с грязными тарелками, потому что через час он исчезнет сам собой по программе заложенного в него заклинания, я переоделась в бежевую блузку, поправила спасший мне жизнь золотой веночек на шее и вышла из комнаты. Я обещала Аннете посетить лазарет и собиралась выполнить обещание ради собственного здоровья. Мне так было плохо утром, что я настолько не хотела повторения, что уж лучше со змеями, чем со смертью.

К моему недоумению в лазарете было настоящее столпотворение. В основном здесь были кадеты и кадеты первогодки, с которыми я ходила на лекции. Многих я знала в лицо, но никогда не интересовалась их именами. Что произошло такого ужасного, что всем понадобилось ломиться в лазарет?

Я по стеночке с большим трудом пробралась к двери лазарета и, опустившись на колени, проползла между ног. По другому проникнуть в лазарет через переполненный коридор было невозможно. Я сразу поняла, что здесь меня не ждали. Как минимум потому, что лекарь по возвращению в академию не отправила мне приглашения на прием, как я просила. А во-вторых... эта толпа не могла собраться без причины.

Победившая давку, я проникла внутрь лазарета, когда другие первогодки остались за его пределами. Я прямо восхитилась великолепным исполнением охранной магии. Если использовать нечто подобное для защиты тайного хода и моей новой комнаты с видом на загоны и виварий, я избавлюсь от незваных гостей.

Теперь мне нужно было найти Мэнди. Я не знала полного имени штатного лекаря, поэтому в мыслях можно было называть ее по имени, а вслух держать язык за зубами. Я же не ее подружка, как Аннет, чтобы панибратничать. Я всего лишь кадета. Я шла в поисках Мэнди, но получила другой сюрприз: в лазарете зачем-то отирался Каннем.

– Привет, – сказала я, позвав его. Подойдя ближе, я спросила его. – Ты что здесь делаешь? Подрался с кем-то? – Я еще ни разу не видела, что он дрался с кем-либо, но по данной Шатрэном характеристике я могла догадываться, что подобные случаи были до моего появления.

– Привет. Кто-то подбросил в комнату Канны змей из вивария. Я пошел к ней разобраться насчет Наяры и тебя и... если бы я не пришел и не заметил змей, кто-то из девочек мог погибнуть. А так Канна отделалась лишь легким укусом в руку. Ее жизнь вне опасности...

Я застыла. Получается, это не Наяна подбросила ко мне змей, а Канна? Новая информация стала для меня шоком. Зачем Канна подбросила мне в комнату змей? Для чего ей это было нужно? Наяна убедила ее убить меня? Зачем? Я ведь никак не мешала самой Канне, а только Наяне. Ее я вывела из себя наездом на тетку комендантшу и победой над ней. Временной победой, но эта победа дала мне длительную передышку.

– Кто выкрал змей из вивария? – я всего лишь повторила слова за Каннемом, чтобы не вызвать подозрений, что я знала о змеях в замке. – Канна не собиралась проводить никакого эксперимента со змеями? Она могла сама выкрасть их и недоглядеть?

– Ты издеваешься? – вспыхнул Каннем. – Это всего лишь моя сестра! Зачем ей сдались змеи? Она вообще всех мелких и хвостатых животных боялась с самого детства. Ящерицы, змеи, крысы. Все, что имело хвосты, для нее табу.

Значит, это была не Канна. С моих плеч словно тяжкий груз свалился. Я была бы сильно разочарована в девушке, которую я считала не просто нормальной, а хорошей. В моем личном топе характеристики «хороший человек» заслуживало так мало людей, что их можно было пересчитать по пальцам одной руки. Или двух, если брать во внимание всех хороших людей за всю мою жизнь, а не только последние годы.

– Тогда может быть Наяна? Или Сабрина? Еще утром меня переселили в другую комнату, и у меня больше нет доступа в ту, – я поспешила сообщить о своем переезде. – Хотя я не понимаю, зачем любой из них нужно избавляться от Канны. Они ведь дружили. Канна даже поддержала Наяну против меня. Я не нахожу ни одной причины, в чем Наяна и Канна могли не сойтись во мнениях. Сабрина тоже не казалась способной на подобный поступок.

– А я откуда знаю? Этим делом уже занялся дисциплинарный комитет. Кураторы собрали экстренное собрание. Понимаешь, эти змеи... они не только крайне ядовиты, но и магически защищены. Их не возьмешь ни одним атакующим заклинанием. Они какой-то там вымирающий вид. Их яд используется для приготовления редких дорогостоящих лекарств. Что-то вроде этого. Я плохо запомнил объяснения Грума, если честно.

Грум – лектор по магическим существам. И насчет «их ничем не возьмешь» я могла бы поспорить. Я не смогла ранить змей, но я смогла отбросить их самым мощным базовым щитом, на который я вообще способна на сегодняшний день. Все-таки змей украла Наяна. Или Сабрина, но против Сабрины ничего не было ни у меня, ни у нее против меня. У Сабрины не было мотива вредить мне ни так жестоко и смертельно опасно, ни мелко каким-либо другим образом.

– Паршиво как-то получается. Сначала ты в больницу загремел, теперь Канна. Вы случаем не прокляты? – я говорила всерьез, а Каннем почему-то воспринял мои слова как шутку и усмехнулся, взлохматив волосы пятерней. – Нет, правда. Все в порядке? Ты никому дорожки не переходил недавно? Может быть вам кто-то мстит? Или вашему отцу?

– Если так посмотреть и подумать, – Каннем склонил голову, опустил глаза и понизил громкость голоса. Он нахмурился, и все признаки в сумме не говорили ни о чем хорошем. – В последнее время отец чем-то очень сильно обеспокоен. Я пытался узнать у него, но он не говорит даже мне. Он мог Канну отослать и маме ничего не сказать. Но он ничего не говорит мне! Это нонсенс! Видимо, это что-то очень серьезное, раз он не хочет вмешивать меня.

Раз у его отца проблемы, то мне точно не следовало лезть в эту историю. Рэндаллы сами разберутся с проблемами своего бизнеса, а вот змеи все-таки предназначались мне. Кто их подбросил? Наяна или Сабрина? Наяна была первой, на кого падало подозрение. И она предпочитала действовать в лоб. Идея подкинуть змей, которых еще предварительно нужно было незаметно выкрасть, не могла принадлежать такой эмоциональной особе. Или могла?

С другой стороны среди подозреваемых была Сабрина. Она была таинственна и непонятна. Она хранила общность троицы нимф, но у нее с Канной не было такой сильной дружеской связи, как у Канны с Наяной. Притом у Сабрины не было другого мотива мстить мне, кроме как наконец избавиться от занозы, мешающей Наяне исполнить ее план по завоеванию внимания Каннема, то есть избавиться от меня. Так что натянуть мотив тоже можно, если постараться.

– Если это касается твоего отца, то лучше ему разбираться, а не нам и дисциплинарному

комитету. Хотя у дисциплинарного комитета больше возможностей найти исполнителя. Поговори с ними и объясни свою точку зрения. Если конечно хочешь, чтобы виновного нашли. Я в этом деле не помощник. У меня ни знаний, ни связей, ни шансов защититься от агрессора. Прости, если разочаровала.

– Нет, не разочаровала. Я все понимаю. Лучше пусть дисциплинарный комитет отработывает добавку к стипендии и зарплате, а я позабочусь о Канне. Отец и пальцем не пошевелил, чтобы отправить ее в больницу. А когда я «поцарапался» слегка, так он истерику закатил. Ты мне скажи, я похож на сахарного мальчика?! Почему отец больше доверяет Канне?

Я пожала плечами. В их семейных разборках черт ногу сломит. Канна ревновала отца к Каннему, а Каннем – к Канне. Их мать наверное вовсе ревновала мужа к детям. А в результате все друг друга ненавидели и не могли унять гордыню и наконец поговорить, разобраться в случившихся недоразумениях и помириться друг с другом. Хорошо, что хотя бы Каннем додумался пойти на примирения первым.

– Уважаю! – сказала я и легонько ударила его по плечу. Вряд ли он понял, что я похвалила его за решительность, а не за то, что он пришел на помощь сестре и готов отдать ей свой долг, когда она присматривала за ним в больнице. – Увидимся завтра!

– Ага, до завтра!

Я не стала добавлять «если меня выпустят из лазарета». Завтра будет практическое занятие у Шенка по боевой магии, и мне бы очень не хотелось пропустить его. Альтир Шенк обещал научить нас какой-то крутой и очень полезной штуке, но так и не рассказал, какой именно. Я не смогла догадаться даже после того, как пролистала учебник для первого года обучения. Альтир Шенк умел интриговать!

Но здоровье важнее. Я наконец нашла лекаря и даже краем глаза увидела Канну с перебинтованной рукой. Она была бледновата, но выглядела вполне здоровой и полной сил. Немного напуганной разве что. Как же я рада, что с ней все в порядке, и она несильно пострадала. Я даже не подумала, что вместо моего злопыхателя пострадать мог невиновный человек! Ни одной мысли не было!

– Анита Рэнвальд? – спросила лекарь, и я увидела, как Канна вздрогнула, услышав мое имя. Но дверь в ее палату закрылась, и женщина обратила все свое внимание на меня. – Хорошо выглядишь. Гораздо лучше, чем описывала твой куратор. Значит ты всего лишь немного простудилась. Пойдем. Посмотрю тебя и выпишу лекарства. Даже больничный не дам.

– Аннета не мой куратор, – замялась я, но за Мэнди пошла, как она сказала. – Она просила называть ее по имени. Так получилось, что ее фамилии я не знаю, и Аннета сама не захотела говорить.

– Раз не захотела, то и я не буду. – Мы вошли в еще один кабинет, в котором были только кушетка, тумбочка размерами с кухонный островок и простой стул для врача.

Целительница посмотрела меня, проверила жизненные параметры и взяла несколько проб на инфекционный анализ, потому что штамм моей простуды она «на глаз» определить не смогла. Также мне в сумку отправилась целая батарея скляночек с оздоровительными эликсирами и две баночки таблеток разных цветов, чтобы максимально быстро повысить мой иммунитет и способность организма самостоятельно справляться с простудой.

Вручив мне половину аптечки с запиской, что-как-когда принимать, Мэнди отправила меня обратно в комнату отдыхать и набираться сил, потому что больничный я не заслужила. Удивительная штука эта болезнь: я думала, что сдохну, а оказалось что я выдумываю. Все-таки стресс плохо влиял на мою психику и вынуждал думать пессимистично. Нельзя так!

Вернувшись в комнату, я первым делом присела рядом с осколками разбитого венком зеркала, которые только смахнула в сторону тувелькой перед тем, как уйти в лазарет. И что же мне теперь делать с этим зеркалом? Если бы только я через осколок или цельное зеркало могла бы поговорить с одушевленным артефактом, контролирующим сеть, он бы подсказал, что мне следовало делать.

– Выброшу наверное, – сказала я сама себе, думая, как мне взять осколки порталного зеркала и не пораниться. Если поранюсь, то артефакт может начать глючить при моем применении и отправить меня туда, откуда я никогда не выберусь без посторонней помощи. – Чем бы смести? Ни совка, ни веника нет. Даже не знаю, где их взять на ночь глядя.

Магии после «противозмеинового» щита у меня не осталось, а восстановились слезы, а не магия. И как я завтра пойду на практику по боевой магии? Снова буду до капли контролировать использование магии из резерва? И восстановится ли резерв за ночь, если я правильно выпью лекарства?

А еще меня очень сильно расстроило ранение Канны. Вроде бы мы не были с ней подругами (я вообще не любила привязываться к людям, которые в последствии могли предать), но Канна... тот разговор на балкончике... Я почувствовала, что она была той единственной среди магов, кто понял меня и то, что я чувствую.

Те же эмоции у меня вызывала куратор Аннета и... Шатрэн. Я знала, что с ним я могла наглеть как угодно и ничего мне за это не будет. Будто я доверяла ему и чувствовала себя в безопасности рядом с ним. Это точно последствие того безымянного ритуала и копия языкового дара Шатрэна во мне.

Задумавшись, я вдруг вспомнила, что я не просто видела толпу первогодок перед лазаретом. Я видела в этой толпе Наяну, мнущуюся практически у входа, но так и не посмевшую войти внутрь. Ее должны были пустить, ведь они соседки. Ведь Наяну можно было попросить присмотреть за раненой соседкой. Но Наяна не вошла в лазарет. В кое-то веке почувствовала свою вину? Или со временем она привязалась к Канне и стала считать ее настоящей подругой? Мне ждать еще одной ее выходки из мести за ранение Канны?

Ох, как непросто быть кадеми магической Академии Трех Сил! И это я еще «не доросла» до разделения на светлый и темный свет. Если я поняла все правильно, разделение произойдет после специального тестирования в начале второго триместра. Если верить ритуалу «Изгнание четвертого» у моего потенциала преобладала темная сторона, а значит темный свет был моим выбором.

Еще какое-то время я читала книгу по травоведению, пока за окном совсем не стемнело, и замок стих. У меня в комнате больше не было зеркала, а без него я не могла вернуться в сокровищницу. Спать за ее пределами я отказывалась принципиально, не имея фатальной жажды преждевременно отправиться на тот свет из-за «баловства» магии-недоучки.

Я прямо кожей чувствовала ее ненависть ко мне, и у меня волосы вставали дыбом от ее пронзительного взгляда, полного гнева и мстительного торжества. Я хорошо запомнила ее взгляд, когда вышла из сторожки комендантши. Она чувствовала себя абсолютной победительницей, растоптавшей свою соперницу так успешно, что та (то есть я) даже на ногах удержаться была не в состоянии и сползла по стеночке на пол.

Аффект, азарт и адреналин понемногу падали, и до моего мозга медленно и мучительно доходило, что меня чуть было не убили, подбросив редких змей, чей яд смертельно опасен для человека! Я вроде бы вышла победителем в схватке и рационально не оценила степень опасности незапланированной битвы. А ведь если бы я проиграла, то умерла. В академии не было ни Шатрэна, ни председательницы. Меня некому лечить также, как дочь очень богатого отца, способного оплатить совершенно любой лечение.

Сняв плотный чехол с подушки, я осторожно сложила в него осколки зеркала и спрятала кулек в сумку, прикрыв его сверху учебником травоведения. Остаться в этой комнате дальше у меня не было причин. Вернусь в сокровищницу, расставлю выбранные Каннем книги на полке книжного стеллажа и пойду спать. И не важно, что завтра я получу свой первый неуд по истории, потому что к написанию реферата я так и не прикоснулась. Не до того было: то болезнь, то покушение на мою жизнь. Совсем не до того!

По ночным коридорам замка я проскочила буквально за десять минут, оставшись никем не замеченной, и забежала в зеркало, оставленное мною в безлюдном коридорном тупике. Тот, кто не был связан с оригинальным артефактом кровью, использовать зеркало не мог, но кто-нибудь из опытных преподавателей вполне мог догадаться, для чего это зеркало использовалось и вычислить кем именно использовалось.

Войдя в сокровищницу, я до автоматизма выученным заклинанием зажгла свет и прошла в кабинет. Как же комфортно здесь стало!... после того, как я научилась не замечать свалку за пределами невидимой границы между сверкающей чистотой площадью и небранной частью. Скинув туфельки рядом с зеркалом, я аккуратно корешок к корешку расставила на одной полке восемь книг и все выданные Мэнди лекарства на другой в свободном уголке. Так я не забуду их выпить перед завтраком и взять на завтрак те, которые нужно пить сразу после еды.

Вот теперь можно переодеться в пижаму и ложиться спать!

Впервые за долгое время я проспала! Я подорвалась с дивана, сбрасывая с себя одеяло, и буквально падая на пол. Кто вчера бросил академическую униформу, не постирав? Анита Рэндал! Садись, пять! Пока я раздумывала, успевала ли на завтрак или нет, руки параллельно сначала бросили вещи в артефактный таз, а потом полезли за выданными таблетками. Возвращаться в состояние растения, как то было вчера, я не хотела. Лучше завтрак пропустить,

Пока провозилась с одеждой, время прошло. На завтрак я уже катастрофически не успевала, а потому я нагло и безнаказанно засунула в зеркало руку и стащила с кухни тарелку с аппетитно пахнущими булочками. Их пришлось жевать в сухоматку, но оно того стоило. Булочки были реально очень вкусные и пеклись исключительно для малой преподавательской столовой, несправедливо решив, что кадемы такую вкуснятину не заслужили.

Первым в расписании значилась боевая магия, и я притормозила, и прислушалась к себе и своему организму. Восстановился ли мой резерв хотя бы наполовину? Лекарства лечили меня, заставляя организм в повышенных объемах использовать внутренний резерв магии для самовосстановления. В результате на занятия оставались крохи. Сущие слезы. Надо будет предупредить Альтира Шенка, что я сегодня слегка не в форме. Думаю, на первый раз он меня простит.

На боевую магию к Шенку я летела, словно ветер, ноги не успевали коснуться пола, как я уже переменяла их. Я опаздывала! Очень сильно опаздывала, и никакие лекарства не могли оправдать того, что я посмела опоздать на урок к Альтиру Шенку! Он был единственным преподавателем, кто вел у первоодок сразу три дисциплины, и я могла сильно подмочить себе репутацию в его глазах, если бы проснулась на десять минут позже!

К моему появлению занятие уже началось, и мне не осталось ничего другого кроме как на глазах у всех пойти «на ковер» и извиняться. Альтир Шенк не любил опозданий. Он не наказывал опоздавших, как Шатрэн, но с большой долей вероятности мог занизить оценку практического занятия или задать несколько дополнительных вопросов при устном ответе во время лекции или проверки домашнего задания.

– Кадемы Рэнвальд! – голосисто, притом басом, Альтир Шенк назвал мое имя так что я вздрогнула – Вы видели, который час? Не рановато ли вы явились?!

– Простите, я в последние дни сильно приболела. Вчера меня в лазарете напичкали лекарствами, и... и я проспала. Даже на завтрак не сходила, – покаялась я, признавшись во всех грехах кроме одного. Таблетки, которые я должна была выпить после завтрака, я выпить не успела и взяла их с собой, намереваясь выпить их чуть позднее.

– Вот оно что, – призадумался преподаватель. Мне он почему-то поверил, в отличие от других опоздавших в предыдущие разы. Я была поражена. Видимо мой статус любимицы чего-то стоило. – Заниматься на практической части сможешь?

– На несколько попыток меня хватит, а дальше буду наблюдать за другими или читать учебник. С вашего позволения, – уточнила я.

Мой резерв за ночь восстановился примерно на одну шестую часть, а мои навыки регулирования потока значительно упростили выполнение практических занятий по любой дисциплине. Причем я порой выполняла задания настолько круто, что никто не замечал ущербности объемов моего магического резерва! Каких трудов мне стоило не показывать своих слабостей перед теми, кто был рожден магом. И ведь получалось!

Шенк выдал мне листок с тестом, для решения которого мне не требовалось ни капли магии. От письменной работы я отделаться не могла и пока решала умудрилась еще задуматься о том, чтобы отпроситься с занятия вовсе и хотя бы мельком посмотреть информацию по теме реферата на историю, которая в расписании как раз стояла между боевой магией и обедом.

Сегодня в атмосфере что-то неуловимо изменилось. Что-то такое, что осознать было очень сложно, пока... пока Шенк не икнул, увидев как Канна и Каннем согласились быть партнерами на практической части занятия. На его месте я бы тоже испугалась и постаралась как можно быстрее развести двух люто ненавидящих друг друга людей, если бы не знала вчерашней предыстории. Брат и сестра уняли свои гордыни и пошли на примирение.

Канна все еще с недоверием смотрела на брата, но в ее взгляде тоже кое-что изменилось. В

нем появилась осмысленность, и исчезли слепая ярость, обида и гнев. Каннем тоже вел себя иначе, словно в его глазах Канна стала его маленькой сестренкой, которой требовалась безоговорочная защита. Я усмехнулась, склонив голову и уведя взгляд в другую сторону. Через пару дней от перемирия не останется ни воспоминания: вряд ли Канна потерпит опекунского надзора «из благих целей».

Альтир Шенк поверил в столь резкое и кардинальное изменение в отношениях двойняшек еще меньше, чем я, и развел их по разным парам. Мне снова достался Каннем, надувшийся и обиженный на решение преподавателя. Я Шенку очень хорошо понимала: с его стороны было бы весьма опрометчиво ставить этих двоих в пару. Даже если Канна и Каннем вчера изменили свои мнения друг о друге, их привычка собачиться друг с другом могла испортить практическое занятие.

– Никаких перестановок в течение триместра! – гаркнул Шенк, чтобы больше ни у кого не появилось желания попортить ему настроение. – Триместр закончится, и по его результатам я сам разобью вас на пары для наибольшего эффекта совместной практики!

Вот это новость. Я-то думала, что до конца года или даже до конца учебы буду в одной паре с Каннемом. Успокоится ли Наяна, когда хотя бы на защитных чарах и боевке мы с Каннемом не будем работать вместе? На Наяну я старалась не обращать внимание, но эта тактика не слишком помогала. Я затылком чувствовала ее ненавидимые взгляды и слышала, как она нашептывала проклятья в мою сторону.

Я уверена на все сто процентов, если ей представится возможность сделать хотя бы маленькую гадость мне, она ее сделает. О совершении гадости побольше я даже не сомневалась, что сделает. Она меня так сильно ненавидела, как никто прежде в моей не самой длинной жизни. А я хотела прожить долгую и счастливую жизнь.

У меня не было доказательств, но для себя я уже все решила. Это Наяна украла змей из вивария и подкинула мне. Я не знала каким образом она их украла, зато могла предположить, как ей в голову пришла столь мерзкая и преступная мысль. Она после моего ухода поговорила с комендантшей, та ее жестко отчитала, и Наира затаила на меня обиду за ссору с теткой. Затем Наира проследила за мной, куда меня переселили, и ей на глаза попался виварий. Дальнейшая логика ее задумки была кристально ясна.

Если бы не волшебное средство Аннеты, у меня бы волосы встали дыбом, потому что Наира и ее напарница поменялись местами с другой парой, и теперь она стояла в одной со мной линии всего в двух-трех шагах от меня. Я понимала, что это неспроста и предчувствовала неприятности. Готовность в любой момент поставить щит от нее возведена в абсолют. Секунда – и я обломаю любой ее план.

– Вот так. Хорошо, – Альтир Шенк хлопнул в ладоши, разведя брата и сестру не только в разные линии, но и в разные части зала. Я с усмешкой наблюдала за обиженным бурчанием Каннема, не посмевшего ворчать вслух. Только губы двигались, словно в немом кино. – На прошлом занятии я обещал научить вас кое-чему новенькому и очень полезному в критических ситуациях. Только представьте, на учебной практике или экзамене вы оказались в лесу, и вас окружили дикие магические звери. Они настолько сильны, что ваших сил не хватит справиться с ними, и вы не сможете долго убежать от них. Может быть, вы устали или ранены. Или вы нашли другого кадема раненым или без сознания, а вам нужно продолжать выполнение задания. Что вы будете делать в такой ситуации? От правильного решения зависит ваша финальная оценка или даже жизнь!

Зал погрузился в тишину, а я подумала, что если бы я нашла человека без сознания, то позвонила бы в сто двенадцать. Откуда я знала, что мне стоило делать в опасной ситуации? Сколько новостей в интернете об уголовном наказании за непрофессиональную помощь! С меня хватило бы того, что я не прошла мимо и сообщила специально обученным людям о происшествии! Но я ведь не могла сказать Шенку, что я бы взяла смартфон и позвонила сто двенадцать, верно?

– Нужно подать сигнал преподавателям, что вы попали в затруднительную ситуацию! – рявкнул Шенк. Надо же, я угадала. – В зависимости от цвета сигнала будет выслана квалифицированная помощь и начислены дополнительные баллы за правильно использованный сигнал бедствия! К концу первого триместра каждый из вас должен научиться идеальному выполнению шести сигналов. Для начала выучим три базовых: «я выбыл», «ранен один» и «раненых несколько».

Всего, как сказал Шенк, было шесть сигналов трех цветов: красный, синий и зеленый. Красный сообщал об угрозе «опасность». Синий говорил «опасности нет». Зеленый

информировал, что участник, использовавший зеленый сигнал, сошел с дистанции. О количестве раненых стоило судить по форме выпущенного, как петарда или фейерверк, сигнала. Мелкая звезда – раненых нет или «я выбыл». Комета с хвостом – ранен один. Крупная звезда-шар с хвостами, словно солнце на детском рисунке, – раненых несколько.

А ведь это действительно удобно, если есть кому смотреть на небо в ожидании появления сигнала. А еще с большой долей вероятности означало, что экзамены будут проводиться в сумерках или рано утром еще до рассвета. Я все-таки не задумывалась, что нас заставят бродить по ночному лесу и выполнять экзаменационное задание. Это было бы слишком жестоко.

– Выпускать сигналы будем в потолок. Не бойтесь. Сеть сохранения не позволит потолку, обрушиться на вас, и поглотит всю магию. И это не значит, что нужно вбухивать в один сигнал весь свой резерв! Сигналы созданы для того, чтобы с минимальными запасами успешно позвать помощь в критической ситуации. На зачете у каждого будет этот вопрос! У всех! У не сдавших все шесть сигналов не будет допуска к экзамену!

Уууу... как все строго! В принципе правильный подход. Если кадем во время выполнения задания академии попал в трудную или даже опасную для жизни ситуацию, он или она должны немедленно сообщить и предпринять меры для устранения опасности. Иначе родители забывчивых кадемов чуть позже сожрут сотрудников и администрацию академии из-за травм своих деточек.

К моему удивлению, первым сигналом к изучению Альтир Шенк предложил не «ранен один», который наиболее важен и средний по сложности, а простейший «я выбыл» или «раненых нет». Смысл зависел от цвета выпускаемого сигнала. Естественно все запомнят только первое значение и отрабатывать мелкую звезду будут неохотно. А я, пожалуй, наоборот. Мелкая звезда меньше всего сожрет резерва, что мне было как раз на руку.

Зеленая маленькая звезда – я выбыл. Красная маленькая звезда – опасность и раненых нет. Синяя маленькая звезда – не использовалась? Что-то здесь было не так. Три формы сигнала и каждая могла быть в трех разных цветах Трижды три равнялось девяти, а не шести. Что означали оставшиеся три сигнала? Их действительно не использовали? О чем я спросила, фактически выкрикнув в спину Шенку.

– Кадеми Рэнвальд, – Шенк обернулся, но не выглядел обиженным. – Оставшиеся три сигнала используют в командных заданиях, а также на соревнованиях. Синяя маленькая звезда означает «опасность миновала». Зеленая комета – цель достигнута. Зеленый цветок сообщал о победе одной из команд и завершении раунда. Сегодня вас не должны интересовать никакие другие сигналы, кроме трех базовых. Цвет во время практики можете выбрать любой, какой вам больше нравится.

Чем отличалась победа от достижения цели? Я не стала задумываться и в качестве цвета для практики выбрала золотой. Он мне импонировал и напоминал о вчерашней победе над змеями. Что бы я делала, если бы не носила венок на шее? С головы я бы его точно сняла, прежде чем лечь в кровать.

Пафос – мое второе имя. Сложив кисть правой руки в любимом жесте – два пальца вытянуть, а большой, безымянный и мизинец прижать к ладони – я коснулась вытянутыми указательным и средним груди, выбирая достаточное количество энергии, и затем резко вскинула руку вверх. В потолок устремилась маленькая золотая звездочка. Она вышла немного бледной и быстро растаяла, но я все равно была довольна результатом.

– Для первого раза пойдет, – весьма скупой похвалил Шенк, но мне показалось это не оттого, что я просила не выделять меня среди других первогодок. У меня на самом деле вышло весьма посредственно. – Тренируйся. Такой сигнал не увидеть даже в телескоп!

Среди первогодок пронесся смех. Ну конечно же, любимицу опустили! Я опущением замечание не посчитала, а всего лишь полюбовалась получившимся всполохом и приняла к сведению, что звездочка должна быть значительно ярче. Зато сразу после меня, как только Шенк дал отмашку, в потолок устремились десятки звездочек различных цветов, и они были гораздо ярче моей. В них было влито гораздо больше магической энергии, чем я могла себе позволить.

– Вот так! – хвалил Альтир Шенк, каким-то невероятным образом успевая замечать, какая звездочка кому принадлежала. – Старайтесь использовать меньше резерва! В критический момент вас его может вообще не остаться, и вы все равно должны суметь выпустить сигнал. Пусть лучше он будет слабенький, чем вообще никакой! На зачет принесу антимагические

браслеты, и будете сдавать мне зачет в них!

Последнему предупреждению вняли все, и недовольный гул пронесся по рядам кадемов. Заставлять сдавать практический зачет в антимагических браслетах, напоминавших настоящие кандалы по внешнему виду и по функциональности, было слишком жестоко. Зато запускаемые в потолок звездочки значительно потускнели.

Регулировать поток Шенк нас научил, а чего теперь пытался добиться? Максимальной производительности при минимальных энергозатратах? Я вообще не понимала, как можно было сделать мою звездочку ярче и не влить в нее ни капли дополнительной энергии. Хотя паутинку заклинания переплетай под свои потребности. Индивидуальные свойства магического резерва у всех были разные, а значит наиболее энергоэффективная схема у каждого также будет различна.

Я зависла. Структурные схемы заклинаний в первом триместре не изучались, а только сообщалось об их существовании. Будь мой резерв заполнен хотя бы на половину, я подорву «хлопушку» у собственного лица, если ошибусь в прокладывании хотя бы одной ниточки.

Мою концентрацию прервало появление совершенно неожиданного посетителя. В зале было шумно, я даже не сразу поняла, что кто-то вошел, и позволила себе отвлечься на пару слов с Каннемом. Я не могла сама разобраться с плетением, и только хотела спросить у него совета, как произошло нечто странное.

Меня ослепила яркая зеленая вспышка, и отбросило назад силовой волной, словно рядом со мной что-то взорвалось. Я даже пискнуть не успела. Только промелькнуло в голове одно имя – Наяна. Я выгнулась в спине, и меня держали сильные руки. Передо мной фонило так, что перебивало все остальные осязательные чувства.

Меня поразило вспышкой очень мощной и яркой звезды, а поймавшие меня руки вдруг оказавшегося за спиной мужчины я узнала мгновенно. Эти руки невозможно было не узнать! Эти сильные руки принадлежали никому другому кроме как Шатрэну! Неужели господин ректор снизошел до простых смертных и появился перед нашими очами?

– Рэнвальд, – он холодно назвал мое имя, и я узнала голос. Я угадала. Не ошиблась. Это был Шатрэн. – Снова влипли в неприятности?

Если бы я его видела, то прожгла бы в нем дырку яростным взглядом! Шатрэн держал меня за поясницу и за руку, не позволяя упасть и не поднимая меня. У меня так тело быстро занемело от крайне неудобной позы. Ему вообще нормально так меня держать на глазах у десятков кадемов и Шенка?

– Поставьте меня, пожалуйста, – выдавила из себя я, повторив обращение на «вы». Реально стоять так неудобно. Мне вообще приходилось носочками туфель касаться пола, находясь чуть ли не в позе мостика. – Сейчас поставьте.

Шатрэн отмер и неспешно поднял меня. Он еще какое-то бесконечно долгое время держал руку на моей пояснице, обнимая меня на глазах у десятков кадемов! И даже если со стороны объятия выглядели невинными и вынужденными, я чувствовала, что держали меня совсем не невинно и не вынужденно, а по собственной воле!

– Как себя чувствуете? – Шатрэн отпустил меня и сказал слова, за которые я готова была его убить немедленно. – Сколько пальцев видите?

Он меня разыгрывал? Я вообще ничего не вижу! Как я могла увидеть его пальцы, если в мире моего зрения не было ни пальцев, ни рук, ни его тела. Ничего вообще! Я не сдвинулась с места и не пошевелилась, чтобы ненароком не потерять равновесие. Почему-то временная потеря зрения меня не испугала: видимо я не хотела выглядеть глупо и слабо на глазах своего главного врага. И слишком подозрительного союзника.

– Не знаю, – призналась я, трагически вздохнув. – Вспышка меня ослепила. Зрение ведь восстановится к вечеру?

Я не допускала крамольной мысли, что зрение могло не восстановиться. В академии был свой штатный целитель. Если Мэнди не справится с моим лечением, меня отправят в больницу. Председательница ведь позаботилась о документах для меня. Так что я существовала не только в реальности, а также на бумаге.

– Альтир Шенк, сопроводите кадеми Наяну Юньш к дисциплинарному приставу. Все

остальные могут быть свободны. Занятие окончено.

Все-таки Наяна.

– Лектор Шатрэн! – взвизгнула Наяна. – Я не специально! Это вышло случайно!

– Ректор Шатрэн, – поправил Шатрэн, рыкнув на преступницу. – Вы можете обмануть своих одноклассников, но не преподавателя. Альтир Шенк подтвердит, что вы сделали это специально. Это уже не первое ваше правонарушение. И вы ответите за свои неправомерные поступки по всей строгости академического устава.

Теперь, когда Шатрэн заступился за меня на виду у стольких свидетелей, комендантша даже мысли не допустит устраивать заговоры против меня и пакостить мне. Шатрэн не дал ей даже слово вставить, не то что объясниться. Присутствующие были в настолько глубоком шоке из-за назначения нового ректора, что никто никак не прокомментировал и не заступился за Наяну. А может быть, они просто видели, что она атаковала меня специально.

– Занятие окончено! – рыкнул Шатрэн, повторяя приказ. – Альтир Шенк, отведите Наяну Юньшс к дисциплинарному приставу! – Повторять в третий раз не пришлось.

– Анита, – я услышала голос Каннема, и он перед тем как уйти и увести сестру, пообещал. – Я навещу тебя в лазарете позже.

Кадемы, словно освобожденные из клетки после насильственных угроз, быстрым шагом покидали тренировочный зал. Из-за временной потери зрения я слышала и ощущала магию немного острее. Я чувствовала огромный заряд магии на потолке, впитанный сеткой, и до сих пор ощущающийся в воздухе мощный щит, выставленный Шатрэном между мной и Наяной. И что-то энергетически крайне плотное и тонкое связывало Шенка и Наяну. Веревка из магической энергии? Так тоже можно? Именно этому хотел научить нас Шенк на сегодняшнем занятии? Увидеть бы глазами...

Наконец Шенк увел Наяну, и мы с Шатрэном остались один на один. Я молчала, и он не произносил ни звука. Я молчала, потому что мне нечего было сказать. А он-то почему молчал? Только дышал неровно, словно сделал большое усилие. Тяжесть поставленного им щита не рассеялась ни на каплю. Сколько сил он вбухал в него? Как я вчера – почти весь резерв?

– Анита, – вздохнул Шатрэн, – зачем ты ввязалась в неприятности? Я не успел назначение отметить, а у меня уже четыре фатальные катастрофы. И две из них с твоим участием.

Внутренний голос подсказывал мне, что все четыре фатальные катастрофы имели непосредственное отношение ко мне. Но я ведь не буду признаваться, правда? И почему кстати четыре, а не две? Первый инцидент произошел вчера, когда виварий обокрали, и Канна пострадала от укуса змеи. Второй сейчас. Публичное нападение на кадемы с нанесением вреда средней тяжести. А какие третий и четвертый? Ах, точно... исчезновение кадема. С моих слов, убийство Дакура! Нет тела – нет дела. Насчет четвертого у меня не было идей

– Отведи меня к Мэнди. Пожалуйста.

– Мэнди? Ты уже на короткой ноге со штатным целителем? – Шатрэн не мог не заметить, что я не назвала фамилии женщины. Но ведь я ее не знала. Не стоило мне наверное называть ее имя. Попросила бы просто отвести меня к целительнице. Зачем уточнять? – Твоя удивительная способность искрометно сблизиться и с друзьями, и с врагами поражает меня.

– Я заболела. Чувствовала себя так плохо, будто умирала. Но это оказалась всего лишь простуда. Выпила лекарства, и мне стало намного лучше. Вот, не успела после завтрака выпить.

– Не нужно. Готовы результаты вчерашнего исследования. Выданные вчера лекарства сдашь и получишь специализированное лечение.

Что-то мне не нравились его обтекаемые формулировки. Еще хуже звучала новость, что результаты моего медицинского исследования были выданы Шатрэну. По какому праву? Там должно быть что-то совсем аховое, раз доложили новоиспеченному ректору.

– Что-то серьезное? – я попыталась испепелить его взглядом, но чувствовала, что неправильно определила высоту расположения головы и смотрела куда-то не туда. То ли в шею, то ли в лоб. – Кайся! Я все равно узнаю! Здоровье не тема для шуток! Не пугай меня!

– Ты отравилась. Мэнди расскажет подробности.

Шатрэн нежно коснулся моей щеки фалангами пальцев. От неожиданности я встала как вкопанная, пораженная его странным поведением. Ничего не предвещало! Или вместе с назначением на ректорскую должность он унаследовал от предшественника долг и подумал, а почему бы мной не заплатить? Сразу столько проблем в его жизни решилось бы!

Что-то голова потяжелела... Я почувствовала головокружение, и стала медленно оседать на пол. Сильные руки подхватили меня под поясницу, подняли и прижали к груди. Слух, магическое и физическое осязания покинули меня, и я потеряла сознание.

Шатрэн вырубил меня! Я точно уверена, потеря сознания – его пальцев дело! Он пустил в меня какое-то заклинание, и я осела прямо в его руки. Вот зачем он это сделал? Боялся, что я могла устроить истерику и наотрез отказаться идти в лазарет? Да я бы побежала к Мэнди, если бы видела! Я отравилась? Где и когда? Я ела только в столовой вместе с другими кадемами, и несколько раз мне отправляла еду Аннета. Ну, еще сам Шатрэн призвал один раз завтрак, и... я ела то, что мне подавал папашка...

О, богинюшка, спаси и защити! Как я могла так глупо довериться? Я ведь знала, что он попыруется отравить меня! Я ведь опасалась! Так нет же. Вбила себе в голову, что папашка планировал отдать меня какому-то темному извращенцу за долги (почему именно меня?) Вбила и поверила, что подаваемая мне еда безопасна... Меня ведь должны были передать живой и невредимой...

На моих глазах лежала маска, и я боялась ее снимать. Страшнее всего было ничего не увидеть. Когда лежишь в темноте и в абсолютной тишине, когда слышишь только собственные мысли и больше ничего, то уже не можешь сдержать ни пессимистичных мыслей, ни слез. Я перевернулась на бок и, закусывая подушку, скулила. Без зрения мне никогда не вернуться домой. И никогда не устроиться в этом мире. Я вывалюсь на обочину, и что со мной будет дальше, я знать не хотела.

Прикусив губу, я словно очнулась от саднящей боли и резко сорвала маску с глаз. Открыть их я не решалась еще несколько секунд, пока окончательно не опустила руки и сдалась. Что будет, то будет. Мне уже все равно. Но судьба со мной не согласилась и дала мне еще один шанс. Я видела. Зрение ушло далеко от идеала, но, по крайней мере, я могла видеть. Мне нужно было подобрать очки, и я снова смогу ходить и читать без посторонней помощи.

Услышав незнакомые голоса, я замерла и прислушалась. Несколько мужчин тихонько переговаривались на тему распространения наркотиков, и я обомлела. Тут же я быстро-быстро забралась обратно под одеяло и притворилась спящей. Наркотики? В Академии Трех Сил? Вот какую фатальную катастрофу под номером четыре имел в виду Шатрэн! Бывший ректор Алгарсис и папашка помышляли наркооборотом под прикрытием академии!

Шатрэн изначально не хотел становиться ректором, и я могла поклясться, что он уже тысячу раз проклял председательницу, активно действующую на попрание его карьеры. Я бы точно прокляла, если бы меня заставили разбираться с наркоторговцами. А не этим ли я занималась, отстаивая свою жизнь и свободу? Верно. Именно с наркоторговцами я сражалась, чтобы меня не продали на эксперименты какому-то беспредельно могущественному и богатому извращенцу.

Под одеялом я даже сжалась, желая занимать как можно меньше места и не отсвечивать. Пусть большие страшные дядьки-дознатели из органов правопорядка разбираются с преступниками. Они за это зарплату получали, и я не собиралась отбирать их хлеб. Вскоре я услышала шаги. Кто-то приближался к двум незнакомым мужчинам, и он, остановившись рядом с ними, сразу же заговорил.

– Вы нашли книгу? – потребовал Шатрэн. Это был он. Его голос... такой же холодный, как был в тренировочном зале. Шатрэн не хотел, чтобы наше миловидное общение стало достоянием общественности. Так это его настоящий голос. Но со мной он почему-то другой.

– Ни одну, – отчитался один из незнакомцев, и второй поддакнул.

– Мы обыскали обе комнаты, и ни в одной нет ни следа книг, записанных в библиотечной карточке.

– Тогда активируйте отслеживающий протокол, – разрешил Шатрэн, а я, полностью шокированная его метаморфозой, слушала, как четко он отдавал короткие приказы. – Я должен лично убедиться, что Анита распространительница айшонг-ву.

Я?! Я подскочила на месте, нагнувшись с кровати и больно ударившись коленками о каменный пол. Если «айшонг-ву» было названием наркотика, а, говоря об Аните, Шатрэн имел в виду меня, то я должна была лично поговорить с ним и объясниться! Нельзя обвинять меня лишь потому, что в один не очень хороший день я появилась из ниоткуда.

Меня услышали, и Шатрэн приоткрыл дверь в мою палату. Я подняла голову на свет, льющийся из приоткрытой двери, и в шоке уставилась на Шатрэна, не в силах произнести ни

звука. Теперь я понимала, почему его назначили новым ректором Академии Трех Сил! Его слабость и мягкость были всего лишь показными. А тот мужчина в тренировочном зале мне не показался!

– Какая Анита? – спросила я его с надрывом. – Какая распространительница? Я все о себе расскажу, только не надо ни в чем обвинять меня! Я никогда зла не совершала!

Не замечая собственных слез, я смотрела в холодное лицо Шатрэна и видела, как сияли его обращенные на меня добрые глаза. Все-таки он еще не до конца уверен в моем обвинении. Ему нужны были более веские доказательства, чем... мое отравление? Меня отравили наркотиком? Но ведь я... но ведь я хорошо себя чувствовала еще долгое время с тех пор, как вырвалась из заточения. Неужели Наяна как-то смогла...

Шатрэн приблизился и присел рядом со мной. Он обнял меня, прижав к груди, а за его спиной маячили двое дознавателей, которые почему-то подчинялись ему. Раз они подчинялись, значит я могла рассчитывать на защиту Шатрэна? Могла ли я рассказать ему все?

Когда я чуть успокоилась и перестала всхлипывать, он пересадил меня на кровать и сам присел рядом. Происходящее... я не могла закрывать глаза на поведение Шатрэна, совершенно немыслимое по отношению к девушке, в которой он видел обычную студентку. Между нами сравнительно небольшая разница в возрасте, он очень молод... и он относился ко мне по-особенному. Этого больше нельзя было отрицать.

– Скажи мне, куда ты положила книги. Ты взяла их в библиотеке и куда ты положила их? – медленно, чуть ли не по слогам произнес Шатрэн. Вряд ли я смогла бы сейчас воспринимать его обычную речь нормальной скорости.

– В моей крови нашли наркотики? Много? Я могу вылечить?

– Айшонг-ву не наркотик, а цветок, источающий наркотические семена и галлюциногенную пыльцу. По закону он не запрещен для распространения. Используется в основном в маргинальных слоях общества и в ночных кабаре. Айшонг-ву не смертелен и признан легким наркотиком. И все равно мы не можем игнорировать, что он ядовит.

То есть айшонг-ву что-то вроде местного эквивалента насвая? К нам в школу приходил полицейский и объяснял почему насвай – плохая идея чтобы показать друзьям как ты крут. Он показывал красочную презентацию и приводил статистику отравлений насваем, включая тяжелые случаи. Точнее он больше всего внимания уделял худшим из последствий. В кое-то веке обязательный социальный урок против чего-то (алкоголя, наркотиков, подросткового секса) получился действительно интересным.

– Цветок? – удивилась я и недоуменно посмотрела в глаза Шатрэну. – Кто-то из моих соседок говорил, что все цветы в академическом саду были уничтожены, потому что какой-то парень отравился несколько лет назад, и его родители-спонсоры устроили бывшему ректору Алгарсису ультиматум. Или что-то вроде этого.

– Да. Это произошло в прошлом году. Студенты много десятилетий промышляли выращиванием и продажей за пределами академии, если хотели немного поправить свое материальное положение. В прошлом году один кадем из очень богатой семьи обкурился до того состояния, что с башни сбросился. Выжил. Родители провозили его по всем отечественным и заграничным целителям, а бывшему ректору Алгарсису очень хорошо позолотили ручку, чтобы истинная причина якобы несчастного случая их сына не всплыла в новостях.

– Вот оно как было... – прошептала я. – Но я ни разу не сталкивалась с цветами в академии. Только с розами в академическом саду. Когда меня подселили к Канне, Наире и Сабрине, они устроили мне приветственную вечеринку в саду. Я интровертка. Очень асоциальная интровертка, и через какое-то время я крадучись ушла, чтобы не помешать их веселью. Для этого я пошла другой тропинкой и около ограды увидела, как один парень высаживал красные розы... Это были розы, а не айшонг-ву. Я даже не знаю, как выглядит айшонг-ву.

– И ты надышалась ароматом тех роз? – уточнил Шатрэн, вскипая. Я видела как менялись его добрые глаза, и в них вспыхивал гнев, словно я не кустик роз ободрала, а его машину в фонарный столб вмазала. Если конечно у мага, с легкостью перемещающегося телепортом, была машина.

Я кивнула.

– Позже я срезала себе большой букет, когда того парня не было в академии. Выглядят потрясающе и не отцветают! Обычные цветы давно бы уже завяли, а эти! Я понятие не имею, каким заклинанием он воспользовался, чтобы...

Шатрэн, не дослушав меня, резко встал. Он сделал шаг в сторону и безмолвно исчез, а спустя тридцать секунд у моих ног разбилась артефактная ваза, которую я с таким трудом отыскала в завалах. Она идеально подошла для моих роз! Вот только вместо роз среди осколков лежало растительное чудовище с грязно-неоновыми розовыми лепестками и толстыми коричневыми корнями.

– Мо-я... ва-за... – прошептала я и вскинула голову. – Ты знаешь про Етереса кетема?!

– Анита! – гаркнул Шатрэн, явно обращаясь не ко мне, а к двум дознавателям, подслушивающим наш разговор. – Это айшонг-ву. От своего родственника айшонга он отличается тем, что не только его семена ядовиты. Также он источает отравляющий сознание газ и вызывает галлюцинации. В академии и тем более в академическом саду никто не высаживал розы. Высаживали айшонг-ву. Где именно? И кто? Назови его имя. Или опиши его, если не знаешь.

Он вынуждал меня раз за разом возвращаться к сожженным его магией омерзительно-розовым растениям-мутантам. Они были похожи на картинки плотоядных цветов тропических лесов Амазонки черт знает чего еще.

Я сидела ни жива, ни мертва. Каннем высаживал наркотические цветы, чтобы нажиться на них? Зачем? Его отец очень богатый человек. Самый богатый в стране, если верить словам куратора Аннеты. Тогда зачем? И почему он не заметил моего больного состояния, если знал об айшонг-ву, если видел меня той ночью у ограды академического сада.

– Почему ты спросил про учебники? Я ведь всего лишь взяла семь учебников по образовательной программе и два по зельеварению и травоведению. Мне очень импонирует зельеварение и хорошо у меня получается. Еще хотела взять художественный роман, но забыла его на стойке библиотекаря.

– Я знаю про роман. Его списали. Но в книжном стеллаже на полке над лекарствами шесть учебников и два пособия, – сказал Шатрэн. – Я пересчитал. Где еще одна книга? Почему ты взяла ее в библиотеке?

– Мне он выбирать учебники помогал. Я не смотрела... – призналась я, и мой голос окончательно стих до очень тихого шепота. – Просто записала у библиотекаря. Я только пособие по зельеварению посмотрела. Он помогал мне донести до комнаты, а потом... мои соседки уничтожили все вещи к моему приходу и нажаловались коменданту, что это я испортила академическое имущество.

– Кто он, Анита? Кто высаживал ядовитые растения в академическом саду? Кто отравил тебя и чуть не убил этим? Почему Наяна пыталась навредить тебе?

– Она ненавидит меня из-за того, что я общаюсь с ним...

– ...с парнем, который высаживал айшонг-ву и помогал тебе выбрать учебники? – закончил за меня Шатрэн, и я склонила голову. – Арестовать Каннема Рэндалла! Немедленно! Всю ответственность и разбирательства с его отцом я возьму на себя.

Я разревелась, закрыв лицо ладонями. Каннем не мог так со мной поступить! Шатрэн, ты ведь сам говорил, что он хороший несчастный парень, которому недоставало общения! Я стала с ним общаться, потому что доверилась слову Шатрэна и даже не подумала, что его возможно обмануть точно также, как любого другого человека.

Меня разрывало изнутри от душевной боли. Много лет я старалась не сближаться с людьми, чтобы не быть жертвой чудовищного предательства. Я была слишком чувствительна и не умела отпускать дорогих мне людей. Каннем смог втереться в доверие и стать моим практически лучшим другом, какого у меня никогда не было. Где-то в глубине души я чувствовала его взаимность и была готова сделать его частью своей жизни. Он уже стал частью моей жизни, как друг и названный брат, которую на самом деле ни во что не ставил и планомерно уничтожал.

Успокоиться я не могла долго, а вот реветь слез не хватило. Лицо горело от слез, голова разрывалась от боли, а сердце было разбито вдребезги. Я хотела вернуться домой прямо сейчас! Я не хотела здесь больше оставаться. Горечь предательства отравило мою кровь

гораздо сильнее, чем семена ядовитых галлюциногенных цветов айшонг-ву.

– Минт, – я впервые назвала его по имени. – Раз Каннем поступил со мной так... Нет, не в нем дело. Что движело Наяной, раз она настолько возненавидела меня? Она ведь могла стать Каннему идеальной и молчаливой приспешницей. Может быть он увидел меня в академическом саду, поэтому лез ко мне, проверяя, видела ли его я, и рассказала ли я кому-нибудь.

– Мне неизвестно о степени участия кадемы Юньшс и ее осведомленности о садоводческих интересах объекта ее неадекватной любви. Но я это обязательно выясню. И те парни мне помогут.

Шатрэн ненадолго вышел из палаты и через несколько минут вернулся, неся в руках бежевый сверток с моей форменной мантией с огромным декольте чуть ли не до пупка. Я уже привыкла надевать под мантию белую майку, чтобы выглядеть прилично, а не вызывающе. Я накинула на себя мантию, надела туфельки и отправилась вместе с новым ректором Академии Трех Сил в офис дисциплинарного комитета, где должны были содержаться под стражей Каннем и Наяна.

Этим вечером я впервые увидела мать Каннема и Канны, Дарсию Рэндалл. Высокая статная женщина с густыми пепельными волосами с прической феи природы из популярного мультфильма на тв. Она знала себе цену и была похожа на самую настоящую акулу бизнеса, которая пойдет по трупам и заметит только, что туфельки запачкала. Я испугалась ее и спряталась за Шатрэном.

– Ректор Минт Шатрэн? – широко улыбаясь, Дарсия Рэндалл сделала хозяйский шаг к Шатрэну, словно собиралась полакомиться им. – Какое неожиданное изумление. Отчего же ваш предшественник, ректор Алгарсис, покинул пост?

– Он обвиняется в тяжелом преступлении, – с усмешкой ответил Шатрэн, и я незаметно для окружающих ахнула, продолжая сжимать в кулачке ткань на спинке мужской мантии. – Точное его местонахождение неизвестно, как и местонахождение похищенного им малолетнего мальчика. На сегодняшний день оба находятся в национальном розыске. А у вас, Дарсия, к нему какое-то дело? Может быть я чем-то могу помочь?

– Мелочь! – с омерзением прошипела женщина. – Ты что о себе возомнил? Ты понимаешь, с кем ты разговариваешь?

– Я разговариваю с родительницей кадема, нарушившего строгий запрет устава Академии Трех Сил, а не с куратором названной академии. И я ее ректор, а не бесправный первогодка. Прояви уважение, Дарсия. Я написал приказ на исключение твоего сына, Каннема Рэндалла. Но здесь продолжит учиться твоя дочь, Канна Рэндалл. Не забывай об этом.

– Это угроза?!

– Ни в коем случае. Я избавлюсь от мусора в моей академии и успокоюсь. Ты должна быть мне благодарна, что я не запустил дело, как Алгарсис в прошлом году. Был другой мальчик. С башни сбросился от скуки.

Небольшая ссора грозила перерасти в нечто большее, и поэтому Шатрэн, передав меня на присмотр своему секретарю, пригласил в ректорский кабинет взбешенную мать отчисленного кадема и вошел за ним следом. Дверь закрылась, и у меня не осталось ни единого шанса подслушать и подсмотреть, что происходило внутри.

– Анита Рэнвальд, правильно? – спросила миниатюрная женщина в маленьких круглых, я бы даже сказала ультрамодных, очках в цветной оправе. – Тебе понравилась комната? Обычно в нее мы заселяем гостей на одну ночь. Для тебя ректор Шатрэн сделал исключение.

– Да, спасибо. Незабываемая ночка.

Разве можно было забыть, как я чуть не поседела всего лишь за десять минут? Клубок ядовитых змей расплетался на полу у моей кровати, на которой я тихо-спокойно читала учебное пособие по травоведению, стараясь никому не мешать. О том, что это благодаря мне змеи оказались в комнате трех нимф, Шатрэн скорее всего догадался. Я понятия не имела, как он узнал о Городе забытых артефактов, и какие неприятности сулило мне его знание.

Я присела на диван, а секретарь вернулась за секретарский стол, доверху заполненный бумагами в прозрачных высоких контейнерах. Я смотрела на нее и думала: после исключения

Каннема их мать, Дарсия Рэндалл, оставит Канну учиться в Академии Трех Сил или переведет в другую вслед за сыном?

Неважно. Предательство Каннема что-то сломало внутри меня. Это что-то называлось вера в существование хороших людей. Искренних и добрых. Я больше не могла никому довериться. Я приняла решение и не собиралась от него отступать. Больше никаких академий и домашней работы. Я вернусь домой, и все вернется на круги своя. Моя жизнь станет прежней. Все будет по-старому. По удобному мне старому.

Дарсия Рэндалл пулей вылетела из ректорского кабинета, пылая праведным гневом. Видимо Шатрэн, обиженный на нее за что-то в прошлом, смог заткнуть ей рот. Какой же он... неважно какой! С завтрашнего утра я возвращаюсь к своей единственной верной цели – реализацией способа возвращения меня домой. Больше никаких привязанностей в этом мире. «Дружбой» я сыта по горло!

А еще мне к моменту возвращения домой предстояло вылечиться от последствий вдыхания пылицы айшонг-ву. Прописаться мне что ли в лазарете? Теперь мне не было смысла скрываться от Шатрэна и изворачиваться, чтобы никто не узнал о существовании сокровищницы. Когда же я облажалась? Когда он узнал о сокровищнице? Может быть он знал о ее существовании давно. А про меня догадался, когда я прошла через зеркало в подсобку?

Светлая мысль, что я сейчас сидела на диванчике не в ректорской приемной, а в офисе дисциплинарного комитета, пришла ко мне не сразу. На нее меня подтолкнуло появление незнакомых личностей с белым нарукавником на правом плече и золотой вышивкой. Они – члены дисциплинарного комитета? Так может быть те двое мужчин были кураторами дисциплинарного комитета, а не дознавателями?

– Канну переводят в другую академию? – спросила я, стоило Шатрэну появиться в зоне моей видимости. Он кивнул, не тратя силы на разговоры. – Понятно. Чего-то подобного я ожидала. Когда Каннем попал в больницу, ее заставили поехать вместе с ним и прислуживать ему. Я должна была сразу понять, что с ним что-то не так.

– Не кори себя. Я тоже не понял. Не разглядел в нем червоточинку. Плохие поступки порой совершают очень хорошие люди. Отец слишком сильно давил на Каннема, и он не выдержал. В академию он фактически сбежал и отказался от содержания. Закономерно в последствии Каннем искал способы заработать самостоятельно и не нашел ничего более прибыльного, чем поставка табака в кальянные ближайшего города. Студент-нелегал денег возьмет меньше, чем официальный бизнесмен.

Его материальные проблемы никак не извиняли его. То, что он сделал со мной... То, как он лицемерно улыбался мне и притворялся моим другом... Даже вызвался помочь с учебниками и донести их до комнаты. Точно! А что там за книга была такая проблемная, которую Каннем заставил меня записать на свое имя? Разве мне могли выдать запрещенную книгу?

– Какую книгу у меня искали?

– Ничего особенного, если не знаешь, для чего ее используют ушлые кадемы, – усмехнулся Шатрэн и поправил выбившуюся из прически светлую прядь. – Обычное пособие по ботанике за исключением одного маленького факта. Кто-то из «родоначальников» табакосушения взял одно из неприметных пособий о растениях, выдрал страницы вразнобой и заменил их своими наработками. С тех пор технология выращивания айшонга сильно изменилась. Даже название немного поменялось. А оригинальная технология потерялась. Наверное Каннем хотел воссоздать оригинальный рецепт табака, но опасался, что его раскроют. Поэтому он подкинул спорное пособие тебе. Ты интересуешься зельеварением. В паре с ним идет травоведение и растение ведение, соответственно.

– Понятно. Можешь больше не объяснять.

Я не хотела больше ничего слышать. Я достаточно пережила и за сегодняшний день, и за все те дни, прошедшие со дня похищения. Я хотела только сбежать отсюда подальше. Как минимум вернуться к себе в комнату, а затем в сокровищницу. Хотя какая теперь разница? Раз Шатрэн обо всем знал, я могла бы напрямую спросить у него разрешения воспользоваться его зеркалом.

– Анита. Я все понимаю. Ты влипла в очень тяжелую ситуацию, но не закрывайся от всего мира, – посоветовал Шатрэн, явно предлагая свои посреднические услуги.

Он хороший психолог или просто эмпат? Я давно перестала удивляться волшебным штукам,

магии и тому, что даже в фэнтезийном мире все сущее не делилось на черное и белое, оставаясь серым, практически незаметным. Как хороший человек мог творить зло якобы во благо, так и злой... хотя злые на моей памяти еще никогда хороших дел не совершали.

– Я не закрываюсь. Я устала. И я больна. Неизвестно сколько времени понадобится для восстановления.

– Двух-трех недель хватит, – пообещал Шатрэн, приглашая меня покинуть офис дисциплинарного комитета, что я сделала с большим удовольствием. – Четыре дня придется принимать сильнодействующие лекарства, чтобы нивелировать влияние айшонг-ву. За остальное время из организма выйдут сами «сильнодействующие лекарства». Недельку посидишь на больничном, а после вернешься на занятия.

Послушать Шатрэна, то все так легко и просто. Я так сильно устала и видела мир сквозь темные линзы, или во мне проснулась рациональная, реалистичная и крайне пессимистичная сторона? Сейчас мне хотелось думать только о плохом и просчитывать мое поведение и дальнейшие шаги исключительно для худшего случая. Для него у меня было несколько быстрых способов добиться всех целей, но я не готова поступиться совестью ради собственной выгоды. Пусть этим занимаются преступники. Однажды они получают по заслугам.

– Я хочу вернуться в комнату и поспать. Я действительно очень сильно устала и хочу спать. Ничего больше не хочу. Только спать.

Так вымотано я не чувствовала себя никогда раньше. Выжатый лимончик? Нет. Перекрученная в мясорубке лимонная кожура! Для исполнения дальнейшего плана мне нужны были силы. Много сил. Не только магических, для получения которых я могла использовать никому не нужные артефакты.

– Хорошо. Я понял. Тебя проводить?

– Нет. Лучше открой портал. Я лягу спать, и этот сумасшедший день наконец-то закончится.

– Анита! – голос Шатрэна надорвался, и я немедленно обернулась. Что еще могло случиться? Вроде бы все решили. Почти. Я перебила его и рассказала «веселую» историю о том, как в мою комнату некто подбросил змей, а я вернула их отправителю, как почта России спустя тридцать дней невострезованного хранения в отделении.

– Я не хотела, чтобы Канна пострадала. Честно. Хорошо, что укусы вовремя обработали, и никаких последствий не было.

– Ты чувствуешь вину за то, что защищалась? За то, что не позволила себя убить?

Все-таки Шатрэн эмпат! Где-то на подкорке у меня была защита эта омерзительная мысль, и я боролась с ней как могла. Я хотела жить. У меня были все шансы сделать мою жизнь такой, какой я ее заслужила. Но годы, проведенные в детдоме, научили меня сомневаться в собственных успехах. Я хотела от этого избавиться. И однажды я избавлюсь. У меня все получится.

Шатрэн открыл портал прямым в мою комнату буквально в шаге от моей кровати, за что я была ему крайне признательна и благодарна. Зачем-то напоследок я взяла его за руки и убедилась, что он живой, а не призрак, созданный моим больным воображением. Сегодня Шатрэн мог меня уничтожить, назвав распространителем наркотического табака, и выбросить на улицу. Но не сделал этого и обелил мое имя перед дисциплинарным комитетом.

– Спасибо. И спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – повторил за мной Шатрэн, и я выпустила его руки из своих рук. Затем шагнула в портал, и он схлопнулся за мной.